

ББК 63.3(2)6
Ш 42

*ПОСВЯЩАЮ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ,
НАДЕЮСЬ, МЕНЯ ПОЙМЕТ*

Шелохаев В.В.

Ш 42 **Прощание с прошлым.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. - 303 с.

ББК 63.3(2)6

© В.В.Шелохаев, 1998.
О «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.

ISBN 5-86004-110-1

«Человека делает человеком в большей
мере то, о чем он умалчивает,
нежели то, что он говорит»

А. Камю

В стихотворении А.С.Пушкина «Когда для
смертного умолкнет шумный день» есть пора-
зительные по своей глубине и силе строки:

«И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалеюсь и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю».

Когда у меня возникла мысль написать вос-
поминания, то я даже не мог представить в
какую болотную ряску себя затягиваю. Работая
над ними, не только пришлось пережить заново
прошлое, но и почувствовать изменения внутри
себя. С «отвращением» вспоминал и передумы-
вал некоторые страницы жизни, «проклинал»
себя за некоторые поступки, корил за невнима-
ние и равнодушие к тем, кто меня бескорыстно
любил. Я рефлексировал, не спал ночами, но не
стремился найти оправдания, ибо его быть не

6 _____ ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

может. Я «не смывал печальных строк» и не уходил от неприятных жизненных эпизодов. Без всякого лукавства хочу сказать, что изложенное в воспоминаниях написано «кровью моего сердца».

Название книги неслучайно. Всю сознательную жизнь мне приходилось и приходится внутренне преодолевать себя. Это гораздо труднее, чем преодолевать внешние обстоятельства. Сосредоточившись на изучении истории, я их просто не замечал, а за это они мне мстили. Я давно ощутил самодостаточность, а это в реальной жизни оказалось не всегда приемлемым и удобным. Отсюда многие жизненные коллизии, но они были за пределами моего творчества. Творчество — это преодоление. Передумывая многое, становится ясно, что Творчество — это путь к личному спасению.

Этими воспоминаниями я как бы подвожу черту под своими многолетними занятиями историей. Достиг ли я чего-нибудь в этой сфере судить не мне. Судей всегда предостаточно. Для меня важно другое: история не дает ответа на вопросы Бытия. Я долгое время не осознавал всего этого и продолжал (как в романе Германа Гессе «Игра в бисер») играть в эту, затягивающую и в конечном счете бессмысленную игру. Осознав это, хочу, если Бог даст мне силы и время, попробовать себя в других сферах. Будет ли от этого спокойнее моей Душе,

сказать не берусь. Но попробовать себя в чем-то другом хочется.

Начало и Конец воспоминаний соединились в одном слове — Преодоление. Заранее все это не планировалось, а родилось в недрах моей души. Мне, к сожалению, не удалось передать все ее изгибы и переливы, разные состояния на протяжении жизни, но это уже недостатки литературного мастерства. Надеюсь, что со временем мне удастся преодолеть этот, смущающий и мучающий меня недостаток.

В книге я старался избегать резких оценок, ибо не вправе никого судить. Во всем грешен и виню только себя. Более того, я всячески избегал каких-либо футурологических прогнозов, понимая, что будущее для смертных закрыто.

Понравится или нет кому-то написанное — это личное дело каждого. Я же писал только правду, как ее ощущал и понимал. Все остальное от лукавого, а с ним, как известно, шутки плохи. Знаю также, что у каждого своя Правда. Поэтому свою Правду я никому не хочу навязывать. Дело с помощью Божьей закончено и я его со спокойной совестью передаю на тех, кого может быть заинтересует эта книга. Заранее прошу прощения у всех, если кого ненароком обидел или что-то не так сказал. При этом злого умысла у меня не было.

Глава первая

ТРАВМИРОВАННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

История России в XX веке жестока и трагична. Трудно назвать страну, где бы на протяжении всего одного столетия несколько поколений пережили столько физических, нравственных страданий и душевных мук. Три революции, три войны (две мировые и гражданская), голод, эпидемии, массовые репрессии, распад великой империи и развал великой державы. Миллионы безвинных жертв, перманентное состояние страха наложили свою тяжелую длань на жизнь поколений, не могли не сказаться на их менталитете. В этой кровавой круговерти и протекала жизнь моих предков.

Мои предки по материнской линии происходили из польских потомственных дворян, высланных после восстания 1863 года в Поволжье. Был ли мой прапрадед участником этого восстания или же, как это нередко бывает, попал под административную «чистку», сказать не берусь. Местом жительства был избран (или опре-

делен) небольшой уездный город Кузнецк Саратовской губернии, основанный по указу императрицы Екатерины II в 1780 году. Преобладание в этом населенном пункте кузнечных дел мастеров и дало название городу. Прапрадед долгое время служил в городской управе и даже стал потомственным почетным гражданином.

Мой прадед Алексей Васильевич Полянский в течение сорока лет проработал конторским служащим на станции Кузнецк Самарской железной дороги. Моя прабабушка Елизавета Алексеевна Медведева вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей. А их в семье было восемь человек (Аркадий, Петр, Михаил, Николай, Раиса, Нина, Анна, Ольга). Большая семья требовала и больших расходов, а заработки у железнодорожных служащих были невелики. Прабабушке приходилось на всем экономить. Будучи прекрасной портнихой, она вынуждена была подрабатывать шитьем по заказам городских модниц, обучала этому искусству нескольких учениц.

С ранних лет начинали трудиться и дети. Сыновья Аркадий и Петр были отданы мальчиками в торговые заведения кузнецких купцов. Мой дед Петр Алексеевич Полянский родился 12 июня 1899 года и с 12-ти лет начал работать у купца первой гильдии Петра Пантелеевича Боброва. Рабочий день мальчика в торговых заведениях начинался с раннего утра и заканчи-

10 ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

вался поздно вечером. Еще до открытия магазина надо было подмести улицу около него, а зимой расчистить дорожки, поставить самовар старшим приказчикам, сбегать в булочную, а затем в течение всего дня быть у них на посылках. Плата за 14—16-часовой рабочий день без выходных была мизерной. Тем не менее она служила подспорьем для домашнего бюджета. На большие церковные праздники и в дни рождений, в том числе и родителей, Бобров своим приказчикам и мальчикам делал подарки: небольшая денежная премия, отрез матери на платье и т.п.

Дед с неизменным уважением и симпатией отзывался о П.П.Боброве, который много делал как для города, так и для своих служащих. Накануне февральской революции 1917 года Бобров перевел деда в приказчики, а затем предоставил ему возможность самостоятельно заниматься торговлей. Запомнилось несколько характерных зарисовок из рассказов деда о Боброве. Это был крепко сложенный человек, выше среднего роста, с большой бородой и выразительными умными глазами. В Кузнецком городском музее сохранилась одна из фотографий, на которой П.П.Бобров запечатлен с группой своих приказчиков. Ему принадлежала сеть магазинов в городе и уезде, торгующих отечественными и колониальными товарами. Как и многие российские купцы, Бобров, поми-

мо торговых заведений, имел доходные дома, а также являлся землевладельцем. Ему принадлежал хутор Алексеевка. Личная жизнь П.П.Боброва, по-видимому, не сложилась. Он жил один, воспитывал племянницу. По своему мировоззрению — это был человек консервативных взглядов, разделявший политическую позицию партии октябристов. Деду запомнился характерный случай. Бобров, узнав, что дед после февральских событий 1917 года вместе с группой молодых приказчиков собрался идти освобождать из городской тюрьмы политических заключенных, заметил: «Там же сидят уголовные элементы, а вы их хотите выпустить на свободу».

Бобров часто приглашал деда к себе на хутор. Здесь и состоялось его знакомство с будущей женой, моей бабушкой Марией Федоровной Диалектовой. Ее отец, мой прапрадед Федор Иванович Диалектов, происходил из семьи потомственных священнослужителей. После окончания семинарии он долгое время был священником, а после февральских событий 1917 года стал управляющим в имении Боброва Алексеевка. Моя прабабушка Анна Федоровна Диалектова с детских лет воспитывалась и училась в монастыре. У Федора Ивановича и Анны Федоровны было трое детей: дочери — Александра (1894 года рождения) и Мария (1899 года рождения) и сын Василий, трагичес-

ки погибший вскоре после окончания духовной семинарии. Александра Федоровна (тетя Шура) окончила женскую прогимназию, а Мария Федоровна — четырехклассную начальную школу. Брат Федора Ивановича, Александр Иванович, окончил Медицинскую академию и занимал в Средней Азии пост заведующего переселенческим пунктом, был награжден лично императором Николаем II именованным оружием.

Вскоре после женитьбы дед с бабушкой поселились в небольшом домике в «Кузницах». Мама как-то показывала мне это место, где стоял дом, в котором в апреле 1920 года родилась она, а через три года — и вторая дочь Ольга. Первые годы совместной жизни дедушки и бабушки прошли в тяжелейшее время. Октябрьский переворот 1917 года круто изменил человеческие судьбы. Были конфискованы торговые заведения у купца Боброва. Петр Пантелеевич сначала уехал из Кузнецка на свой хутор, а в 20-е годы вынужден был нелегально уехать в Среднюю Азию, где и умер в нищете и полном одиночестве. Сменил место работы и мой дед. Он устроился помощником машиниста на станцию Кузнецк. Его рассказы о послеоктябрьском периоде были весьма колоритны.

Железнодорожная линия от Владивостока до Казани была захвачена чехословаками. Под их контролем оказался и Кузнецк. И вот однажды

в депо явилась вооруженная группа чехов, чтобы взять паровоз и направить его к Сызрани, навстречу бронепоезду красных. Чехи приказали машинисту и его помощнику срочно подготовить паровоз. Вместе с ними в кабину паровоза поднялось два вооруженных чеха. Не доезжая до станции Канадеи, чехи приказали им на полном ходу покинуть паровоз. Пришлось прыгать. Возвращаясь пешком в Кузнецк, они наткнулись на конный чешский разъезд и были арестованы. Начался допрос: «Кто? Откуда? Куда?», который сопровождался угрозами расстрела. Каким-то чудом удалось избежать расстрела, но с того дня дед начал сесть.

В Кузнецке с калейдоскопической быстротой сменялась власть: чехи, красные, «зеленые», «григорьевцы», а затем снова красные. В городе царил анархия, шли постоянные перестрелки между бандитскими группировками, население подвергалось грабегам и насилиям. В один и тот же Дуванный овраг за городом белые вели на расстрел красных, а затем победившие красные вели белых и «бывших» — купцов, священников, интеллигентов. Пожар вражды и ненависти многие годы полыхал на бескрайних поволжских просторах, оставляя на своем пути разоренные города и глухие деревни, перемалывая людские судьбы.

В 1921 году Поволжье поразил страшный голод. Его спутником стала холера и другие массовые эпидемии. Только благодаря работе

деда на железной дороге, его поездкам в Самару, Сызрань, Пензу удалось добывать продукты, обменивая их на вещи и нелегально перевозить их на паровозе.

Новая экономическая политика вселила надежду, что власти, приведшие страну на край гибели, одумались, что положение изменится в лучшую сторону. Дед вновь решил заняться торговлей, организовать свое дело. Надо было кормить двух маленьких дочерей, помогать престарелым родителям. Взяв кредит, дед купил готовый сруб и приступил к строительству своего дома. В 1926 году состоялся переезд из «Кузниц» в новый дом.

Однако нэп продолжался недолго. Власти вновь стали закручивать «гайки», начались преследования «бывших» и инакомыслящих. В городе победу над нэпом одержали бывшие кронштадтские матросы, которые на протяжении последующих десятилетий являлись любимцами местных властей, постоянными участниками всех торжественных мероприятий.

Правда, деда не арестовывали, но обыски и досмотры производили систематически: вспарывали перины и подушки, разрезали хозяйственное мыло, копали в подполье, в сарае, в саду. Все пытались найти какое-то мифическое золото, якобы хранящееся у бывшего потомственного дворянина Полянского. Деда лишали избирательных прав, даже в один прекрасный

день конфисковали его баян, творили другие бесчинства. Можно себе представить напряжение, постоянно царившее в доме. Вот лишь один небольшой эпизод. Так как дедушка с бабушкой целыми днями были на работе, дома оставалась одна прабабушка. Однажды в их отсутствие пришли с очередной проверкой. Стали задавать прабабушке вопросы о ее социальном происхождении. Она честно сказала, что происходит из «духовного звания». Когда же с работы возвратились дед с бабушкой, Анна Федоровна им рассказала о визитерах и своих ответах на их вопросы. Ей пришлось растолковывать, что всякие звания, в том числе и духовные, давно отменены и могут последовать очередные неприятности. Прабабушка в слезы, ее пришлось долго успокаивать.

Состояние неослабляющегося напряжения и тревоги не могли не отразиться на здоровье и настроении родных и близких. Сравнительно нестарыми ушли из жизни мой прапрадед Федор Иванович (1920), прабабушка Елизавета Алексеевна (1930), прапрадед Алексей Васильевич (1933). В тринадцатилетнем возрасте умерла Ольга (1936). Был арестован и погиб в Гулаге муж сестры деда Константин Грушельницкий.

Дед работал продавцом в скобяном магазине, где летом была страшная духота, стоял устойчивый запах краски, а зимой гуляли сквозняки и царил холод, ибо помещение вообще не

отапливалось. Все это сказалось на его здоровье: дед страдал ревматизмом и язвой желудка. Когда началась война, деда в ноябре 1941 года призвали в армию. По возрасту, а, главное, по болезни он проходил службу в тыловых частях недалеко от Пензы, в Селиксе. В 1945 году был демобилизован в звании старшины.

Во время войны в доме остались одни женщины: прабабушка, бабушка, мама и тетя Шура. В 30-е годы тетя Шура со своим мужем Никифором Георгиевичем Ивановым жили в Москве. Будучи мастером-краснодеревщиком, Никифор Георгиевич работал на строительстве первой линии московского метрополитена. После его смерти тетя Шура некоторое время работала в Центральном доме пионеров и жила в коммунальной квартире в Сокольниках. Накануне войны она возвратилась в Кузнецк, купила небольшой дом на улице Белинского. Во время войны в наш дом подселили две семьи беженцев с Украины, которые и прожили у нас до победы.

Бабушка работала в магазине. Помню ее рассказы о военном времени. Вот один из них. Зимой 1942 года у нас из подвала воры украли картошку, а через некоторое время они забрались на веранду и утащили все припасы, купленные на зиму. Если учесть рост инфляции, бешеные скачки цен на все продукты питания, то можно себе представить, с какими невероят-

ными трудностями пришлось столкнуться женщинам во время войны. Бабушка вынуждена была менять в торгсине вещи и драгоценности, подаренные ей родителями и дедом. Большую помощь оказывала тетя Шура.

Моя мама, Лидия Петровна Полянская, родилась 3 апреля 1920 года. Она окончила среднюю школу № 1 и в 1939 году поступила в Ульяновский педагогический институт на отделение русского языка и литературы. В Кузнецке она познакомилась с моим отцом, Шелохаевым Валентином Федоровичем, который к тому времени окончил Казанское пехотное училище. Сохранилась его фотография, на которой он запечатлен в офицерской форме. 14 января 1941 года они поженились.

После свадьбы отец с мамой жили в Инзе. За четыре дня до начала войны, 18 июня 1941 года, воинская часть, где служил отец, была отправлена в Белоруссию. Мама возвратилась в Кузнецк. Какое-то время отец писал с фронта письма. Они приходили из Конотопа, Чернигова и Гомеля. Однако вскоре переписка прекратилась. Отец с фронта не вернулся, и до сих пор неизвестно, где он погиб и похоронен.

По отцовской линии моими предками были крестьяне-старообрядцы из села Русский Камешкир Саратовской губернии. Мой прадед, Семен Иванович Шелохаев (1848 года рождения), исполнял в Камешкире обязанности стар-

шины, имел большой фруктовый сад и пчельник. Женат был дважды. От первого брака имел сына Петра Семеновича, который был активным участником революции 1905-1907 годов, что стало основной причиной острого конфликта с отцом. От второго брака с Ольгой Прокофьевной Глухой (1860-1943) родились два сына — Григорий и Федор, дочь Татьяна.

Мой дед, Федор Семенович, родился в 1894 году. В первую мировую войну был призван в армию, окончил Петергофское военное училище и в чине подпоручика был отправлен на фронт. Из сохранившегося его послужного списка видно, что уже в 1916 году ему было присвоено звание штабс-капитана. Будучи в краткосрочном отпуске, дед женился в Камешкире на Елизавете Дмитриевне Смирновой. Бабушка родилась в 1896 году в семье зажиточных крестьян, имевших в окрестностях Камешкира красильные и торговые заведения.

Октябрьский переворот круто изменил военную карьеру деда. «Золотопогонников» стали преследовать и даже расстреливать. Когда он после революции оказался в своем родном Камешкире, то местные власти решили его арестовать. Узнав о готовящемся аресте, сестра деда, Татьяна Семеновна (в замужестве Боровикова), ночью вывезла его из Камешкира в город Петровск, спрятав под соломой. Таким незатейливым путем сестре удалось спасти жизнь брата.

Вскоре из Петровска дед нелегально перебрался в Кузнецк. Перейдя на службу в Красную армию, он воевал под командованием К.Е.Ворошилова против белых под Царицыном, а затем принимал участие в разгроме банд атамана Григорьева. Видимо, эти заслуги были учтены советской властью, и деда после окончания гражданской войны не преследовали. Он продолжал служить в Красной армии, а в самом начале 30-х годов непродолжительное время работал начальником кузнецкого городского отдела милиции.

У дедушки и бабушки Шелохаевых было два сына — Валентин (1917 года рождения) и Сергей (1924 года рождения) и две дочери — Антонина (1919 года рождения) и Раиса (1921 года рождения). Во время Отечественной войны дед в чине майора командовал полком. В боях под Ельней летом 1941 года он был тяжело ранен и отправлен в кузнецкий госпиталь. После почти годичного лечения был комиссован и уже на фронт не возвращался. Ему было поручено вести подготовку резервных частей для действующей армии в Селиксе. Через некоторое время ему удалось перевести под свое начало и Петра Алексеевича Полянского.

Оба сына Шелохаевых погибли. Дочери Антонина и Раиса добровольцами ушли на фронт и прошли всю войну. Обе остались живы, но судьбы их сложились по-разному. Старшая —

Антонина долгое время была на партийной работе, занимала пост секретаря Арзгирского райкома партии в Ставропольском крае. Младшая — Раиса, закончила войну в Литве и здесь же вышла замуж за Петра Федоровича Колесникова. В 1946 году у них родилась дочь Валерия, моя двоюродная сестра. После переезда в Кузнецк у них в 1948 году родился сын Сергей.

Как видим, оба рода Полянских и Шелохавых пережили немало. Судьбе было угодно пересечь их пути, что и привело к моему появлению на свет Божий.

Глава вторая

СРЕДИ ЛЮБЯЩИХ И ЛЮБИМЫХ

Я родился 18 декабря 1941 года в городе Кузнецке. Согласно православной традиции меня должны были назвать Николаем. Однако отец, уезжая на фронт, просил маму назвать ребенка его именем. «Если родится мальчик, — говорил он, — то назови его Валентином, а если девочка, то Валентиной». Так, еще задолго до появления на свет я уже имел имя. Предчувствовал ли отец свою судьбу? Сказать трудно. Но мама его просьбу выполнила и назвала меня Валентином.

Мучительно хочу «ухватить» момент пробуждения своего сознания, осмысленного восприятия мира. И каждый раз неизменно упирюсь в одно. Глубокая ночь. В доме ярко горит электрический свет. Все возбуждены. Радио включено на полную мощность. Я на руках у мамы. Это была незабываемая ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Мне три с половиной года. С этой майской победной ночи я начал осмысленно

воспринимать себя и окружающих. Долгое время я пытался проникнуть за «пределы» пробудившегося сознания, в подсознание. В туманной дымке мелькают очертания окружающих меня родных и сверлящий голос Левитана, передающего фронтовые сводки. В 1963 году, вскоре после смерти моего деда, мне приснился сон: мы с ним находимся в какой-то землянке: нары, стол, табуретки. Много лет спустя я рассказал маме об этом сне. Она удивилась и сказала, что несколько раз возила меня в Селиксу, где в то время служили оба моих деда и я, действительно, был в землянке. Тогда мне было полтора года, но эта встреча запечатлелась в подсознании. Точкой отсчета осознанной памяти все же стала майская ночь 1945 года.

Все ждали возвращения родных и близких с войны. С утра мое место у окна: смотрю на дорогу, жду... И вот в один из таких «дежурных» дней я увидел человека в военной форме, идущего по улице к нашему дому. Это был мой дед Полянский Петр Алексеевич. С его возвращением в доме все изменилось. Вскоре уехали беженцы. Однажды к нам пришел военный. Он был без одной руки. Забрав свою семью, он возвратился к себе на Украину. Дед сделал ремонт. Стены дома были расписаны под карельскую березу и мореный дуб, полы и потолки зеркально блестели. Изготовленная на заказ модная тогда мебель создавала особую теплоту и уют.

Часто собирались гости, пекли традиционные воскресные пироги, играли в бильярд, карты.

Для меня весна и лето 1945 года были временем освоения пространства вне дома. Вот мы с дедом в саду, в крольчатнике, подвале, бане, огороде. Дед позволял мне абсолютно все: забивать гвозди, копать, стрелять из охотничьего ружья и т.д. Он постоянно что-то придумывал. То был увлечен разведением новых пород кур, гусей, индюков, кроликов, голубей, то занимался пчеловодством, и мы с ним ездили на пасеку. Однажды дед приобрел у пастухов огромную собаку (помесь овчарки и волка), которая в окрестных селах охраняла стада овец. Это был мощный и красивый пес с экзотической кличкой «Жулик», соответствующей его манере поведения. Привыкший к полной свободе и явно томившийся от городского безделья, Жулик признавал только деда, а остальных домашних просто игнорировал. В холодные зимние дни его пускали домой погреться, и он во всю свою длину растягивался на диване, позволяя мне с ним поиграть. Постепенно к независимому характеру Жулика все привыкли и ослабили внимание. Его все чаще и чаще стали спускать с цепи, и он свободно разгуливал по двору и саду. Однажды ко мне в гости пришли мои друзья, оставив на какое-то мгновение открытой калитку. Этим мгновением Жулик и воспользовался. Впоследствии выяснилось, что он возвратился к

24 ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

своим прежним хозяевам и к своим прежним обязанностям.

Дед покупал мне разные игрушки. Однажды он подарил большую машину, на которой можно было, нажимая ногами на педали, ездить по двору и улице. Машина была предметом зависти соседских мальчишек и девчонок. Наш двор стал местом детских игр. У меня появились первые друзья: Рудольф Платов, Владимир Логов и Геннадий Власов. Они приходили в гости, и мы целыми днями играли в разные игры. И хотя впоследствии жизнь разметала моих друзей в разные стороны, они навсегда остались в моей памяти.

Дед подарил мне красивую шкатулку, в которой я хранил его же «денежные зачатки». Но в роли «банкира» я продержался недолго. В 1947 году грянула денежная реформа, и дед деньги из шкатулки поменял на новые. Но после этого, сам не знаю почему, у меня раз и навсегда пропал интерес продолжать игру в «шкатулку» и к деньгам вообще. После реформы 1947 года еще было много разных денежных реформ, но в моей памяти ярко запечатлелась именно она. Страх перед денежной реформой у людей был так велик, что многих вверх, в буквальном смысле слова, в шоковое состояние. Еще накануне реформы люди опустошали прилавки магазинов, покупая все подряд. По улице брели толпы людей, ташивших на себе несколь-

ко комплектов лошадиной сбруи, какие-то тазы, кастрюли, цинковые ведра, канаты, краску и т.д. Безлошадные городские жители скупали телеги и сани, дуги и хомуты. Реформа травмировала население, сеяла панику.

Гордостью деда был сад, за которым он старательно ухаживал. Вставал он очень рано, «с петухами», видимо, сказывалась привычка, сохранившаяся еще с тех времен, когда он работал мальчиком у купца П.П.Боброва. Задолго до ухода на работу ему удавалось переделать кучу домашних дел: зимой — расчистить от снега дорожки во дворе, саду, около дома; весной — вскопать огород, привести в порядок сад. Дорожки в саду всегда были чисто выметены, деревья аккуратно подстрижены, почва под ними взрыхлена, каждое дерево выбелено. Наш сад был прекрасен.

На всю жизнь остались в памяти семейные чаепития под раскидистыми яблонями, костерок, на котором варилась рассыпчатая картошка, аромат цветущих яблонь и вишен, черемухи, пение соловья в малиннике, жужжание пчел, собирающих нектар, традиционная варка варенья и вкус пенек. Осенью шла заготовка на зиму овощей: солили капусту, помидоры, мочили яблоки и арбузы. Зимой из леса прилетали снегири и синицы. Все это осталось в далеком-далеком прошлом.

Когда я пишу эти строки уже давно нет ни дома, где я родился, ни сада. В 80-е годы весь

наш квартал постепенно был уничтожен. Вместо индивидуальных домов возвели безликие блочные строения. Яблоневые и вишневые сады были вырублены. И только четыре больших дерева — карагача, еще до войны посаженные дедом, продолжают стоять у дороги, как раз напротив дома, где я родился и где прошло мое детство. Каждый год мы с сыном Станиславом посещаем это родное место и я, поглаживая шершавую кору старых и уставших от «цивилизации» деревьев, мысленно переношусь в свое далекое и безвозвратно ушедшее детство.

После демобилизации дед продолжил работу в магазине. Летом я часто приходил к нему в гости. Чтобы добраться до магазина, надо было пройти до конца квартала и пересечь большую ромашковую поляну, на которой расположился цыганский табор. На поляне стояли кибитки, паслись стреноженные породистые лошади, бегала целая орава ребятишек. Однажды во время «путешествия» я познакомился с цыганенком моего возраста, и он стал приходить ко мне в гости. Однако наши игры с ним продолжались недолго. Вскоре к нам в дом повадилась ходить его мать, ухитрившаяся что-то стащить. Терпение бабушки лопнуло, и наши встречи с цыганенком прекратились. Некоторое время спустя цыганский табор покинул Кузнецк и отправился в теплые края.

Удивительное зрелище представляли послевоенные базары. Здесь было много пришедших

с войны калек, просящих подаяние. Они пели военные и блатные песни. Было много пьяных. Но в один прекрасный день калеки вдруг куда-то исчезли, и больше на базаре я их не видел. Лишь спустя много лет я узнал, что искалеченные на войне люди были отправлены на принудительное лечение.

На базаре мне нравилось наблюдать за белыми мышами, которые доставали какие-то бумажки. Владельцы мышей передавали их тем, кто хотел узнать о судьбе своих близких и родных, не вернувшихся с войны. Только потом я понял смысл этой незамысловатой игры. Но тогда белая мышка была для меня диковинкой, и за ее действиями было интересно наблюдать. В памяти остался и такой эпизод. Мы с дедом на базаре. Он разговаривает с каким-то человеком, приехавшим из деревни. Дед его спрашивает: «Как называется колхоз, где ты работаешь?» Ответ предельно лаконичен: колхоз «Напрасный труд».

В послевоенные годы в городе нередко случались и грабежи и убийства. По ночам порой слышалась стрельба. Прошедшие войну люди нелегко отвыкали от насилия, от солдатских стаграмм и площадной ругани. Жизнь с большим трудом входила в мирную и привычную колею.

Городским властям потребовалось более сорока лет, чтобы увековечить память погибших на войне кузнецан. В 80-х годах на Марах был

сооружен мемориал Славы. Среди более восьми тысяч погибших, чьи имена выбиты на мраморных плитах, есть фамилии моего отца и дяди. В Музее воинской Славы хранится книга памяти и есть небольшой стенд, где выставлена фотография моей тети Раисы Федоровны Колесниковой и ее личные вещи периода войны.

Когда взрослые уходили на работу, я оставался дома со своей прабабушкой. Анна Федоровна читала мне книгу Бориса Гладкова «Почемучка», рассказывала сказки. Прабабушка любила читать книги. По ее рассказам, еще будучи в монастыре, она читала газеты раненым солдатам, вернувшимся с русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Вместе с ней мы слушали детские передачи.

Довольно часто к нам в гости приходила тетя Шура. Она знала очень много стихотворений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, А.А.Блока, С.А.Есенина. Стихи она читала блестяще, и они западали в душу. Помню строки одного из первых стихов, прочтенных мне тетей Шурой: «Кто мчится? Кто скачет за холодной мглой? Седок запоздалый, с ним сын молодой». Я просил тетю Шуру читать их в темной спальне и, закрыв глаза, представлял себе темный лес, скачущего всадника, сверкающие фосфорическим блеском волчьи глаза. Было страшно, но это завораживало. Тетя Шура знала также множество сказок и умела их рассказывать.

Сказки играют огромную роль в формировании детского воображения. Я, буквально кожей, чувствовал сказочные образы, сопереживал сказочным персонажам. В детстве мне часто снился один и тот же цветной сон. Лесная поляна, освещенная ярким солнцем или полной луной. В середине ее — огромный спиленный пень, на нем маленький старик с длинными волосами и густой бородой, с ясными, добрыми и лучистыми глазами. Я — рядом с пнем, без слов понимаю старика, играю с ним, дотрагиваюсь до его бороды, лица, начинаю гладить волосы и вдруг ощущаю, что его голова мягкая, как воск, мои пальцы медленно погружаются в нее. Мне становится страшно и я просыпаюсь. Этот сон снился мне в детстве только в Кузнецке. После переезда в деревню сновидение исчезло, но в памяти запечатлелось.

Тетя Шура часто брала меня с собой в церковь. До 30-х годов в Кузнецке были десятки церквей. Затем их стали закрывать и разрушать. В послевоенном городе осталось всего две церкви. Одну из них закрыли уже во времена Хрущева. Прабабушка и тетя Шура были глубоко верующими людьми, регулярно ходили в церковь, соблюдали все церковные обряды и праздники. В церкви царил особая атмосфера. Тетя Шура молилась, а я внимательно разглядывал сверкающий алтарь, слушал церковное пение и терпеливо ждал, когда начнется причастие.

Позднее мне посчастливилось побывать во многих замечательных по своему архитектурному исполнению европейских католических и протестантских храмах, но подлинный душевный трепет я испытываю лишь в православной церкви, с которой связан обрядом крещения. Человеческая душа вневременна, она всегда стремится к своему Творцу. Церковь, видимо, и есть то место, где происходит такая незримая встреча. Состояние высшего душевного напряжения, радости и благодати я еще испытал в храме Гроба Господня в Иерусалиме.

В воскресенье посещали дедушку Федора и бабушку Елизавету Шелохаевых, живших в нескольких кварталах от нашего дома по улице Молодая Гвардия. Их двухэтажный дом сохранился по сей день, но там уже живут незнакомые мне люди. Дом стоит на возвышенности, и с балкона прекрасно видны: горная гряда — Карпаты — и значительная часть города. Из дедушкиного армейского бинокля можно было разглядеть дома и людей, живущих на Карпатах и Песчанке. После демобилизации дедушка Федор работал на различных руководящих должностях, продолжал ходить в военной форме, придававшей ему строгий и неприступный вид.

Дедушка с бабушкой долго разыскивали и ждали своего сына Валентина, надеялись, что он остался жив и вернется. Шли годы, но сын

не возвращался. Пока же они баловали своего внука. Они оставляли меня по несколько дней у себя. Часто в доме собирались родственники, друзья, знакомые. Пекли пироги, часами сидели за столом, беседовали, играли в карты. А мы в это время занимались своими играми.

В памяти остались и визиты к тете Шуре на улицу Белинского. Своих детей у нее не было, и она меня баловала: покупала конфеты и шоколадки. По послевоенным временам это было очень дорогое удовольствие. Чтобы купить одну шоколадку, ей приходилось продать целое ведро моркови.

Когда я немного подрос, дед Петр Алексеевич стал брать меня с собой на охоту. Правда, я не помню ее результатов. Но в памяти отложилось другое: дед ставил пустую консервную банку на пень, и я в нее стрелял из ружья. Хотя деду из меня так и не удалось сделать меткого стрелка, но я ему благодарен за то, что он познакомил с оружием, научил заряжать патроны, привил любовь к природе. Запомнились и выезды с дедом на пасеку в Ясную Поляну. У деда там жили родственники по материнской линии, и они присматривали за пчелами. На пасеке жили несколько дней, качали душистый и ароматный мед, собирали землянику и ели ее с холодным молоком. Это были незабываемые дни. Несмотря на все возрастающие налоги на пчел и садовые деревья, деду как-то удавалось

выкручиваться и сохранить сад и пчелиные улья.

В памяти остается все яркое и необычное: дни рождения и дни Ангела, встречи Нового года. Елка была у нас дома. На новогодние праздники ходили на Мары, к другим родственникам. Накануне разучивали стихи, песни, загадки и шарады. Правда, в других домах я всегда почему-то стеснялся, и меня с большим трудом можно было уговорить прочитать стихи, а тем более пропеть куплет из новогодней песенки. Единственное, на что я легко соглашался — это походить с хороводом вокруг елки. Разумеется, стихи и песенки я знал, но преодолеть стеснительность мне удавалось лишь с большим трудом. С чем это было связано, сказать трудно, но и по сей день я каждый раз неловко чувствую себя в незнакомой компании. Мне всегда больше нравилось быть одному. Может быть это в какой-то степени было связано с традиционно сложившейся в нашем доме субординацией. Всех взрослых я называл на «Вы», в том числе и собственную маму. Только в десятом классе она мне разрешила называть себя на «Ты». Сейчас я думаю, что это было правильно.

В нашем доме царило не только послушание, но и искренняя забота друг о друге. Это касалось буквально всего: еды, одежды, состояния здоровья, отдыха и т.д. В гости, как правило, ходили всей семьей. Дед оказывал помощь мно-

гим родственникам и знакомым. В доме привлекали моих друзей, отцы которых не вернулись с фронта. Бабушка подкармливала их. Довольно часто ходили в кино. Первый фильм, который я запомнил, назывался «Индийская гробница». Видимо, дед и бабушка не захотели меня оставлять дома и взяли с собой в кино. Двухсерийный индийский фильм шел бесконечно долго, и только обещание купить мне мороженое удерживало меня на стуле.

Но в памяти сохранилось не только приятное. Помню многочасовые и изнурительные стояния с мамой за хлебом. Очередь занимали еще с вечера, дежурили всю ночь, чтобы утром получить буханку. Людская толпа — нечто страшное. Для достижения цели она может все смести на своем пути. Когда привозили хлеб, то наступал кульминационный момент, и люди, еще недавно мирно разговаривавшие друг с другом, преображались. Нередко случались драки, а площадная ругань была бытовым явлением. Запомнилось: к буханке хлеба давали небольшой довесок и его мама сразу же отдавала мне.

Хотя в послевоенные годы наша семья не голодала, но жили очень и очень скромно. Так, из дедушкиной военной шинели мне сшили детскую шинель, брюки были в заплатках. Выжить кузнецанам в послевоенный период помогало собственное натуральное хозяйство. Практичес-

ки у каждого кузнечанина были свой огород и сад, обеспечивавшие необходимый минимум питания. И в этих труднейших послевоенных условиях православные русские люди сумели сохранить свое достоинство и проявить милосердие к своим поверженным врагам. Вспоминаю о немцах-военнопленных, которые строили автомагистраль «Москва-Куйбышев». Она проходила как раз мимо нашего дома. В Кузнецке трудно найти семью, в которой бы не было погибших на войне. Но никто военнопленных не обижал. Они были настолько худы и измождены, что население их жалело и тайком подкармливало. Открыто делать это люди просто боялись.

Наших соседей, Чуйкиных, на несколько дней арестовали только за то, что они дали пленным немцам небольшой чугунок вареной картошки. Мы же, мальчишки, даже осмеливались сидеть рядом с немцами на скамейке. Они нам показывали свои семейные фотографии, что-то пытались объяснить на своем языке. Хотя мой отец и не вернулся с войны, ненависти к немцам я не испытывал. Мне их было просто жалко. Бабушка тайком передавала им вареную картошку.

Строительство дороги продвигалось быстро и вскоре наши встречи на скамейке с немцами прекратились. На Карпатах сохранилось немец-

кое кладбище, где нашли свой последний приют вдали от дома многие военнопленные.

После нескольких лет ожидания своего мужа мама решила выйти замуж. Ее избранником стал двоюродный брат моего отца Боровиков Михаил Васильевич. У сестры дедушки, Татьяны Семеновны, было четыре сына — Петр (1912 года рождения), Александр (1914 года рождения), Михаил (1919 года рождения), Виктор (1923 года рождения) и дочь Александра (1925 года рождения). Ее муж Василий Иванович Боровиков умер в начале 30-х годов, и ей одной пришлось воспитывать детей. Старший сын Петр погиб в годы войны, другие сыновья прошли войну и остались живы.

После окончания школы Михаил Васильевич поступил в Кузнецкий ветеринарный техникум, где уже учился его старший брат Александр. С четвертого курса он был призван в армию, а с началом войны мобилизован на фронт. Михаил Васильевич проходил военную службу в Даурии и участвовал в боях против Японии. После демобилизации в звании старшего лейтенанта он возвратился в Кузнецк и продолжил учебу в техникуме. Мама и отчим познакомились у Шелохаевых и с их благословения поженились. Я хорошо помню их свадьбу. Отчим стал жить у нас. После окончания с отличием ветеринарного техникума они решили уехать из Кузнецка. Михаилу Васильевичу

предложили место ветеринарного врача в селе Мачкасы Шемышейского района Пензенской области. Я же остался в Кузнецке.

С осени 1948 года меня начали готовить к школе. Позднее я узнал, что дедушка Федор предлагал маме отдать меня в Суворовское училище, где учился его приемный сын Алексей Плешаков. На фронте дед дружил с семьей генерала Плешакова, который неоднократно говорил о том, что в случае его гибели Федор Семенович должен усыновить их сына. Генерал Плешаков и его жена — военный врач — погибли во время бомбежки. Дед исполнил просьбу своего фронтового друга. Алексей Плешаков окончил Суворовское училище, стал профессиональным военным. На каникулы, а затем в отпуск он приезжал к дедушке и бабушке, где и состоялось мое с ним знакомство.

Мама категорически отказалась отдавать меня в военное училище. Возник вопрос, где я буду жить и учиться — в Кузнецке или в Мачкасах? В доме шли долгие разговоры не только о возможном моем переезде в деревню, но и переезде дедушки и бабушки Полянских. Сильным аргументом в пользу такого решения явилось рождение в ноябре 1948 года моего брата Владимира. Маме требовалась помощь. Тетя Шура переселилась в наш дом и стала жить со своей мамой Анной Федоровной. Однако переезд в деревню затянулся до мая 1949 года. Всю

зиму я учился читать и писать. Долгими зимними вечерами писал письма маме в Мачкасы. И вот наступил час отъезда.

Пригородный поезд отправлялся из Кузнецка глубокой ночью. На вокзале деда последний раз обыскали. Вот мы уже едем. Хотя расстояние до Канаевки всего 60 километров, но поезд шел так медленно, что мы приехали туда только ранним утром. Дед сразу же отправился искать попутный транспорт в районный центр — Шемышейку, до которой было несколько десятков километров. После нескольких часов поиска удалось договориться с шофером бензовоза, направляющегося в Шемышейку. Мы с бабушкой забрались в кабину, а дед с вещами пристроился на бензобаке и так, держась за поручни, ехал всю дорогу. В Шемышейке нас уже ждал на подводе Андрей Сергеевич Галкин, > живший санитаром на ветучастке. Бывший буденновец, прошедший всю гражданскую войну в 1-й Конной армии, Андрей Сергеевич был мудрым и добрым человеком.

Расстояние между Шемышейкой и Мачкасами составляет около 20 километров. Но, чтобы его преодолеть на лошади, требуется несколько часов. Был прекрасный майский день, ярко светило весеннее солнце. Уже распустились листья на деревьях, а по обочинам проселочной дороги росла густая темнозеленая трава, которая почему-то поразила меня своей необыч-

тью. Дорога петляла среди полей и перелесков, оврагов и небольших речушек. Я впервые увидел дремучий лес с непроходимыми чащами и топами (в народе это место называли «Семь Ключей»), широкие просторы полей. Воздух был кристально чист и насыщен ароматом весенних трав. На все лады щебетали птицы, радуясь наступившей весне и прекрасной погоде. С тех пор прошло уже много лет, а я до малейших деталей помню тот майский день, с которого и началось мое десятилетнее пребывание в деревне.

Глава третья

В ДЕРЕВНЕ

Когда мы приехали в Мачкасы, то пред **мшим** взором предстал полуразрушенный **вельуТQi**. состоящий из небольшого деревянного дома, ветлечебницы и конюшни. Когда родители приехали в Мачкасы осенью 1948 года, то **им** заново пришлось перекладывать печи, вставлять рамы и стекла.

Нас встречала мама и уже подросший брат, торжественно восседавший в ванне, ибо тогда детских колясок не было. Когда же бабушка попыталась взять его на руки, то он, видевший до сих пор только маму и отца, испугался и заплакал. В день нашего приезда отец ездил куда-то по вызову. Разгрузили вещи и стали осваиваться.

По сравнению с домом в Кузнецке, деревенский дом выглядел маленьким и невзрачным. Он состоял из кухни, небольшой жилой комнаты и совсем крохотной спальни. Никаких чдобств в доме, естественно, не было. Окна дома выходили, с одной стороны, в поле, а, с

другой — на ветлечебницу. Рядом с домом стояла баня, а за ветлечебницей находилось сельское кладбище. Немного поодаль — колхозные склады (амбары), ток, сельская школа. В 800-х метрах от ветучастка начиналась деревня. Чуть дальше, на пригорке, стояли продовольственный и промтоварный магазины, склады сельской кооперации, медицинский пункт и разрушенная церковь. Основная же часть села располагалась под горой и в пойме реки Узы, одной из многочисленных притоков Волги. Село было довольно большим. В нем тогда проживало более двух тысяч человек. Русских в селе было мало. Население говорило на мордовском языке (эрзянском диалекте).

Климатические условия были прекрасными: снежные зимы с умеренными морозами и продолжительное теплое лето. В радиусе нескольких десятков километров не было ни одного промышленного предприятия. Экологически чистый воздух, вода, плодородная черноземная почва, еще не знавшая химических удобрений. До хрущевских преобразований это был живописный уголок природы. Значительная часть жителей села, особенно преклонного возраста, не были знакомы ни с железной дорогой, ни с электричеством, ни с телефоном. Правда, со временем возросло число людей, уезжавших из села, особенно молодежи, отслужившей в армии. Более частыми стали поездки в Саратов,

Пензу, Москву и другие города. В середине 50-х годов в соседнем селе Каржемант построили пеньковый завод, и некоторые местные жители из окрестных деревень стали там работать. Однако подавляющее большинство жителей Мачкаса занималось сельским хозяйством, работало в колхозе.

Постепенно я начал осваивать пространство вокруг дома, а через какое-то время познакомился с деревенскими ребятами, братьями Василием, Михаилом и Александром Макаркиными. С Александром мы дружили в течение десяти лет, вместе окончили школу, учились в одном классе. Затем я познакомился с братьями Геннадием и Николаем Цыгановыми. Ребята плохо понимали по-русски, а я же вообще не знал мордовского языка. Их было много, а я один. Поэтому мне пришлось овладевать мордовским языком. В детстве это дается быстро и легко. Через некоторое время я стал понимать новый для меня язык, а затем свободно говорить на нем. Для сельских ребят в Мачкасах было раздолье: река, луга, леса. Летом целые дни проводили на речке: кто ловил рыбу, а кто просто купался. Зимой — лыжи, санки, коньки.

За десять лет мне пришлось побывать во многих домах и видеть как живут простые люди. В послевоенные годы материальное положение большинства жителей села было крайне тяжелым. Дома в деревне были деревянны-

ми, состоящими, как правило, из одной комнаты, служившей одновременно и кухней, и столовой, и спальней. Лишь немногие из них имели по две комнаты. Мебель была самая простая и в основном самодельная: стол, лавки, табуретки, деревянные кровати. Старики спали на печке и палатах. В большой печи варили еду и для себя, и для скота. К домам примыкали хозяйственные постройки, где содержались коровы, быки, телята, овцы, свиньи и птица. Около каждого дома был приусадебный участок (примерно 10—15 соток). Приусадебное хозяйство было натуральным.

В первые послевоенные годы колхозники употребляли в пищу древесные листья и крапиву. Весной на огородах и колхозных полях собирали промерзшую за зиму картошку и использовали ее в пищу. Хлеб из мерзлого картофеля, листьев и отрубей напоминал глину. Можно было видеть, как голодному скоту скармливали старую солому с крыш, а по весне поднимали коров и лошадей при помощи веревок, чтобы вывести их из конюшни на первую весеннюю травку.

Бросалась в глаза и разница в одежде между городскими и деревенскими жителями. Большинство людей одевалось крайне плохо. Зимой носили овчинные шубняки или телогрейки, на ногах валенки или лапти, на голове ватные шапки. Ранней весной и осенью в ходу были те

же телогрейки и лапти на деревянной платформе. Летом ходили в лаптях или же босиком. Одежда была самая простая, в заплатках. Были и такие, кто ходил в лохмотьях. Правда, меня родители одевали несколько лучше деревенских ребятишек, но тем не менее и мне приходилось носить заплатанные штаны и рубашки; (а на это тогда никто и не обращал внимания).

В деревне, когда мы приехали, не было электричества. Дома освещались керосиновыми лампами, а порой пользовались свечками и даже лучиной. Не было в деревне и больницы. Если кто-то серьезно заболел или требовалась срочная операция, то его везли на подводе за 20 километров в Шемышейку или же еще дальше в Петровск Саратовской области. Однажды у деда обострилась язва желудка, и его пришлось отправлять в больницу на лошади. Когда у моего товарища Николая Цыганова начался приступ аппендицита, то операцию ему делали в городе Петровске.

И тем не менее в детские годы деревня представлялась чем-то необычным и даже экзотическим. По лугам, полям и деревенским улицам и днем и ночью бродили животные. Мне в детстве не раз приходилось попадать в ситуации, когда единственным спасением от них были быстрые ноги. Как-то раз я пошел в гости к Андрею Сергеевичу и недалеко от его дома на меня, еще не привыкшего к деревенскому быту,

напал полугодовалый бычок, спастись от которого помогла его хозяйка. После этого случая, закончившегося, кстати, поркой дома, я стал более осторожным. Если в Кузнецке не было большой реки, то в Мачкасах мы могли целыми днями купаться в Узе и загорать. Если в Кузнецке поход в лес был каждый раз событием, то здесь леса росли кругом и их посещение стало обыденным явлением. В Мачкасах можно было не бояться машин. Когда мы приехали, их в селе вообще не было.

С отъездом бабушки и дедушки в Кузнецк мы с мамой и маленьким братом оставались одни, ибо отец часто выезжал в окрестные села по вызовам. Вспоминаю два случая. В один из летних жарких дней внезапно заболел брат. Он неподвижно в полубессознательном состоянии лежал на руках у мамы, а я бегал то за фельдшерницей, то за святой водой, то за Андреем Сергеевичем. Никто толком ничего не мог сказать, что же происходит с братом и что следует делать. Помню тревогу и отчаяние мамы. Так мы провели бессонную ночь. Брат лежал, не подавая никаких признаков жизни, а мы с мамой сидели у изголовья его кровати. К утру кризис миновал, и брат стал приходить в себя. В другой раз, когда мы с мамой и братом остались опять одни, ночью в дом кто-то стал ломиться. От ударов трещала входная дверь, а я стоял с заряженным ружьем в руках, надеясь защитить

маму и брата. К счастью, хулиганы ушли, а через некоторое время со страшным грохотом упала на пол внутренняя ставня, вызвав у нас очередной переполох. В это время я был еще маленьким ребенком. А каково же было моей маме?

К осени 1949 года дедушка и бабушка окончательно переехали в деревню. Мама ждала ребенка. В январе 1950 года родилась моя сестра Ильяна. Сразу же после переезда дедушка и бабушка приступили к созданию собственного хозяйства. В нем было все: корова (временами тел), телята, овцы, свиньи, а также огромное количество птицы: куры (им счет не вели), утки, гуси, индюшки. Специалистам сельского хозяйства тогда полагалось 25 соток земли, на которой выращивали картофель и овощи.

В процессе освоения нового деревенского быта быстро бежало время и незаметно пришла пора идти в школу. Первого сентября 1949 года я пошел в первый класс. В то время еще не было трудных предварительных сборов в школу. Все было просто: холщовая сумка, пенал, карандаши, перьевая ручка, чернильница, тетради и учебники.

Первые четыре года нашей классной руководительницей была Дарья Григорьевна Карпова. Она учила нас читать по букварю и писать прописными буквами. Все это мне было знакомо и до школы. Было неинтересно и скучно, а это

сказывалось на моем поведении. Нередко Дарья Григорьевна отправляла меня в угол и даже за дверь, чтобы я не мешал осваивать грамоту другим. Несколько раз она лично приводила меня в школьную канцелярию. Если же учесть, что в школе работала мама, то мое положение было непростым. Самым же неприятным для меня было изучение мордовского языка с его бесчисленными склонениями и спряжениями. Но делать было нечего, приходилось все это зубрить.

С четвертого класса мы начали сдавать годичные экзамены. В этот год произошло памятное событие. Когда мы утром 5 марта 1953 года пришли в школу, то учитель литературы нам сказал, что сегодня занятий не будет — умер И.В.Сталин. Какое-то время мы еще побыли в классе, а затем разошлись по домам. Реакция домашних на смерть Сталина была совершенно спокойной. Особой скорби по поводу кончины диктатора не испытывали и деревенские жители. Правда, некоторые учительницы плакали. Вместе с тем некоторые учителя высказывали сожаление, что придется отменить проведение праздника 8 марта, к которому они готовились.

Атмосфера после смерти Сталина стала постепенно меняться. Помню, как в клубе состоялось собрание, на котором районные власти познакомили колхозников с «делом Л.П.Берия», разъясняли его предательскую сущность, как

агента многих разведок, и призывали к усилению бдительности. Народ слушал, ахал и удивлялся, с нетерпением ожидая, когда же все это закончится и будут крутить бесплатное кино. Вопросы властям не задавали, но за резолюцию с осуждением Берия проголосовали единодушно. Все остались довольны.

Из школьной жизни запомнилось еще два эпизода. Первый, когда мои родители отправили меня в пионерский лагерь, где я, оторванный от дома и друзей, с большим трудом дождался окончания срока пребывания в этом заведении. Еще тогда я с особой остротой почувствовал органическое неприятие длительного коллективного существования, когда надо было по сигналу ложиться и вставать, ходить строем умываться на речку, завтракать, обедать, полдничать, ужинать и даже посещать кино. Я просто не чаял, когда же закончится это мучение и меня заберут из пионерского лагеря. Это было первое и единственное мое пребывание в пионерском лагере. Неколлективный я человек!

Второй же эпизод был приятный. После окончания с отличием седьмого класса летом 1956 года меня и Лидию Медведеву (дочь завуча мачкаской школы) наградили путевками в Москву. На попутной машине мы добрались до Шемышейки, куда со всего района съезжались участники поездки. Затем нас отправили в Пензу, а оттуда поездом в Москву. В столицу

прибыли ранним утром. На Казанском вокзале нас уже встречали. Нашу областную делегацию разместили в школе, расположенной в районе Смоленской площади. Для ребят и девочек выделили две огромные классные комнаты, в которых впрыток стояло множество кроватей. В течение недели нам показывали достопримечательности столицы: Третьяковскую галерею, ВДНХ, театры, Парк культуры имени А.М.Горького и т.д.

Москва произвела на меня неизгладимое впечатление. Это был какой-то дивный, сказочный мир: огромные здания, просторные площади и улицы, парки. С тех пор я полюбил Третьяковку, где впервые окунулся в мир живописи и навсегда в своем сознании запечатлел полотна Боровиковского и Левицкого, Репина и Крамского, Перова и Левитана, Иванова и Куинджи. Картина Иванова «Явление Христа народу» поразила мое воображение. А как хорошо было в те годы на ВДНХ! В Парке культуры им. Горького на открытой эстраде мы слушали концерт. Несколько раз ходили на Красную площадь смотреть смену караула у Мавзолея. Были в Историческом музее. Совершили изумительную прогулку на теплоходе по каналу Москва-Волга.

Время летело стремительно, сказка заканчивалась. Не в те ли дни в моем сознании спудно родилась мысль о возвращении в Куз-

нецк? Тогда, разумеется, я и мечтать не мог, что через несколько лет буду жить в Москве. И тем не менее поездка в столицу летом 1956 года стала переломным моментом в моей жизни. Мир стал оцениваться через призму увиденного. Возможно, поездка в Москву совпала с моим взрослением.

С лета 1956 года стало формироваться мое критическое восприятие и осмысление окружающего мира. Этому способствовал ряд обстоятельств. На первое место среди них поставлю активное чтение книг, постепенно переросшее в потребность. Интерес к хорошей, умной и доброй книге сформировался в домашней среде и постоянно поддерживался родителями, за что я им безмерно благодарен. Моя мама прекрасно читала. Домашние до поздней ночи с упоением слушали произведения Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева и А.Н.Островского, Н.В.Гоголя и А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и А.П.Чехова, В.Г.Короленко и Н.А.Некрасова. «Война и мир», «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Рудин», «Накануне», «Гроза», «Мертвые души», «Капитанская дочка», «Вадим», «Каштанка» и десятки других шедевров русской литературы я впервые услышал во время мамино-го чтения. Художественные образы будили воображение, заставляли сопереживать вместе с

героями, учили добру. Русская классическая литература — добрая литература!

Домашние чтения привили вкус к хорошей книге, и я, записавшись в школьную, а затем и в сельскую библиотеки, поглощал десятки, сотни книг. Они стали моими друзьями. Какое это было удовольствие совершать путешествие с героями произведений, участвовать с ними в драматических жизненных коллизиях, мечтать вместе с ними.

Уже с восьмого класса я начал читать философскую и политическую литературу. Как это сейчас ни покажется странным, но я с интересом продирался через «Капитал» К.Маркса, «Что делать?» В.Ленина, «Вопросы ленинизма» И.Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)». Спрашивается, зачем мне все это было нужно? Это не было связано с учебой. Просто пробуждалось желание понять происходящие события: развенчание культа Сталина, решения пленумов 1953 и 1957 годов, которые породили у меня массу недоуменных вопросов. На них учителя ответов не давали. Приходилось их искать самому.

Немалую роль сыграло и регулярное прослушивание зарубежных радиопередач. В середине 50-х годов отец купил радиоприемник, который работал от керосиновой лампы. Через рев глушителей с большим трудом удавалось «ловить» передачи из Западной Германии, Англии и

США. Так я впервые узнал о трагических событиях 1953 года в Берлине, 1956 года в Венгрии, о гибели линкора «Новороссийск» в Севастополе, о неопубликованном докладе Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, о позициях разного рода «антипартийных» групп, о книге БЛ.Пастернака «Доктор Живаго» и т.д. Разумеется, в наших газетах и журналах информация была иной. Хотелось узнать Правду. Ее поиски вели к постановке вопросов, которые заставляли сознание работать критически, порождали стремление найти среди своих друзей единомышленников. Таких были буквально единицы. Назову лишь Геннадия Цыганова и Анатолия Зотова, которые так или иначе интересовались историей и текущей политикой.

Думаю, что именно в середине 50-х годов у меня подспудно стал проявляться интерес к истории, желание понять ее ход и исход. Конечно, все это было, может быть, еще наивно, но тем не менее стремление осмыслить «рок событий» становилось настоящей потребностью. Одновременно появлялось ощущение самодостаточности, а внутренний диалог все чаще замещал детскую потребность в общении со своими сверстниками. Мне все больше нравилось пребывать в одиночестве, бродить по окрестностям или же встречаться и беседовать с узким кругом друзей, с которыми можно было обсуждать и спорить о прочитанном, о текущей поли-

тике, но не о быте. Как это ни парадоксально, но еще в те годы исподволь стала прокладываться дорога к одиночеству. И мне это состояние все больше и больше нравилось. Если бы не некоторые внешние изменения, наметившиеся в середине 50-х годов, то состояние дискомфорта между «Я» и вне «Я» стало бы нарастать в геометрической прогрессии.

Благо, что в это время ощутимо менялась обстановка и в школе, и в самой деревне. В школе появилось много новых учителей, прибывших по распределению из Пензы и даже из Москвы. Они внесли свежую струю в рутинную систему обучения. Своей молодостью и раскованностью, умением делиться с нами обширными знаниями, не чураться общения с учениками они отличались от старшего поколения преподавателей. В школе была создана художественная самодеятельность, разыгрывались простенькие пьесы, возник ученический хор. Мы выступали с концертами в соседних деревнях. Молодые учителя занимались вместе с нами спортом, играли в волейбол, теннис, совершали лыжные прогулки.

В середине 50-х годов Мачкасы электрифицировали. Стало постепенно меняться и техническое оснащение школы. На уроках физики и химии регулярно проводились опыты. Был приобретен старый грузовик, и мы с удовольствием обучались автоделу. Благоустроилась и школь-

ная территория. Расширились возможности занятий физкультурой и спортом.

В старших классах приходилось много времени посвящать подготовке домашних заданий. Вплоть до восьмого класса мама практически каждый день проверяла, как я приготовил уроки. В старших классах такой опеки со стороны родителей уже не было. Придя из школы, пообедав, я сразу же брался за подготовку уроков. Ряд предметов мне давался легко (литература, история, география, физика, химия). Несколько сложнее было с математикой, особенно с геометрией и тригонометрией. И дело не в том, что я не любил эти предметы, но, видимо, уж так устроены мои мозги, или же учителям не удалось привить к этим дисциплинам должного интереса. Например, учитель физики Иван Моисеевич Давкин так мог увлечь своим предметом, что я с большим удовольствием читал специальную литературу для высших учебных заведений и свободно мог решать любые задачи. С интересом и увлечением готовил уроки по химии. Однако, учителя математики Степан Яковлевич Парфенов и Василий Павлович Ганькин мной были не очень довольны. Традиционно и скучно вели уроки немецкого языка Александра Григорьевна Медведева и уроки истории Степан Гаврилович Зотов.

С восьмого класса практически каждую осень учеников посылали на сельскохозяйст-

венные работы. Если в младших классах мы занимались сбором колосков, то в старших уже трудились на колхозном току: грузили и перевозили зерно в амбары, а порой и на элеватор в Канаевку, а картофель — на переработку в Бузлово.

Совместная работа с колхозниками помогала лучше понять и сам механизм функционирования колхозной системы. В 50-е годы в деревне произошли значительные изменения. Стали строиться добротные дома, соломенные крыши заменялись шиферными или железными. Росло индивидуальное хозяйство, увеличилось поголовье скота и птицы, улучшилось питание людей. Перестали употреблять в пищу листья деревьев, траву и мерзлую картошку. Люди стали лучше одеваться. Эта тенденция продолжалась вплоть до конца 50-х годов.

С началом хрущевских реформ ситуация в деревне стала ухудшаться. Началось наступление партбюрократии на индивидуальное крестьянское хозяйство и сельских специалистов. Председателям колхозов, зоотехникам, агрономам, ветврачам рекомендовали подавать личный пример и сдавать на колхозную ферму крупный рогатый скот и уже оттуда получать молочные продукты. С каждым годом росли налоги и разные поборы с колхозников, которые должны были сдавать государству (по крайне низким закупочным ценам) мясо, масло,

шерсть, яйца. Нередко можно было видеть такую картину: колхозник в магазине покупал по государственной цене масло и тут же сдавал его в качестве обязательной поставки с личного хозяйства. В качестве подневольных сборщиков налогов и разного рода поставок с крестьян вынуждены были выступать учителя и специалисты сельского хозяйства. В ряде окрестных деревень власти предприняли попытку заставить колхозников отказаться от своих земельных наделов, сохранив за собой лишь небольшой приусадебный участок.

Хрущевские реформы в области сельского хозяйства коснулись и самой структуры индивидуального и колхозного производства. В ряде мест у колхозников стали под разными предлогами отрезать «излишки», в том числе и от приусадебной земли. Вводились ограничения на содержание крупного и мелкого рогатого скота. Что же касается колхозного производства, то в ходе хрущевских преобразований под кукурузу и коноплю распахивались пойменные луга — базовый источник получения кормов. Запашки лугов в пойме реки Уза и ее притоков вели к их обмелению, уменьшению рыбных запасов, а в конечном счете к полному нарушению экологического баланса. Когда в Мачкасах стали распахивать пойменные луга, то колхозники плакали. В течение двух-трех лет кукуруза и конопля давали хорошие урожаи, но затем, полностью ис-

тошив почву, урожайность этих культур низко упала. В итоге не стало ни лугов, ни кукурузы, ни конопли.

В 50-е годы стало меняться техническое оснащение деревни. Если в послевоенные годы обработку земли осуществляли машинно-тракторные станции (МТС), то с середины 50-х годов они были ликвидированы, а техника по высоким ценам продана колхозам. В колхозе появились свои трактора, комбайны, автомашины. Продажа техники колхозам еще больше ухудшила их материальное положение, усилилась их зависимость от районной и областной администрации, которая активно вмешивалась во все сферы жизнедеятельности села. Районными властями навязывались кандидатуры председателей колхозов, партийных секретарей, специалистов сельского хозяйства; планировались поставки продукции государству. Порой можно было видеть (благо колхозные тока были недалеко от дома), как на присланные из района машины солдаты грузили и увозили зерно для сдачи на заготовительные пункты. При этом в расчет не принималось, выполнил или не выполнил колхоз план по сдаче сельскохозяйственной продукции, какие решения приняло колхозное собрание по ее распределению на трудодни. Все это осуществлялось наработанными еще в сталинскую эпоху традиционными методами насилия, без малейшего учета интересов

колхозников. Последние, ощущая подобного рода «заботу» со стороны районных и местных властей, утрачивали интерес к труду на колхозных полях и фермах.

Несмотря на увеличение в колхозе сельскохозяйственной техники, основная масса работ продолжала выполняться вручную. Нередки были и случаи воровства. Помню, однажды в колхозном клубе проходил выездной показательный суд, приговоривший к семи годам тюремного заключения одного молодого парня, недавно вернувшегося из армии. Он украл с колхозного поля два мешка зерна и был пойман бригадиром. Несмотря на то, что парень был единственным кормильцем в семье и на его руках был смертельно больной отец, за него никто не вступился. Прямо из клуба, где проходил суд, парня увезли на воронке. Являясь прагматиками, деревенские жители были мало заинтересованы в повышении производительности труда. По существу и колхозники, и правящие структуры вели друг с другом своеобразную игру: первые делали вид, что работают, а вторые, что заботятся о тружениках села. Уже в конце 50-х годов проявилась устойчивая тенденция к тому, что молодежь, закончив школу и отслужив в армии, уезжала в город. Наблюдения за происходящими изменениями в деревне заставляли задумываться над более общими вопросами Бытия. Было ясно, что в нашем государстве происходит что-то не так.

Вся домашняя обстановка с детских лет приучала к труду и взаимопомощи. Дедушка и бабушка целыми днями были на ногах. Бабушка готовила еду, содержала в чистоте и порядке дом. Дед ухаживал за животными и птицей. Еще в подростковом возрасте я стал помогать по хозяйству: ездил на лошади за водой, дровами, сеном, чистил конюшни, занимался полевыми работами и т.д. Снежными зимами, а они практически были таковыми каждый год, приходилось часами расчищать сугробы. Бывало, открыв утром входную дверь, можно было увидеть перед собой сплошную снежную стену. Были и такие зимы, когда приходилось ездить на санях через двухметровые занесенные снегом заборы. Надо было «прорубить» в сплошной снежной стене дорожки к конюшням, а около них расчистить место для выгула скота, к ветлечебнице, погребу, к скирдам сена и соломы. После снежных буранов приходилось провожать в школу брата и сестру, ибо сами они не могли преодолеть заносы. Я брал Татьяну себе на спину, Владимира за руку, и так мы пробирались в школу. Много времени занимала чистка конюшен, ибо дед любил во всем образцовый порядок.

Самая напряженная пора в деревне — лето. Помню, как мы с мамой первый раз везли сено на колхозных быках. Это была любопытная картина: учительница русского языка и литера-

туры и маленький мальчик, оба не умеющие управлять быками, отправляются уже во второй половине дня за несколько десятков километров. Уставшие от работы быки еле плелись. Когда мы добрались до места, стало уже смеркаться. Пока грузили сено, стало темнеть. Так в кромешной темноте мы возвращались домой.

С восьмого класса я уже сам начал косить. Участки для сенокоса выделялись далеко от дома, и приходилось уезжать туда на несколько дней. Косьба начиналась с восходом солнца, по росе. Косили несколько часов подряд, затем завтракали, немного отдыхали и вновь продолжали косить до обеда. После того, как жара спадала, снова приступали к косьбе, и она продолжалась до поздних сумерек.

Сенокос — самое прекрасное время. В течение нескольких дней вдыхаешь аромат луговых или полевых трав, дымок костра. Лежа на спине, любишь бездонной синевой неба. Через несколько дней загорает до черноты. Много разных приключений было и во время перевозки сена. Как-то мы косили траву в лесу, где было много змей. Скошенную траву погрузили на телегу, сели сами и поехали домой. Когда стали разбрасывать траву на просушку, то обнаружили несколько змей, которые стали расплзаться по двору в разные стороны. Часть из них мгновенно была уничтожена курами, принявшими их за больших червяков. Одна же

змея ухитрилась забраться в дом. И вот, когда мы обедали, она выползла из подпола и поползла по полу. На змею бросилась кошка и в одно мгновение ее задушила.

Бывали случаи, когда телега с сеном, попав в глубокую колею, переворачивалась, и сено приходилось перегружать заново. Порой ломались колеса, и за новыми приходилось идти за несколько километров пешком. Но самое неприятное, когда внезапно начинался дождь. Глубокой ночью едешь на телеге с сеном по дороге, изрытой ухабами, а на тебя, как из ведра, льет проливной дождь. Кругом сверкают молнии и грохочет гром, а мы одни-одинешеньки в открытом поле или темном лесу. Городскому жителю трудно себе представить, как можно было ездить по ночам, переезжать через хрупкие, качающиеся под тяжестью воза, мостики.

Были годы, когда сена не хватало, и приходилось заготавливать солому. Мы с дедом подряжались в колхозе скирдовать солому из расчета 10%: девять возов колхозу, один — нам. Волокушей стаскивали солому в одно место, а затем приступали к скирдованию. Дед принимал солому наверху, а я подавал ему снизу. В течение дня мы вдвоем укладывали целую скирду соломы, а вечером увозили домой заработанный воз.

Отцу, как специалисту сельского хозяйства, предоставляли 25 соток земли, часть которой

находилась в поле, а другая — в пойме реки Узы. В поле сажали картошку, а в пойме — овощи. Землю вспахивали плугом, но все остальные виды работ (мотыжка, окучка, уборка урожая) осуществлялись вручную. Это была тяжелая работа. В неурожайные годы приходилось заниматься уборкой картофеля на колхозных полях из расчета тех же десяти процентов. Картофеля и овощей каждый год запасали огромное количество. Осенью солили несколько бочек огурцов, помидоров, капусты, мочили яблоки и арбузы.

Хотя вокруг села были леса, но колхозники с большим трудом обеспечивали себя дровами. В послевоенные годы можно было наблюдать, как пожилые люди, по пояс в снегу, на санках возили дрова из леса. Для ветучастка выделялись лесничеством делянки, и мы сами вели заготовку дров. Я научился валить деревья и трелевать бревна, занимался их погрузкой и перевозкой. С восьмого класса обязанности пилить и колоть дрова всецело легли на меня. Дров заготавливали много, но зато дома всегда было тепло и уютно.

Окрестности Мачкас были богаты самыми разнообразными дарами природы: ягодами, грибами, рыбой. Ягоды и грибы являлись важным подспорьем в крестьянском хозяйстве. На земляничных полянах можно было собрать целое ведро ягод. А как хороша земляника с холод-

ным молоком! Какое из нее варенье! Несколько раз я ходил с деревенскими ребятами по грибы. Ребята довольно быстро наполняли свои лукошки, а от меня грибы почему-то «прятались», и я их находил с трудом. С тех пор я не люблю собирать грибы!

В памяти осталась ночная рыбалка. Взяв с собой собаку и ружье, мы с дедом под вечер уходили на Узу или ее притоки. Выбрав удобное место, разбрасывали подкормку, ставили переметы, забрасывали удочки, собирали хвост для костра. Ночная рыбалка — занятие особенное и неповторимое. Медленно за горизонт садится солнце. Прекращается пение дневных птиц. Природа медленно замирает. На небе появляется полная луна. Все чаще можно услышать всплески больших рыбин, начавших свой ночной промысел. На берегу горит костер. Его дымок спасает нас от кровожадных комаров. Летняя ночь коротка. Вот уже забрезжил рассвет. Сквозь предутренний туман, густо растилающийся над рекой, начинают пробиваться первые лучи восходящего солнца. Природа вновь пробуждается. Пора собираться домой. Ничего, что улов мал, но главное в том, что, хотя бы на время, ты ощутил себя частичкой божественной природы, как бы на мгновение прикоснулся к величественной тайне Творения.

Однажды, ранним утром, мы с дедом возвращались с ночной рыбалки и увидели на отмели

несколько огромных сомов, греющихся под лучами восходящего солнца. Было видно, что от этого они получают удовольствие, что им приятно нежиться. Только лай собаки вынудил их пробудиться, и они лениво уплыли в глубину. Вспоминаю еще о двух случаях, связанных с рыбалкой. Дед был большим мастером на разного рода розыгрыши. В один прекрасный день, когда мы с ним удили рыбу, недалеко от нас с удочками разместилась стайка деревенских ребятшек. Дед насадил на крючок копченую селедку, которую мы взяли из дома на обед, забросил удочку и послал меня позвать ребят. Когда они пришли, то дед сделал вид, что рыба клюет и вытащил из воды селедку. Удивлению ребят не было предела. Дед разделил селедку, и все с удовольствием ее съели. Другой раз мне самому удалось поймать большого язя. Я был так обрадован этой удачей, что с криком побежал показывать язя деду, который невдалеке косил траву.

В лесах и полях вокруг Мачкас водилось много разного зверья. Из нашего окна можно было видеть лис, зайцев и даже волков. В зимнее время волки подбирались прямо к дому, и однажды наша собака вступила с ними в схватку. Деду пришлось прийти ей на выручку и выстрелами из ружья отогнать волков. В детстве дед и отец брали меня на охоту на уток. Позрелев, я уже сам с ружьем обходил окрест-

ные леса, перелески и овраги. Однажды несколько часов просидел в засаде, охотясь на волков. Но какой-то особой страсти к охоте я все же не испытывал. Меня привлекал процесс, а не ее результат. Интересно было наблюдать, как вдруг из скирды соломы выскакивает заяц-русак и стремительно несется по снежному полю. А вот где-то в овраге показалась лиса, но, почуяв собаку, сразу же спряталась в свою нору. Поражали своей мощью и красотой лоси.

Вскоре после приезда в Мачкасы местный пастух подарил мне маленького совенка, выпавшего из гнезда. Я был настолько счастлив, что стремглав помчался домой, бережно держа совенка за пазухой. Однако выходить его нам с мамой так и не удалось. Совенок категорически отказывался от еды и вскоре умер. Как-то раз мы с бабушкой и дедушкой поехали на базар в село Лопатино. Вдруг собака с громким лаем бросилась в пшеничное поле. Я побежал вслед за ней и увидел, что она лает на маленького рыжего лисенка, который, видимо, не успел убежать с остальным выводком. Лисенка взяли с собой. Несколько дней он прожил у нас в клетке, с удовольствием ел мясо, пил молоко. Но однажды он все же удрал.

Наш двор представлял собой миниатюрный зоопарк, где в мире и дружбе жили и крупнорогатые, и мелкорогатые животные, свиньи, разнообразная птица. Летом в больших дере-

вянных колодах плавала рыба. Кругом бегало несметное количество кроликов. Как-то раз мы привезли из Кузнецка красивую белую крольчиху. Не имея опыта по разведению кроликов, поместили ее на чердак, решив так обезопасить ее от кошек. Но не тут-то было. Уже на следующее утро крольчиху задушили. Спустя некоторое время я узнал, что в соседнем плодпитомнике есть «дикие» кролики и их можно заполучить, если, конечно, удастся поймать. В питомник отправились втроем. В течение нескольких часов в огромном сарае, наполненном сельскохозяйственной техникой, мы ловили кроликов. Удалось поймать лишь двух. На сей раз их поместили в конюшню, и они, сразу же вырыв себе норы, стали жить припеваючи. Ранней весной произошел первый окот, и с этого все началось.

В течение ближайших двух лет число кроликов увеличилось настолько, что они довольно быстро освоили всю территорию ветучастка, вышли за его пределы, расселившись под колхозными амбарами, совершали в зимнее время набеги на пришкольный участок, обгладывая там деревья. Кролики не только быстро размножались, но и на глазах наглели. Однажды местный охотник, зная, что у нас есть кролики, подарил мне огромного зайца-русака. День-два русак пожил у нас дома, топая по ночам по комнате, а затем я его решил поместить к кроликам.

) – *III*

На следующее утро русак бесследно исчез: или ему как-то удалось убежать, или же кролики-самцы загнали его в свои норы и он не смог оттуда выбраться. Все наши с дедом попытки найти русака оказались тщетными. Что с ним произошло, так и осталось загадкой.

Деревенский быт, как правило, репродуцирует физически крепких людей, ибо слабому и больному человеку в сельской среде крайне трудно. В 50-е годы сельская молодежь понемногу втягивалась в занятие спортом. Мы с друзьями увлекались тяжелой атлетикой, поднимали двухпудовые гири, соорудили самодельную штангу, занимались борьбой. С ранней весны до поздней осени играли в волейбол, футбол, теннис. Зимой бегали на лыжах. Постепенно занятия спортом стали регулярными. Каждый день у меня или у Цыгановых собиралось несколько ребят и, как сейчас модно говорить, «качались». Принимали мы участие и в районных соревнованиях.

В то время никому в голову не приходила мысль, что свою физическую силу можно использовать против кого-либо. За десять лет жизни в Мачкасах не было ни одного случая убийства или же умышленного калечения людей. Правда, сохранялась традиция кулачных боев между деревнями, в частности, между Мачкасами и Азрапино, а также имели место драки «стенка на стенку» в самом селе. На

большие праздники на околицах соседних сел собирались толпы народа. Сначала в кулачный бой вступали маленькие ребяташки, а вслед за ними втягивались старшие, и начиналось настоящее кулачное сражение. Однако, я не помню ни одного случая, чтобы кто-то в кулачном бою серьезно пострадал: отделялись разбитыми носами и синяками. После «боя» недавние противники как ни в чем ни бывало мирно беседовали и веселились. Не имели каких-либо серьезных последствий и периодические стычки «конец на конец» в самих деревнях. Мне самому несколько раз приходилось участвовать в кулачных боях между деревнями и в столкновениях внутри самого села. Это было одним из видов спорта. В деревне можно было гулять в любое время суток и никто никого не обижал.

Местом проведения досуга деревенской молодежи являлся сельский клуб, где демонстрировались фильмы и устраивались танцы. На несколько сел был один киномеханик, который на подводе переезжал из одной деревни в другую. Порой, особенно в зимнее время, собравшиеся в клубе часами ждали приезда киномеханика, а сам показ фильма мог начаться далеко за полночь.

В Мачкасах мне удалось посмотреть огромное количество картин, в том числе и многие шедевры отечественного кино. Из зарубежных — чаще всего показывали индийские, китай-

ские, вьетнамские фильмы. Западноевропейских картин было сравнительно мало. Репертуар фильмов был достаточно консервативным: о революции и гражданской войне («Ленин в 1917 году», «Ленин в 1918 году», «Мы из Кронштадта»), об отечественной войне («Падение Берлина», «Радуга»), кинокомедии («Свинарка и пастух», «Волга-Волга», «Свадьба в Малиновке»). В клубе молодежь много и охотно танцевала под баян, пела частушки. После клуба расходились по домам и еще долго, особенно в летнее время, в разных концах деревни звучали песни.

Так год за годом бежало время. Незаметно приближался срок окончания средней школы. В десятом классе нас всех приняли в комсомол. Шли разговоры о коллективной поездке на целинные и залежные земли, что тогда было очень модно. Все острее вставал вопрос о том, что же делать после окончания школы? Одно время я хотел поступать в Мурманское высшее мореходное училище, но эта идея как-то постепенно угасла.

Важным стимулом для продолжения учебы и получения высшего образования был пример отца, который учился на заочном отделении Московской Ветеринарной академии. Все свободное от работы время он посвящал подготовке контрольных и курсовых работ, периодически ездил на сессии в Москву. Кроме того, до-

вольно много о студенческой жизни рассказывал мне сын директора школы Анатолий Зотов, с которым мы дружили. Он учился в Саратове, но по каким-то причинам бросил университет. В это время он готовился поступать в Горьковский университет на факультет иностранных языков. Однако для меня выбор будущей специальности давался нелегко. Видимо, я еще не был готов к этому.

Выпускные экзамены я сдал хорошо. Возникла идея поступить в Пензенский политехнический институт на модный тогда факультет электроники и телемеханики. Многие мои сверстники были под впечатлением успехов нашей космонавтики, достижений в области технических наук. Веским аргументом в пользу поступления в пензенский вуз была близость этого города к Кузнецку, куда собирались возвращаться мои родители. Если же говорить серьезно, то выбор Пензенского политеха был скорее выбором родителей, чем моим. Я даже плохо себе представлял будущую свою специальность, ничего вообще не знал об условиях поступления в вуз. В то время не было, тем более в деревне, никаких репетиторов, а родители вообще не вмешивались в сам процесс поступления. В один прекрасный день я поехал сдавать документы в Пензу. На велосипеде добрался до Шемышейки, а оттуда на автобусе в Пензу. Остановился у сестры отца, Александры

Васильевны. Сдав документы, возвратился домой и стал ни шатко ни валко готовиться к вступительным экзаменам. В конце июля пришел вызов, и я поехал сдавать экзамены.

Абитуриентов поселили в студенческом общежитии на улице Красной. Два экзамена (сочинение и физику) я сдал хорошо, но на математике письменной произошла осечка. Так я не стал электронщиком и телемехаником! В какой-то мере это была расплата за мою нелюбовь в школе к математике. И вместе с тем — это был перст судьбы, ибо у меня было внутреннее ощущение, что технические науки — не та сфера деятельности, которой я должен был посвятить свою жизнь.

После возвращения в Мачкасы начались мои сборы к переезду в Кузнецк. В родной город мы с родителями ездили каждое лето. Во время краткосрочного отдыха посещали дедушку и бабушку Шелохаевых. Я встречался со своими друзьями детства. К возвращению в Кузнецк подталкивали еще два обстоятельства. С назначением на ветучасток второго врача резко изменилась ситуация, ибо наличие на небольшом «пяточке» двух «начальников» вызывало отрицательные эмоции. Брат и сестра окончили четвертый класс, и родители хотели, чтобы они продолжали учебу в Кузнецке. Мне тоже надо было устраиваться на работу.

В один из августовских дней 1959 года я, на сей раз на попутной телеге, перевозившей в

районный центр почту, навсегда покинул Мачкасы. Из Шемышейки на попутном вездеходе добрался до Пензы, а оттуда на проходящем поезде глубокой ночью прибыл в Кузнецк. Не подозревая о моем приезде, тетя Шура давно спала и ее пришлось разбудить. В конце августа дедушка и бабушка привезли в Кузнецк Владимира и Татьяну, а сами вскоре уехали обратно, чтобы уладить все хозяйственные вопросы перед переездом. В середине сентября вся наша семья перебралась в Кузнецк.

Отец неоднократно приглашал меня съездить в Мачкасы, посмотреть место, где мы жили десять лет. Но каждый раз я откладывал эту поездку, желая сохранить нетронутой ту картину, которая запечатлелась в памяти. Несколько раз я видел во сне уже измененное и преображенное село, где я провел столько счастливых и радостных лет. Эти сны оказались вещими, ибо когда сестра и брат уже со своими детьми посетили Мачкасы, то они лишь подтвердили грустные и печальные картины моих сновидений. Может быть все это звучит наивно, но я хочу оставить в своей памяти те, прежние, Мачкасы, где я впервые ощутил свою самостоятельность, где пробудились первые романтические чувства, где, наконец, я почувствовал себя взрослым.

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КУЗНЕЦК

После приезда в Кузнецк встал вопрос о моем трудоустройстве. На новом заводе приборов и конденсаторов мне предложили место зольщика и пообещали, что через полгода отправят на учебу в техникум. Начинать трудовую биографию с зольщика мне не хотелось. К трудоустройству подключились дедушка и бабушка Шелохаевы. При их содействии меня взяли на работу инспектором государственных доходов в Кузнецком горфо, заведующим которым был родственник бабушки М.О.Солодов. Дольше пришлось искать работу родителям. Отец вынужден был сменить специальность и устроиться на номерной завод, а мама стала работать инспектором в райсобесе. Дедушка уже был на пенсии.

В горфо было четыре инспектора по госдоходам, работающих непосредственно с населением. Обязанности старшего инспектора исполнял С.Г.Шкуров. Инспектора курировали определенные участки. Граница моего участка начи-

налась с нечетной стороны улицы Молодая Гвардия и простиралась за железнодорожную линию, а также включала территорию Карпат и Песчанки.

В обязанности инспектора госдоходов входил контроль за своевременным поступлением в городской бюджет налогов с населения, пресечение незаконной деятельности кустарей. Один раз в год на своих участках инспектора осуществляли сверку домовых книг, учитывали все изменения, связанные со сменой домовладельцев, уменьшением или увеличением домовладения, приусадебных участков, выявляли квартиросъемщиков и кустарей, а также определяли круг лиц, имевших льготы по налогообложению. Кроме того, инспектор должен был осуществлять систематический контроль за соблюдением кустарями условий, зафиксированных в выбираемых ими патентах, за соответствием данных их деклараций реальному положению дел. В случае неуплаты налогов инспектора проводили опись имущества и готовили материал для передачи в суд. Инспектора не имели права обыска помещений и личного досмотра граждан. Тем не менее, согласно инструкции, они могли приглашать понятых и производить предварительные досмотры, составляя при этом соответствующие акты.

Вначале работа инспектора госдоходов вызвала у меня живой интерес. За сравнительно

короткий срок мне удалось побывать во многих домах, познакомиться с массой людей, узнать их условия жизни, труда и быта, познакомиться с их настроениями. За два года моей работы в горфо фискальная система становилась все более изощренной: наметилась тенденция к окончательной ликвидации кустарных промыслов, росли налоги на гончаров, вальщиков, сапожников, зеркальщиков, мебельщиков, вязальщиц, плотников, цветочниц, бондарей и т.д. В 1960 году были увеличены налоги на индивидуальные приусадебные участки, скот. Характерно, что был введен лимит даже на помидорные кусты. Если владелец приусадебного участка имел более 300 помидорных кустов, то он обязан был уплачивать подоходный налог. Налоги платили владельцы коров и даже свиней. Если человек во внерабочее время занимался, например, плотницким делом, то он обязан был выбрать патент, ибо в противном случае мог быть подвергнут штрафу. Именно такой курьезный случай произошел с нами. После приезда из деревни дед, отец и я помогали достраивать дом нашим хорошим знакомым. И в один прекрасный день нас «застукал» будущий мой начальник Шкуров. С большим трудом ему удалось объяснить, что мы оказываем помощь безвозмездно и не стремимся извлечь нетрудовые доходы.

Фискальная система была направлена на установление тотального контроля за всеми, кто

мог и хотел проявить инициативу. Если трудолюбивый человек решал заняться каким-либо ремеслом, то он сразу же подвергался фискальному давлению со стороны налоговой службы. Это отбивало у людей желание дополнительно трудиться и зарабатывать. Появление налоговых инспекторов в базарные дни вызывало панику у кустарей, их проверка могла закончиться плачевно для инспектора. Особенно не любили они нашего старшего инспектора. Я сам был свидетелем того, как разъяренные кустари пытались применить против него орудия своего труда. Однажды во время проверки вальщика в Бутурлинке лишь низкий дверной косяк спас Шкурова от удара топором.

Работая в горфо, я впервые столкнулся с таким массовым бытовым явлением как доносы. Практически каждое утро на стол старшего инспектора ложилась объемистая пачка писем-доносов, присланных «доброжелателями». В них содержалась подробная информация о лицах, занимающихся кустарными промыслами, давались советы, как лучше и в какое время «накрыть» их за работой и т.д. и т.п. По этим письмам-наводкам можно было без особого труда «выявить» и наказать любого кустаря. Первоначально его подвергали штрафу, а затем, если он хотел продолжать свой промысел, заставляли выбрать патент. В свою очередь, выбравшие патент оказывались под систематическим контролем инспекторов госдоходов.

Лично мне претили эти налоговые экзекуции против простых тружеников, и я не проявлял должного «усердия» для пополнения государственной казны. Дело в том, что подавляющее большинство кустарей, живших на территории подведомственного мне участка, сами влачили полунищенское существование. Достаточно было увидеть, в каких условиях находилась, например, семья гончара Гладкова. Полуразвалившийся дом, нищенский быт, полуголодные и больные дети — вот та удручающая картина, которую можно было видеть, когда я приходил к ним проверять декларацию. Моя совесть не позволяла пересчитывать изготовленную им продукцию, делать какие-то дополнительные налоговые начисления.

Побывав в сотнях домов кузнечан, я видел, что многие люди с трудом сводят концы с концами. Нередко можно было встретить семьи, которые жили настолько бедно, что приходилось производить списание налогов. А что стоили беседы с людьми пожилого возраста, не получавшими пенсии и жившими исключительно за счет своего приусадебного участка. Встречались совсем одинокие люди, уже не способные сами себя обслуживать. Им соседи приносили воду и хлеб.

Работа в горфо дала мне большой социальный опыт, заставила серьезно задуматься над многими жизненными проблемами. По сущест-

ву она меня подтолкнула к выбору моей будущей профессии. В то время я еще наивно думал, что обращение к прошлому будет содействовать улучшению настоящего.

Если после возвращения из Мачкас я какое-то время продолжал заниматься математикой, то к лету 1960 я уже принял вполне сознательное решение — поступать на историческое отделение Мордовского государственного университета. Почему был выбран Саранск? Ответ прост: ближе к дому, к родителям. В те годы я был еще очень «домашним ребенком», и уезжать далеко от родного дома мне не хотелось.

В Саранск поезд прибывал ранним утром. Дождавшись на привокзальной площади первого автобуса, я отправился в университет. В приемной комиссии выдали экзаменационный лист и направление на поселение в спортивный актовый зал, где уже к тому времени скопилось несколько сот абитуриентов. В этом зале и состоялось мое первое знакомство с будущими друзьями по университету Виктором Медведевым, Михаилом Полячковым и Вячеславом Добрыниным. Готовиться к экзаменам среди такой массы людей было невозможно и приходилось искать уединенные места: в аудиториях, в парке.

Вступительные экзамены я сдал хорошо, но тем не менее, как потом выяснилось, одного балла для поступления на дневное отделение не

хватило. Оказалось, что и Виктора Медведева, сдавшего вступительные экзамены на все пятерки, тоже не зачислили на дневное отделение. Нас приняли на заочное отделение. По сравнению с первым, пензенским, опытом второй, саранский, оказался более удачным. Однако собой я остался недоволен, ибо уже прекрасно осознавал, что способен на гораздо большее. Поэтому поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало через год перевестись на дневное отделение.

После возвращения из Саранска стал штудировать историческую литературу, собирать собственную библиотеку. За сравнительно небольшой срок мне удалось приобрести около тысячи книг, учебников, брошюр. Чтение исторической литературы стало потребностью. Упорно готовился я к первой сессии, писал контрольные работы. Зимняя сессия прошла успешно, и это еще более укрепило желание перейти на дневное отделение.

Однако я не был «книжным червем». В те годы молодежь в Кузнецке жила насыщенной жизнью. У нас сложился тесный кружок ребят, которые увлекались литературой, музыкой, спортом. Мои прежние друзья детства Рудольф Платов и Владимир Логов рано обзавелись семьями и были поглощены устройством своего домашнего быта. Геннадий Власов уехал из Кузнецка. У меня появились новые знакомые:

Слава Бич, Всеволод Кузнецов, Евгений Фаленков, Валерий Шаронов. Они составляли ядро, вокруг которого сформировался новый кружок моих друзей. Вместе обсуждали разные проблемы, ходили в кино, на танцы, ездили отдыхать на дачи.

В конце 50-х — начале 60-х годов Кузнецк был опасным, криминальным городом. Убийства, избиения, драки — бытовые явления тех лет. С началом сумерек жители города предпочитали сидеть дома, городские улицы пустели. Правда, на нашу группу, состоящую из крепких и сильных парней, нападать никто не решался, тем не менее было несколько довольно неприятных эпизодов, свидетелем которых мне пришлось быть. Однажды мы с Всеволодом Кузнецовым стояли у кинотеатра «Комсомолец» и собирались в кино. Однако билетов в кассе уже не было. Вдруг к нам подходит какой-то незнакомый парень и предлагает купить у него билеты по повышенной цене. Этот разговор услышал рядом стоящий взрослый мужик, имевший уже не одну судимость, в том числе и за убийство. Не успели мы, как говорится, глазом моргнуть, как он подскочил к парню и стал ему угрожать финкой. Нам еле-еле удалось уговорить его оставить в покое парня, который был перепуган до последней степени. Пришлось разъяренного «поборника справедливости» вести в магазин и покупать ему бутылку портвейна, после чего он

успокоился. В те годы таких бродяг в Кузнецке было много. Вспоминаю и второй случай, происшедший у того же кинотеатра, когда один тип стал угрожать мне пистолетом. Приставив его к моей груди, он бормотал какую-то несурязицу. В таких случаях нельзя терять голову, а тем более впадать в панику. Нервы у этого парня оказались слабыми, чем мне и удалось воспользоваться. Оставив меня в покое, через несколько минут этот тип со своими друзьями зверски избили мимо проходящего парня, которого после этого увезли на скорой помощи в больницу. Летом 1960 года вечером на танцплощадке на Марах рядом со мной пырнули ножом парня. И подобные сцены проходили в городе почти ежедневно, пока в наведение порядка не вмешалась милиция из Пензы и Москвы. За считанные часы в городе были арестованы десятки криминальных элементов. На какое-то время в Кузнецке воцарились тишина и спокойствие.

Однако приток в город сельского населения, хлынувшего из «неперспективных» деревень, разоренных хрущевскими экспериментами, постоянно подпитывал рост преступности. Выбитые из традиционной колеи, сельские жители с трудом адаптировались в городской среде. Вчерашние деревенские жители, прибывшие в индустриальный город, являлись «питательным бульоном» для роста преступности.

Если раньше в патриархальном Кузнецке были драматический театр, несколько кинозалов, прекрасный парк культуры и отдыха, библиотеки и музеи, то в 60—70-х годах подобного рода очаги культуры стали исчезать. Я до сих пор с восторгом вспоминаю наше посещение городского драматического театра, где шли прекрасные спектакли. Однако в начале 60-х годов театр сгорел, и его до сих пор так и не восстановили. Меньше стало кинотеатров. Не в лучшую сторону изменился и внешний облик города: деревянные тротуары ветшали и не ремонтировались; улицы перекопали и жители вынуждены были пробираться к своим домам по замысловатым мосткам.

Я и мои друзья прекрасно осознавали всю глупость политики хрущевского режима, заводящего страну в очередной кризис. Большинство людей, с которыми мне приходилось встречаться по работе, понимали абсурдность нового «скачка» в «коммунистическое завтра», о котором все настойчивее твердила партийная пропаганда. С одной стороны, партноменклатура стремилась в лице Хрущева возродить культ нового вождя, а, с другой — она пыталась осуществлять тотальный контроль за новыми явлениями в литературе, искусстве, музыке. Приведу лишь один пример маразма местных блюстителей «идеологической чистоты». Однажды на танцах нас забрали дружинники только за то,

что, по их мнению, мы были не так одеты (тогда в моде были узкие брюки) и не так причесаны (носили длинные волосы) и не так танцевали (рок-н-ролл). Но все это было бы полбеды, если бы в газете «Кузнецкий рабочий» не появилась статья с резким осуждением западной моды и западных танцев. В ней приводилась и моя фамилия. После публикации статьи меня вызвали в горком комсомола, где сделали строгое внушение. В провинциальном городе это было ЧП «местного масштаба». Потребовалось вмешательство М.О.Солодова, чтобы «дело» в отношении меня в горкоме комсомола прекратили без каких-либо последствий.

Важными жизненными «университетами» для меня были беседы с дедушкой и бабушкой Полянскими, дедушкой и бабушкой Шелохаевыми. Они рассказывали мне о своей прежней жизни в дооктябрьское время, о гражданской и отечественной войнах, о людях, с которыми им приходилось встречаться. Эти рассказы давали богатую пищу для размышлений и сравнений. К сожалению, о многом так и не удалось договорить. Старшее поколение, травмированное жестокой эпохой, начало уходить в иной мир. Когда мы жили в Мачкасах, умерла прабабушка Анна Федоровна Диалектова. Пошатнулось здоровье у дедушки и бабушки Шелохаевых. Осенью 1959 года я проводил деда Федора Семеновича в Арзгир. Он решил навестить свою дочь

Антонину. В декабре дед скоропостижно скончался. Похоронили его в Кузнецке. Через год от инфаркта умерла моя бабушка Елизавета Дмитриевна. А еще через год умерла мать отца Татьяна Семеновна Боровикова. Со смертью близких что-то умирает и в нас. Больше начинаешь думать о смысле жизни.

Летняя сессия прошла успешно, и в конце августа 1961 года я получил долгожданный приказ о моем переводе на второй курс дневного отделения историко-филологического факультета Мордовского университета. Переход на дневное отделение автоматически решил вопрос и об армии. С радостью уволился с работы, которая уже стала мне надоедать своей рутинностью и однообразием, снялся с учета в военкомате, поехал учиться в Саранск.

Глава пятая

УНИВЕРСИТЕТ

В первый же день после приезда в Саранск встретился со своими знакомыми Валерием Горбуновым, Виктором Медведевым, Михаилом Полячковым, Александром Татарниковым, Львом Балаяном. С Валерием и Михаилом мы учились в одной группе, а Виктор, Александр и Лев являлись студентами иностранного факультета. Все, кроме нас с Виктором, уже нашли себе место жительства, ибо общежития нам не дали. После занятий мы с Виктором бродили по городу и искали квартиру. И вот через несколько дней нам повезло: удалось снять койку в частном доме недалеко от университета. Наша квартирная хозяйка Мария Федоровна сдавала комнаты студентам, а их в доме проживало более десяти человек. Квартплата составляла 10 рублей в месяц. Если учесть размер стипендии (21 рубль в месяц), то без родительской помощи прожить было невозможно. Правда, спасали сравнительно низкие цены в университетской

столовой, где до 1963 года студенты получали бесплатно хлеб и чай.

Не успели мы поселиться на квартире, как нас отправили на уборку урожая в колхоз. В те годы в колхоз ездили на один или полтора месяца все курсы, кроме выпускного. В студенческие годы мне пришлось побывать в ряде районов Мордовии. Для меня, прожившего десять лет в деревне, сельскохозяйственные работы не были новинкой. В глаза бросалось другое. Колхозная деревня в Мордовии была в еще более запущенном и разоренном состоянии, чем это было в Пензенской области.

Студентов расселяли в дома к пожилым и одиноким людям. Пищу готовила старушка-хозяйка. Спали вповалку на печке или палатках. После скромного завтрака отправлялись в поле и там до обеда занимались уборкой урожая. В одних случаях вручную копали картошку, а в других — собирали ее за картофелекопалкой. Картофель свозили в бурты, покрывали соломой, а затем закапывали толстым слоем земли. Так как картофель не перебирали и не просушивали, то можно себе представить, что из него получалось к весне. Это была первобытная технология хранения сельскохозяйственной продукции. Свеклу собирали в большие кучи, а потом на машинах отправляли на свеклосахарные заводы или же на корм скоту. Кукурузу убирали на силос. Сначала кукурузные стебли

скашивали комбайном и грузили в рядом идущую машину с высокими бортами. Затем ее свозили в специальные земляные траншеи, уграмбовывали трактором и закапывали толстым слоем земли. Однажды во время транспортировки кукурузы я, на очередной ухабине, вылетел из кузова и каким-то чудом остался жив, отделавшись легкими ушибами и царапинами. По вечерам студенты посещали сельский клуб, смотрели кино или же гуляли по окрестностям.

Во время поездок в деревню наша небольшая группа селилась вместе и весело проводила время: вели дискуссии по самым разнообразным вопросам Бытия, читали. Гуляя по окрестностям обсуждали прочитанные книги, вслух читали стихи.

К середине октября мы возвращались в Саранск и возобновляли посещение лекций и семинарских занятий. Постепенно был определен и круг интересных предметов. Мне посчастливилось прослушать небольшой цикл лекций по зарубежной литературе, который читал выдающийся философ и литературовед Михаил Михайлович Бахтин. После отбытия срока заключения в Гулаге он оказался в Саранске и преподавал в университете. На его лекции собиралась огромная аудитория студентов самых различных факультетов. Разумеется, в то время мы мало знали о М.М.Бахтине как ученом с мировым именем. Мы просто наслаждались его эру-

дицией, образностью мышления и даром художественного слова. Поражала необычность чтения лекций, неожиданные сравнения, тонкость и изящность изложения. Михаил Полячков, страстно увлекавшийся зарубежной литературой, бывал дома у М.М.Бахтина и много рассказывал нам о нем. По его совету я тогда прочитал первую монографию М.М.Бахтина о поэтике Ф.М.Достоевского, изданную еще в 1923 году. Позднее, уже в аспирантские годы, я узнал подробности трагической судьбы М.М.Бахтина и внимательно проштудировал его труды.

Интересно и содержательно читали лекции и вели семинары А.Я.Коковин, М.Г.Сафаргалиев, Н.Г. и А.М.Кукановы, И.И.Лягушенко, М.А.Носков, Е.Иванова. Большое внимание они уделяли источникам, прививали навыки к исследовательской работе. Свой первый доклад, посвященный представлениям Т.Компанеллы и Т.Мора, сделал в семинаре у доцента Е.Ивановой.

И все же посещение лекций и семинаров не было главным. Я предпочитал самостоятельную работу в библиотеках. Об университетской библиотеке надо сказать особо. Ее основу составляли библиотечные фонды, эвакуированные во время войны из Ленинграда. Если же учесть, что в библиотеке и читальном зале трудились тогда добрые и отзывчивые люди, то можно себе представить, насколько благоприят-

ными были условия для работы. Я с благодарностью вспоминаю Галку Головину, которая обеспечивала нас уникальной литературой, хранящейся в фондах библиотеки. Мне удалось протудировать классиков греческой и римской литературы (Эврипида и Эсхила, Софокла и Вергилия), философов (Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Спинозу и Бэкона, Фихте и Фейербаха, Ницше и Шопенгауэра), литературу «потерянного поколения» (Ремарка, Фицджеральда, Хемингуэя), молодых писателей и поэтов (Аксенова, Окуджаву, Евтушенко), историков (Болдина и Щербатова, Карамзина и Погодина, Соловьева и Ключевского), русских философов (Бердяева и Булгакова, Франка и Шестова). Я, в буквальном смысле этого слова, поглощал одну книгу за другой, работая целыми днями в библиотеке.

Обращение к первоисточникам убеждало в полной несостоятельности и убожестве лекционных курсов по философии, истории КПСС, научному коммунизму. Казенная тоталитарная идеология могла выполнять свои функции только в рамках тотального насилия. Достаточно было власти немного ослабить идеологические путы, как сразу начинала саморазрушаться и сама основа тоталитарного мировоззрения. Явное неприятие и отторжение вызывало стремление преподавателей общественных кафедр внушить студентам мысль о «гениальнос-

ти» хрущевского политического курса. С трудом избавлялись преподаватели и от привычной схемы «Краткого курса». В связи с этим вспоминается один эпизод, раскрывающий двойственную позицию местных властей и преподавателей-общественников в отношении культа личности Сталина. До начала 60-х годов перед главным корпусом университета возвышался памятник И.В.Сталину. Однажды я допоздна засиделся в читальном зале. Выходя из университета, увидел следующую картину. Около памятника вождю возилось несколько рабочих. Один из них забрался на плечи Сталина и надевал на его голову петлю. Прикрепив петлю на шее, он перебросил канат другому рабочему, а тот при помощи лебедки стал тянуть. В результате голова вождя оторвалась, и рабочие стали ее разбивать кувалдами. Затем таким же методом стали демонтировать и другие части памятника. Когда я на следующее утро пришел в университет, то от памятника уже ничего не осталось, а то место, где стоял постамент, было заасфальтировано. Но разрушать памятники диктаторам оказалось более легким делом, чем осуществлять пересмотр устоявшихся мировоззренческих стереотипов. С одной стороны, на семинарских занятиях преподаватели истории КПСС заставляли нас штудировать новую программу партии, а, с другой — пресекали любую попытку поставить под сомнение некоторые ис-

хдные положения этого нежизненного документа. Было очевидно, что новая программа, декларирующая построение коммунистического общества к 80-м годам, является очередной авантюрой хрущевского руководства. Более того, провозгласив курс на построение коммунизма, власти и не думали отказываться от репрессивных мер против инакомыслящих. Хотя и не в деталях, но мы знали о кровавых событиях в Новочеркасске, где власти расстреляли бастующих рабочих. Начались проблемы с продовольствием, в частности, в студенческой столовой прекратили бесплатную выдачу хлеба. В городе возникли огромные очереди за хлебобулочными изделиями, мясом и молоком.

Важным стимулом к самостоятельной творческой работе были ежедневные встречи нашего дружеского кружка. Они проходили в маленькой кухне на нашей квартире, где за скудным ужином и бесконечным чаепитием обсуждались глобальные мировые проблемы, шли жаркие диспуты. Нередко они продолжались до рассвета. Мы обсуждали произведения Ф.М.Достоевского и З.Фрейда, Кафки и Гофмана, Л.Андреева и Д.Мережковского, вели дискуссии о культе Сталина, о политике Хрущева и т.д. Виктор Медведев и Александр Татарников, свободно владевшие несколькими европейскими языками, рассказывали о зарубежной литературе и зарубежных передачах. Михаил По-

лячков хорошо знал литературу и поэзию Серебряного века; я делился с друзьями своими наработками в области философии и отечественной истории. Это были вечера откровений, когда набатно звучали традиционные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» И хотя у нас, естественно, не было однозначного ответа на обсуждаемые проблемы, тем не менее каждый упорно стремился найти Истину.

Некоторое время спустя выяснилось, что наш кружок попал в «разработку» КГБ. Первыми симптомами внимания к нам этих органов стал обыск и изъятие у Льва Балаяна магнитофонных записей с песнями Б.Окуджавы. Оценив ситуацию, Лев Балаян перевелся в Пятигорский институт иностранных языков. Зимой 1963 года Галка Головина предупредила о проверке наших библиотечных читательских формуляров. Весной наша квартирная хозяйка под большим секретом рассказала о произведенном у меня и Виктора Медведева досмотре вещей. Еще через некоторое время у одного из знакомых Татарникова — В.Н., на квартире которого мы несколько раз собирались, «пробудилась» совесть и он, опять же под большим секретом, поведал Александру, что является платным информатором КГБ и что ему поручено собирать о нас сведения. Трудно сказать, почему В.Н. это сделал, но факт остается фактом. Когда мы, уже задним числом, начали анализировать поведение В.Н., то обнаружили рядстораживающих

и даже провокационных моментов. Бог ему судья!

Наступил май 1963 года. В один из прекрасных солнечных майских дней я был в университете на лекции И.И.Лягушенко. Вдруг в дверь аудитории постучали, и факультетский секретарь пригласила меня срочно зайти к декану М.В.Дорожкину. В кабинете, кроме декана, находился молодой человек в гражданской форме, он сразу же подошел ко мне и предъявил удостоверение сотрудника КГБ. Молодой человек пригласил меня пройти с ним в Комитет государственной безопасности, который размещался в нескольких кварталах от университета. Он предупредил, что следует заложить руки за спину, идти впереди него, не оглядываться и по дороге ни с кем не разговаривать. Так мы с ним и шли по саранским улицам. Вот и здание республиканского КГБ. Прошли через контрольный пункт и по лестнице поднялись на третий этаж. В одном из кабинетов, куда мы с ним вошли, сидели два человека в гражданской форме. Мой конвойный тоже остался. Начало разговора было довольно необычным. Один из присутствующих спросил — почему и зачем я читаю Фрейда? Я попытался удовлетворить их интерес. Затем они по очереди стали спрашивать о современных течениях в философии, в литературе. Такого рода «философский» разговор продолжался около часа. После чего мне

предложили пройти в следующий кабинет. Сопровождающий дал мне бумагу, ручку и сказал, что следует изложить письменно все то, что я знаю о своих друзьях и содержании наших разговоров. Затем сопровождающий удалился, заперев на ключ дверь.

Почему я без предъявления ордера на арест добровольно пошел в КГБ? Формально, с юридической точки зрения я мог, конечно, отказаться от этого. Однако в те годы сила психологического воздействия КГБ на массовое сознание была еще столь велика, что мне и в голову тогда не пришло потребовать у сотрудника этих органов каких-либо аргументированных объяснений. Более того, у меня вообще не возникало мысли, что может последовать арест. Тем не менее предупреждения В.Н. о слежке, о проверке читательских формуляров, о предварительном досмотре наших вещей где-то в подсознании все же присутствовали. Но никто не мог себе представить, что дело вдруг станет разворачиваться так круто.

С формальной точки зрения я мог отказаться давать какие-либо письменные показания. Между тем в течение полутора часов, обдумывая каждое слово, я пытался ответить на поставленные мне вопросы. Видимо, в архиве Саранского КГБ сохранились написанные в тот день страницы. Краснеть за изложенное мне не придется.

Через полтора часа шелкнул дверной замок, вошел сотрудник, взял у меня листки бумаги, попросил расписаться и, не заглянув в них, сказал, что я могу быть свободным. Сопровождающий до КП сотрудник был менее учтив. Когда мы с ним спускались по лестнице, он тянул сквозь зубы, что я должен благодарить Бога за то, что сейчас на дворе не 1937 год, иначе бы мне уже давно переломали ребра. Это было знаменательное признание!

Конечно, я не знал, что в то время когда я находился в КГБ, там же, в разных кабинетах вели беседы с Виктором Медведевым, Александром Татарниковым и Михаилом Полячковым. Они, как и я, сидя под замком, давали письменные показания.

В тот же день мы собрались на нашей квартире и шаг за шагом стали восстанавливать картину происшедшего. Выяснилось, что накануне вызова в КГБ был сделан обыск у Татарникова. У него изъяли записные книжки и дневник, где, в частности, были записаны критические стихи о Н.С.Хрущеве. Эта была единственная «серьезная» улика. Досмотр наших вещей не дал никаких результатов, ибо никто из нас не вел дневников. Что же касается задаваемых в КГБ вопросов, то они были для всех практически однотипными. По существу совпали и наши письменные показания.

Наметили общую линию поведения с представителями КГБ. В ближайшие дни нас два-

ды, на сей раз уже вместе, вызывали в КГБ. Один раз беседа носила сугубо формальный характер и никаких письменных показаний уже не требовали. Другой раз с нами беседовал начальник республиканского КГБ. Видимо, сотрудники КГБ прекрасно понимали, что мы не являемся диссидентской группой и не представляем какой-либо угрозы для правящего режима. Имеющаяся в КГБ информация о нашей группе явно не тянула на организацию показательного политического процесса, которые в конце 50-х — начале 60-х годов прошли в ряде крупных студенческих центров. КГБ решило передать нас на суд университетской общественности.

Через некоторое время нас пригласили на заседание комитета комсомола университета. В отличие от корректного поведения сотрудников КГБ, представители общественности учинили каждому из нас (вызывали по одиночке) форменный допрос, обвиняя чуть ли не в измене Родине. Комитет комсомола университета начал подготовку общефакультетского комсомольского собрания, на котором и должен был решиться вопрос о нашем дальнейшем пребывании как в комсомоле, так и в университете. Собрание проходило в одной из самых больших университетских аудиторий. Зал набился битком. Такого еще в Мордовском университете не было. Накануне собрания нас вновь при-

гласили в КГБ и посоветовали покаяться на собрании в своих «грехах», что, якобы, позволит смягчить нашу «вину». В зале нас усадили вместе, а рядом в штатском разместились сотрудники КГБ.

Собрание открыл декан факультета М.В.Дорожкин, охарактеризовавший нашу группу как «отщепенцев» и «духовных уродов», продавшихся международному империализму за «цветастые рубашки и носки в клетку». Вслед за столь красноречивым деканом и в обозначенном им ключе стали выступать представители университетского бюро комсомола, а также некоторые студенты, с которыми я учился в одной группе. Это был полный бред, в котором все перемешали и поставили с ног на голову. Терпеть все это не было никаких сил. И я попросил слова, чтобы ответить на прозвучавшие гнусности и глупости. Сидевший рядом сотрудник КГБ сказал, что он не советует мне выступать. Тем не менее я все же решился защитить и свою честь, и честь моих друзей. Суть моего выступления сводилась к следующему. Сославшись на конституцию и уголовный кодекс, я сказал, что никто не имел права производить у нас обыски без санкции прокурора и в наше отсутствие. Любые личные дневники (я имел в виду дневник Татарникова) и записные книжки не могут служить предметом публичного разбирательства и тем более предлогом для исключе-

ния нас из комсомола и университета, на чем настаивали наиболее ретивые представители общественности. Поведение выступающих, в том числе и декана, является провокационным и не приличествует порядочному и честному человеку. Сказав все это, я демонстративно покинул зал. Попытки остановить меня оказались безуспешными.

После факультетского комсомольского собрания последовали кары. Татарников был исключен из комсомола и на один год — из университета с правом восстановления после года работы на производстве в качестве чернорабочего. Виктора Медведева и меня исключили из комсомола, но в университете оставили. Михаилу Полячкову объявили строгий выговор по комсомольской линии. По сравнению с другими студенческими процессами конца 50-х — начала 60-х годов мы весьма легко отделались. Мне кажется, что ни КГБ, ни тем более руководству университета не хотелось устраивать «громких дел» и тем самым привлекать к себе внимание. Для них было достаточно провести общественное разбирательство, чтобы на многие годы отвадить студентов от создания каких-либо кружков и от сомнений в «мудрости» политической линии КПСС. Думаю, что ректор университета Григорий Яковлевич Меркушкин, бывший министр культуры Мордовской АССР, известный писатель и драматург, прекрасно осознавал бес-

смысленность предпринятой акции. Судя по встрече с ним в сентябре 1963 года, было видно, что он в отношении нас не являлся сторонником жестких мер. Более того, он оказывал нам поддержку: Виктору Медведеву было предоставлено общежитие, нам платили стипендию. После окончания университета ректор разрешил мне и Полячкову сдавать кандидатский минимум.

Декан М.В.Дорожкин, взявший в июне 1963 года инициативу выступления на общефакультетском комсомольском собрании, в дальнейшем старался не вспоминать о происшедшем. Однако после «жаркого» лета 1963 года мы все оказались под подозрением и тщательным контролем. Как только подходила очередь сдавать экзамены, то экзаменаторы, чтобы «не было разговоров», приглашали или заведующего кафедрой или других преподавателей. Все это выглядело довольно глупо. Такая ситуация продолжалась до окончания университета.

После общефакультетского комсомольского собрания вокруг нас образовался некий вакуум. От нас отшатнулись даже те, в дружелюбии и искренности которых было трудно сомневаться. Это был хороший жизненный урок. Изоляция со стороны общественности привела к еще большему сближению между мной, Виктором Медведевым, Александром Татарниковым и Валерием Шароновым. Однако наши отношения с

Михаилом Полячковым прошли суровую переоценку. В ходе всего «дела» его поведение могло быть гораздо более взвешенным и продуманным. И хотя прежней откровенности между нами и Полячковым уже не было, тем не менее дружить мы с ним продолжали.

События мая-июня 1963 года сыграли роль мощного стимулятора в моей самостоятельной исследовательской работе. Я с удвоенной энергией занимался в библиотеке, значительно расширил диапазон своих научных интересов. К этому периоду относятся мои увлечения Руссо и Дидро, Вольтером и Даламбером, Новиковым и Радищевым, Герценом и Огаревым, Бакуниным и Ткачевым, Лавровым и Михайловским. Как это, может быть, сейчас ни покажется странным, но я с интересом штудировал Маркса и Ленина. Уже на третьем курсе я выбрал тему дипломной работы — «Народническое движение в Поволжье в 70-х годах XIX века».

В эти годы мы были искренне увлечены Че Геварой и Кастро, которые тогда были для многих образцами мужества и героизма. Несмотря на произведенную над нами экзекуцию, мы не испытывали не только ненависти, но и обиды на тех, кто пытался нас оклеветать и унижить. Таких людей было просто жаль. Они не ведали, что творили, и даже не могли предположить, что восхваляемый ими кумир — Н.С.Хрущев — скоро сам падет жертвой партийных интриг.

В целом же 1963 год для меня был годом личных утрат и будущих личных драматических завязок. В феврале 1963 года на 64 году жизни после продолжительной и тяжелой болезни умер мой любимый дед Петр Алексеевич Полянский. Вместе с ним ушла целая эпоха моего детства и юности. Дед немало сделал для того, чтобы научить меня понимать разные стороны Бытия. Он научил любить природу, привык к труду, а главное — привил внимательное и бережное отношение к людям.

В 1963 году на студенческом вечере, посвященном 8 Марта состоялось мое знакомство с А.Б. В спортивном зале, где когда-то мы жили абитуриентами, практически на том же месте, где стояла когда-то моя койка, я увидел симпатичную южного типа брюнетку. Она была выше среднего роста с черными как смоль волосами, огромными карими глазами. Я ее пригласил на танец. Перекинулись несколькими ничего не значащими словами. Танец закончился, и она растворилась в толпе. Через несколько дней мы с Виктором решили навестить наших знакомых девчат в общежитии. И вдруг в той же комнате я снова увидел незнакомку, с которой станцевал всего один танец. С этого вечера и начались наши встречи. Может быть они и не имели бы последствий, если бы не майские события. В тот «памятный» день, еще не подозревая о том, что я окажусь в КГБ, мы с А.Б. договорились о

встрече в городском парке. Время встречи уже давно прошло, а я все еще находился в КГБ. Однако А.Б. меня дождалась. Во время всех наших последующих злоключений она выражала нам искреннее сочувствие. Накануне своего отъезда на каникулы А.Б. пригласила меня немного отдохнуть в Геленджике.

Первую половину каникул я провел в Кузнецке у родителей: встречался со своими знакомыми ребятами и девочками, ходил на танцы в парк культуры, ездил с Валерием Шароновым на дачу. Так может быть и прошло бы все лето, если бы я не получил письмо от А.Б., в котором она напомнила о своем приглашении. Все попытки родителей отговорить меня от поездки в Геленджик оказались напрасными. В один из августовских дней я уехал на юг. Мы с А.Б. совершили морское путешествие на теплоходе «Адмирал Нахимов», посетили Батуми, Сухуми, Сочи, озеро Рица. Купались и загорали. Прекрасная погода, теплое и ласковое море, чарующие южные ночи — все это способствовало нашему увлечению друг другом. Время летело стремительно, беззаботно и бесшабашно.

За несколько дней до окончания каникул я приехал в Кузнецк. Произошел весьма нелицеприятный разговор с моими родителями, которые пытались отговорить меня от предполагаемого безрассудного шага. Но все было напрас-

но. Я был тогда самолюбив, очень упрям и самонадеян. В итоге оказались правы мои родители и, особенно, умудренная опытом бабушка.

Возвратившись в Саранск, мы с А.Б. нашли квартиру и начали совместную жизнь. А.Б. училась на втором курсе английского отделения, я же, перейдя на четвертый курс, целые дни проводил в библиотеках. К нам часто приходили мои друзья, вели многочасовые дискуссии. Моя работа над дипломом продвигалась успешно. Однако весной 1964 года серьезно заболел мой научный руководитель профессор М.Г.Сафаргалиев. Около года приходилось обходиться без консультаций, ибо на кафедре никто не соглашался брать на себя руководство моей дипломной работой. Спустя много лет доцент И.И.Фирсов подробно рассказал мне о тех дебатах, которые шли в то время на кафедре истории капитализма вокруг назначения мне руководителя. Лишь на пятом курсе эту обязанность решил взять на себя И.И.Фирсов.

Зимние и летние сессии превращались в жаркие «схватки» с преподавателями общественных кафедр, которые по традиции продолжали рассматривать нас в качестве опальных студентов. В какой-то мере ситуация стала меняться после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года, на котором окончательно закатилась «звезда» Н.С.Хрущева. После пленума ЦК

КПСС преподаватели кафедр общественных наук с неменьшим энтузиазмом стали восхвалять «мудрые» решения партии и ее нового Генерального секретаря Л.И.Брежнева. С ними все было уже давно ясно!

Через несколько месяцев после пленума ЦК, в марте 1965 года, нас с Виктором Медведевым восстановили в комсомоле. Несколько раньше, в сентябре 1964 года, был восстановлен в университете Александр Татарников. Казалось, что мы были правы. Но никто из нас не испытывал удовлетворения. Единственным уроком из всей этой нелепой истории было то, что я больше стал размышлять над вечными проблемами: «Что есть человек?», «Каково его назначение в этом мире?» Все чаще стала посещать мысль о поступлении в аспирантуру.

Для завершения дипломной работы я два раза ездил в Москву. На несколько дней останавливался у своего дяди, Виктора Васильевича Боровикова, который жил тогда на Преображенке. Работа в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции доставляла мне истинное наслаждение. В фондах Департамента полиции удалось найти интереснейший материал о народническом движении в Поволжье. В свободное от работы в архиве и Румянцевской библиотеке время я посещал московские театры и музеи. В те годы можно было свободно купить билеты в Большой театр. В памяти навсег-

да остались «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Хованщина», «Лебединое озеро», «Жизель». В Малом театре с наслаждением смотрел древнегреческие трагедии, чеховские «Чайку», «Дядю Ваню», «Вишневый сад», посещал оперетту. Часами бродил по московским улочкам и переулкам, посетил места, где был впервые в 1956 году. Москва была праздником моей души. И мне только оставалось помечтать, что может быть когда-нибудь удастся продолжить учебу в аспирантуре в Москве, ибо я прекрасно осознавал, что после событий 1963 года в аспирантуру Мордовского университета меня ни при каких обстоятельствах не примут.

В июне 1965 года я весьма успешно сдал государственные экзамены и на «отлично» защитил дипломную работу. После экзаменов встал вопрос о распределении. Как и следовало ожидать, комиссия по распределению, не спрашивая ни о моих желаниях, ни о моем согласии, направила меня на работу преподавателем обществоведения в СПТУ-3 Торбеевского района. Михаил Полячков как-то ухитрился остаться в Саранске, а затем уехал в Архангельск. Татарникова и Медведева, также как и меня, направили в отдаленные деревни. Какое-то время мы вели переписку, изредка встречались в Саранске, а потом жизнь развела нас. Уже будучи в Москве я узнал, что Виктор Медведев и Александр Татарников живут во Владимире, обзаве-

лись семьями. Татарников женился на Галке Головиной, а Медведев — на ее подруге. Один раз я ездил к ним в гости во Владимир, а Татарников несколько раз навещал меня в Москве. Валерий Шаронов уехал в Ульяновск, где начал работать корреспондентом в заводской малотиражке, писал неплохие очерки, эссе. Однажды он заезжал ко мне в Москву. В Саранске остался жить и работать Валерий Горбунов, который еще на третьем курсе женился на дочери известного мордовского писателя Т.Ф.Якушкина. Я хорошо знал их семью, где нас, студентов, привечали. Более тридцати лет мы поддерживаем с Валерием дружеские связи, а сейчас — и с его уже взрослым сыном Александром, аспирантом Мордовского университета. Горбуновы и Н.Г.Куканова — это единственный канал, связывающий меня с Саранском и университетом.

*Глава шестая***ВНОВЬ В ДЕРЕВНЕ**

В 20-х числах августа 1965 года, после летнего отдыха в Геленджике и Кузнецке, я приехал в Саранск и, переночевав у Валерия Горбунова, утренним поездом отправился к новому месту работы в Торбеево. Прибыв в райком партии, я получил там направление в село Жуково, где тогда находилось СПТУ-3. В то время от Торбеева до Жукова автобусы не ходили, и пришлось около пяти километров идти пешком. Стояла прекрасная погода, пели птицы, и я, вдыхая аромат хлебного поля, не спеша, продвигался в сторону Жукова. Директора СПТУ-3 Котова на месте не оказалось, и мне пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться обратно в Торбеево. Переночевав в местной гостинице в номере, наполненном цыганами, я вновь утром отправился в райком. К моему удивлению, там оказался Котов, и мы, на сей раз на его машине, прихватив из камеры хранения в гостинице мой небольшой чемоданчик, поехали в Жуково.

Первые несколько дней и ночей я провел в пустовавшем директорском кабинете, где стояли две кровати, письменный стол и несколько стульев. Еще было время отпусков, и огромное одноэтажное деревянное здание училища пустовало. Около недели я провел там в полном одиночестве. Запомнилась первая ночь, когда я вдруг проснулся, ибо почувствовал, что кто-то с меня потихоньку стягивает одеяло. Приоткрыв глаза, я никого не обнаружил. Но через некоторое время все повторилось заново: кто-то стремительно пробежал по кровати. Тут уже я окончательно пробудился и без сна пролежал до рассвета. С первыми лучами солнца, медленно пробивавшимися через кроны деревьев, я увидел существ, мешавших мне спать. На директорском столе и вокруг него восседало несколько наглых больших крыс, внимательно наблюдавших за мной. Картина была не очень приятная. Пришлось лихорадочно соображать, что мне делать дальше и как в последующие ночи спастись. Выход я нашел самый элементарный. По вечерам в местном магазине покупал полбуханки черного хлеба, оставлял его в противоположном углу кабинета, и крысы утратили ко мне всякий интерес.

В оставшиеся до занятий дни обследовал село Жуково и его окрестности. Село было большое, со смешанным русским и мордовским населением. До революции 1917 года здесь

была дворянская усадьба, сохранилась в запущенном состоянии часть парка, большие пруды. В самом центре села размещались небольшие административные здания совхоза, магазин, столовая. На другой стороне плотины находились сельсовет и библиотека. На самом краю села завершалось строительство нового двухэтажного здания СПТУ-3, где с сентября должны были начаться занятия. Старое здание училища передавалось под общежитие.

Через неделю мне помогли найти квартиру. В небольшом деревянном домике, стоявшем на самом берегу пруда, жили, уже пожилые, дед Илья и бабка Ульяна. Они-то и согласились приютить за небольшую плату и дрова. В доме была единственная комната: дед спал на печи, бабка в куточке за печкой, а мою кровать, выданную в училище, поставили вдоль стены у окна. Рядом стоял небольшой столик. Никаких удобств, естественно, в доме не было. Начался спартанский образ жизни. По утрам, особенно в зимнее время, приходилось умываться ледяной водой. Завтрак состоял из кружки молока и куска черного хлеба. Обедать и ужинать ходил в совхозную столовую, где в течение двух лет моего пребывания в Жукове было одно и то же меню. В сельском магазине можно было купить хлеб, консервы и конфеты «дунькина радость».

От дома до училища расстояние было примерно полтора километра. Осенью и весной

этот путь приходилось преодолевать по непролазной грязи в высоких резиновых сапогах. Зимой — продираться через снежные заносы. Дед Илья выдал мне металлическую палку, с помощью которой можно было, с одной стороны, поддерживать равновесие и не упасть в грязь, особенно в темноте, а, с другой — обороняться от бродячих собак.

В памяти запечатлелись первые занятия, проведенные мной в училище. Я прочитал вводную лекцию по философии. В кабинете стояла мертвая тишина. Только через несколько дней я понял причину столь «полного» внимания к предмету со стороны аудитории. В сельском профессионально-техническом училище должны были готовить специалистов широкого профиля для колхозов и совхозов Мордовии. В тот год набирали учащихся, окончивших 8 классов. Предполагалось, что за два года обучения в училище они должны получить два образования: специальное и законченное среднее. С этой целью в училище была открыта вечерняя средняя школа, в старших классах которой мне пришлось преподавать историю СССР. Однако в реальной действительности все было иначе. В училище, как правило, шли те, кто не мог или не хотел учиться дальше в средней школе. С грехом пополам получив аттестат об окончании 8 классов, пэтэушники, видимо, рассчитывали, что им без особого труда удастся получить два

образования. Мастерам училища вменялось в обязанность ездить по глухим мордовским селам и вербовать в школах, колхозных клубах, по домам молодых ребят, получивших восьмилетнее образование или уже отслуживших в армии. Они их прельщали: легкой возможностью приобрести специальности тракториста и комбайнера, предоставлением бесплатного питания и общежития, а также десятирублевой стипендией. От результатов набора контингента учащихся зависело как штатное расписание преподавателей и мастеров, так и их заработная плата. Поэтому при наборе учащихся интересовались не уровнем школьной подготовки, а количеством завербованных. Несмотря на наличие аттестата об окончании 8 классов, подавляющее большинство учащихся вообще не обладало какими-либо элементарными школьными знаниями. Многие из них не усвоили даже таблицу умножения, плохо читали, были не в состоянии логически мыслить.

Каждый день во время занятий имели место курьезы. Однажды я производил опрос. Из 30 учащихся ни один не мог назвать ни одной страны, входящей тогда в состав социалистического лагеря. Читать контрольные работы было сплошным кошмаром. Учащиеся были не только элементарно безграмотны, но и неспособны усваивать учебную программу. С такими же трудностями сталкивались другие пре-

подаватели и мастера, ведущие специальные предметы и практические занятия. Однажды меня пригласили побывать на выпускных государственных экзаменах по специальности, где пришлось увидеть таких «недорослей», которые за два года учебы не только не смогли усвоить устройство двигателя трактора, но даже затруднились показать место его нахождения на макете. Один из выпускников долго ходил вокруг стенда, на котором стоял трактор, и мучительно пытался обнаружить двигатель. Тем не менее аттестат об окончании училища ему все же выдали.

Общение в течение двух лет с учащимися показало, что подавляющее большинство являются выходцами из бедных мордовских сел и, как правило, из неблагополучных семей. С раннего детства многие из них были предоставлены самим себе. Ими не занимались ни в семье, ни в школе. К счастью, особого хулиганства в училище не было, но общая дисциплина была элементарно низкой. Так, получив бесплатное обмундирование и стипендию, многие учащиеся надолго уходили домой и забрасывали занятия. Мастерам приходилось вновь их отлавливать по деревням.

Преподаватели и мастера не только вели занятия в училище, но и занимались воспитательной работой в общежитии, периодически дежурили в столовой. Это была крайне изнуритель-

ная и в общем-то неблагодарная работа. Но у местных преподавателей и мастеров иного выхода не было. Большинство из них родилось и выросло в Жукове, привыкло к деревенскому образу жизни. Лишь некоторые стремились продолжить образование в высших учебных заведениях, регулярно читали специальную и художественную литературу.

Чтобы самосохраниться и физически, и, тем более, интеллектуально, необходимо было держать себя в постоянной форме. В течение двух лет я каждый день, невзирая на погоду, совершал десятикилометровые пешие прогулки, колот дрова. По приезде в Жуково я поставил перед собой две задачи: сдать кандидатский минимум и подготовиться к поступлению в аспирантуру. Возник вопрос и о теме моей будущей кандидатской диссертации. Однажды в голову пришла мысль поделиться своими соображениями по проблемам народнического движения с ведущим специалистом в этой области профессором Московского университета Михаилом Герасимовичем Седовым. В течение нескольких дней я писал ему письмо, в котором подробно изложил свои представления и наблюдения о ленинской концепции народничества и попросил у него совета относительно возможной темы будущей диссертации. Письмо послал на университет, ибо домашнего адреса Седова я не знал. О, чудо! Через некото-

рое время от Михаила Герасимовича я получил обстоятельное и очень доброжелательное письмо. Он сумел услышать «крик души» молодого человека, попавшего волей судеб в деревенскую глушь. Михаил Герасимович писал о совпадении наших точек зрения по проблемам народничества, поддержал идею разработки некоторых дискуссионных вопросов. С тех пор между нами началась переписка, а через некоторое время состоялась и наша первая встреча в Москве.

Получив приглашение приехать к нему в Москву, я, буквально на крыльях, летел на Ленинский проспект, где тогда жил М.Г.Седов. Мы сидели на кухне, пили чай и беседовали. Михаил Герасимович терпеливо выслушал меня, дал ряд ценных советов. Он одобрил мое увлечение народнической проблематикой, подробно рассказал о работе группы по изучению истории народничества в Институте истории АН СССР, которой тогда руководил Б.С.Итенберг. Вместе с тем он откровенно предупредил и о тех трудностях, которые встанут на пути поступления в аспирантуру Московского университета, посоветовал предварительно проконсультироваться с деканом исторического факультета профессором И.А.Федосовым.

Возвратясь из Москвы, я с удвоенной энергией продолжал заниматься самообразованием. Успешно сдал полностью кандидатский мини-

мум, начал набрасывать эскиз реферата для поступления в аспирантуру. Много читал. За два года я перечитал Полное собрание сочинений Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, академические издания А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова. Внимательнейшим образом проштудировал «Исповедь» Л.Н.Толстого, которая тогда произвела на меня огромное эмоциональное впечатление. Многие мысли в этой поучительной книге отражали в то время состояние моей души. Именно в Жукове я страстно полюбил Лермонтова.

Помимо работы в училище и в вечерней школе, мне было поручено вести занятия в университете марксизма-ленинизма. Преподавателям и мастерам училища читал лекции по философии и истории КПСС, вел семинарские занятия. Несколько лекций о творчестве скульптора Эрзи было прочитано сельскому комсомольскому активу. Однажды в районной газете появилась статья о моей преподавательской и пропагандистской работе. Если бы знал автор этой статьи, как рвалась моя душа из этого захолустья, как я считал недели, дни и часы, оставшиеся до окончания срока отработки по распределению.

Первое время моего пребывания в Жукове я довольно часто ездил в Саранск. А.Б. училась на четвертом курсе и приезжать в деревню ей было недосуг или же просто не хотелось. По-

степенно мне самому все меньше и меньше хотелось ездить в Саранск.

Местом моего духовного вдохновения стала Москва. Поздним поездом в субботний вечер уезжал в столицу, проводил там воскресный день: посещал музеи и театры. Поздним вечером уезжал обратно в Торбеево. Вспоминаю два эпизода. Однажды поздней ночью я приехал в Торбеево, стоял сорокоградусный мороз. Делать было нечего, надо было добираться до Жуково. И вот я в легком осеннем пальтишке и полуботинках иду один по дороге. На небе светит полная луна, гудят провода и ни души. Другой раз я пробыл без сна двое суток в Москве. Обратно пришлось ехать в общем, битком набитом, вагоне. Добравшись до квартиры, сразу же лег и проспал целые сутки. Дед с бабкой уже стали тревожиться, но будить меня не решились. Проснулся же от ощущения, что кто-то на меня пристально смотрит. Когда я приоткрыл глаза, то увидел необычную картину: рога и козлиную бороду. Оказывается, дед пустил козу погреться в избу, а она, проявив любопытство, подошла к кровати и стала рассматривать меня. В общем, случай не для слабонервных!

Наконец, наступил миг долгожданной свободы. Директор училища, понимая мое настроение, беспрепятственно подписал мое заявление об увольнении. Попрощавшись с преподавателями, с дедом Ильей и бабкой Ульяной, я в тот

же день уехал из Жукова в Торбеево. Как радостно билось мое сердце! Переночевав у директора вечерней школы, первым же поездом отправился в Саранск. Получил в университете долгожданный диплом, и через два дня мы с А.Б. были в Москве.

Прежде чем подавать документы в аспирантуру Московского университета, я решил воспользоваться советом М.Г.Седова и предварительно переговорить о И.А.Федосовым. Тот принял меня в старом здании университета на ул. Герцена, внимательно выслушал мою просьбу и сказал, что я, действительно, имею формальное право подать документы в аспирантуру, но он лично не советует мне этого делать, ибо вакантных мест очень мало и они уже практически предназначены для выпускников университета. Я поблагодарил Ивана Антоновича за искренний совет и решил не подавать документы в аспирантуру МГУ, прекрасно понимая, что одних формальных прав для поступления у меня явно не достаточно. В тот же день поезд уносил меня на юг.

Глава седьмая

ГЕЛЕНДЖИК

Летние дни летели стремительно. Надо было думать о хлебе насущном и искать себе работу. Побывал в Новороссийске и Краснодаре, но работы там по специальности не было. Предлагали место освобожденного секретаря комсомольской организации на одном из новороссийских предприятий. Но это меня не устраивало, ибо ни малейшего комсомольского энтузиазма у меня не было. Однажды, оказавшись на территории санатория «Солнце», я, на всякий случай, решил зайти в дирекцию узнать о наличии вакантных мест. Оказалось, что есть место воспитателя. Я согласился, а через несколько месяцев был назначен на должность старшего воспитателя.

Санаторий «Солнце» расположен на берегу Черного моря. На этом месте до революции находился цементный завод французской компании и административные корпуса для технического персонала. В годы гражданской войны завод был разрушен, а многие годы спустя ад-

министративные корпуса были переоборудованы в лечебное оздоровительное учреждение. В годы Отечественной войны здесь находился военный госпиталь, формировался десант на Малую землю. После войны было решено создать специализированный санаторий для лечения подростков с врожденными и приобретенными заболеваниями опорно-двигательной системы. В санатории подростки проходили специальный курс лечения и продолжали учебу. Поэтому штат санатория состоял не только из врачей и медсестер, но и воспитателей, а также школьных учителей.

Обязанности воспитателя были многогранны: прием и размещение подростков, контроль за выполнением ими лечебных процедур, назначенных лечащим врачом, дежурство в столовой, клубе, кинозале, на танцплощадке и на территории санатория. Кроме того, воспитатель должен был организовывать посещение подростками учебных занятий и кружков, готовить с ними КВН и концерты художественной самодеятельности. Дежурили воспитатели круглосуточно по сменам. Эта работа была не только хлопотливой, но и ответственной, ибо подростки вели себя по-разному: одни были воспитаны и пунктуальны; другие нарушали режим; третьи были отпетыми хулиганами, за которыми с первых дней устанавливался строгий контроль. Попадались и врожденные kleптоманы, которые дня

не могли прожить, чтобы что-то не стянуть у своих товарищей.

Особенно напряженными были весна и лето, когда в санаторий прибывало много практически здоровых подростков, и они активно развлекались. Около отдыхающих постоянно тусовались «лица кавказской национальности», которых как магнит притягивал девичий контингент. Случались и неприятные инциденты.

Однажды утром, придя на работу, застал у двери кабинета взволнованную воспитательницу, дежурившую в ночную смену. Она рассказала о ночном ЧП. К 22 часам в спальный корпус не вернулась одна из отдыхающих девушек. Поиски ее на территории санатория закончились безрезультатно. Уже в первом часу ночи ее из города привели отдыхающие. Выяснилось, что она познакомилась с каким-то грузином, который в тот вечер ее изнасиловал, а затем решил отвести к своим приятелям в общежитие. Уже в городе, видимо сообразив, что ей может грозить, она как-то сумела убежать от грузина и на автобусной остановке обратилась за помощью. Выслушав воспитательницу, я, кипя от возмущения, сразу же позвонил в городское отделение милиции и попросил задержать насильника в общежитии, адрес которого сказала пострадавшая.

О ЧП и звонке в милицию немедленно доложил главному врачу. Оказалось, что родители

этой девицы отдыхали в соседнем санатории и их решили пригласить и известить о случившемся. Провести встречу с родителями было поручено мне. Я к этой встрече готовился, волновался, меря быстрыми шагами кабинет. И каково было мое удивление, когда мать пострадавшей сразу же начала разговор о том, что нельзя ли зарегистрировать брак ее дочери с насильником. Это заявление меня потрясло до глубины души! Но в тот день это был не единственный сюрприз. Ко мне заявился руководитель производственной практики группы ПТУ, в которой учился насильник. Он тоже повел разговор о том, что следует решить проблему «полюбовно», и его подопечный готов зарегистрировать брак с потерпевшей. Через некоторое время меня вызвал к себе главный врач. В его кабинете находились городской прокурор и начальник городской милиции. Последний тоже был грузин. Нагло развалясь, он сидел в кресле и убеждал присутствовавших в необходимости мирно урегулировать возникшую проблему. Главный врач явно выражал недовольство, что я поспешил проинформировать о случившемся милицию и считал необходимым это дело спустить на тормозах и не портить хороших санаторских показателей. Я с их доводами не соглашался. Однако «умудренные опытом» решили уговорить потерпевшую и насильника «помириться» и вступить в законный брак. Прокурор

заявил, что он даст разрешение на заключение брака в загсе, ибо потерпевшая, как оказалось, была еще несовершеннолетней ученицей девятого класса.

На следующий день в санатории появился сам, было сбежавший, насильник. К моему удивлению потерпевшая и насильник как ни в чем ни бывало разгуливали под ручку по территории санатория, смеялись и веселились. Тогда мои представления о благородстве и чести подверглись жестокому испытанию. Девица, получив искомый в паспорте штамп о регистрации брака, отбыла с родителями на родину.

После этого ЧП, а точнее его исхода, мне как-то расхотелось работать в санатории. Единственное, что меня останавливало — это необходимость завершить начатую по инициативе бюро комсомольской организации летопись санатория «Солнце». Я тогда писал историческую часть летописи. Эта работа меня увлекала и одновременно отвлекала от однообразия и прозаичности многих житейских проблем. В ходе работы над летописью я побывал в краеведческих музеях Новороссийска и Геленджика, собрал интересный материал. Так, работая в геленджикском краеведческом музее, обнаружил документы и материалы о толстовских поселениях, существовавших в окрестностях города. Наряду с подготовкой летописи, читал лекции на подготовительных курсах по истории СССР,

вел занятия с воспитателями санатория по истории КПСС, был избран членом бюро геленджикского райкома ВЛКСМ.

Занятия в местных архивах и городской библиотеке как-то приглушали бытовые неурядицы, а главное — беспокойное состояние моей души. Я начал собирать свою вторую библиотеку, выписывал и от корки до корки штудировал журналы: «Вопросы истории», «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Коммунист», «Вопросы философии». В одном из номеров журнала «История СССР» прочитал объявление о приеме в аспирантуру Института истории АН СССР. Подготовил реферат и отправил документы в Москву. В августе 1968 года получил вызов из отдела аспирантуры Института истории, где сообщалось о том, что я допущен к участию в конкурсе.

Поезд в Москву прибыл ранним утром. Пришлось сделать несколько кругов по кольцевой линии метро. К 9 часам уже был на улице Дмитрия Ульянова 19 и ждал открытия аспирантуры. Беседа с заведующей аспирантурой Воронежской была доброжелательной. Она порекомендовала мне встретиться с заведующим сектором истории капитализма доктором исторических наук, профессором Леонидом Михайловичем Ивановым и посоветовала оперативно решить вопрос с общежитием.

В тот день Л.М.Иванова в Институте не было, и я решил заняться устройством своих

жилищных проблем. В аспирантском общежитии на ул. Вавилова мест не оказалось, и мне дали направление в академическое общежитие в Подмоскowie. В дачном поселке «Никольское» АН СССР арендовала большой двухэтажный дом под общежитие для аспирантов и стажеров.

На следующий день я встретился с Леонидом Михайловичем, сразу же проявившим ко мне внимание и отеческую заботу. Он посоветовал встретиться и переговорить с рецензентом моего реферата доктором исторических наук Борисом Самуиловичем Итенбергом, который в это время проходил курс лечения в академической больнице. Встреча состоялась в необычной обстановке. Борис Самуилович высказал ряд критических замечаний, связанных с пропуском в реферате недавно вышедших статей по народничеству. Тем не менее он дал положительную оценку реферату и пожелал мне успешного прохождения дальнейших конкурсных испытаний.

Несмотря на сданный мной кандидатский минимум, Леонид Михайлович все же решил проверить мои познания в области философии, ибо явно не доверял уровню подготовки в периферийных вузах. Сдать экзамен по философии не составляло для меня особого труда. Тем не менее я несколько дней работал в Румянцевской библиотеке, знакомясь с последними но-

винками по философии. Экзамен сдавали в Институте философии на Волхонке. Я получил «отлично». Это открывало путь к последнему испытанию — собеседованию по истории СССР. Оно проходило в Институте истории. В приемную комиссию входил «цвет» отечественной исторической науки: академик М.В.Нечкина, член-корреспондент В.Т.Пашуто, член-корреспондент Ю.А.Поляков, доктор исторических наук, вскоре избранный академиком, Л.В.Черепнин, Л.М.Иванов. Собеседование носило историографический характер. В ходе его я высказал ряд собственных представлений по вопросам формирования централизованного русского государства, которые не во всем совпадали с точкой зрения Л.В.Черепнина. Когда я это излагал, то, разумеется, не представлял, что сам Лев Владимирович Черепнин сидит тут в комнате. Смеясь, Леонид Михайлович сказал: «Вот, мол, какие пошли нынче молодые аспиранты, критикуют крупных и маститых ученых». Затем он обратился ко Льву Владимировичу и предложил познакомиться. Сцена, видимо, была гоголевская! Лев Владимирович громко хохотал. Он сказал, что не «осмеливается» вступать в спор «с молодыми и ранними».

В ходе собеседования я рассказал о том, что за годы учебы в университете мне удалось прочитать многие труды отечественных историков. После чего состоялся довольно длительный и

содержательный разговор по целому ряду проблем истории, вокруг которых в то время шла дискуссия на страницах ведущих исторических журналов. Итог собеседования — «отлично». После собеседования Леонид Михайлович пригласил меня в сектор и сказал, что я теперь могу не волноваться, спокойно ехать домой и ждать благоприятного исхода конкурсных испытаний. Этот августовский день 1968 года был одним из счастливых дней в моей жизни! Моя давнишняя мечта о поступлении в аспирантуру сбывалась.

Возвратясь в Геленджик, я стал с нетерпением ожидать вызова. И, действительно, вскоре получил заказное письмо с приказом о моем зачислении в аспирантуру Института истории АН СССР. В тот же день поехал в Кабардинку выписываться. Стояла прекрасная солнечная погода. Получив паспорт и не дожидаясь рейсового автобуса, решил доехать до Геленджика на попутной машине. Подвернулся бензовоз. Молодой шофер посадил меня рядом с собой в кабину, и мы поехали. Не успели выехать из Кабардинки как внезапно, как из ведра, хлынул дождь. Асфальт сразу же покрылся тонкой пленкой. На одном из серпантинных поворотов шофер потерял управление, и бензовоз, заюлив по мокрому асфальту, перевернулся и полетел в кювет. От мощного удара о дорогу отлетела крышка бензобака! Благо, что в нем был не бензин, а мазут, который стал растекаться по доро-

ге. Это и спасло от воспламенения и взрыва. Машина лежала на боку в кювете, а мы медленно выходили из шокового состояния. Машины на дороге стали останавливаться, и люди спешили нам на помощь. Выбравшись из перевернутой машины, я, на сей раз, решил добираться до Геленджика на рейсовом автобусе. Остались мы в живых чудом. Причем это со мной уже был второй случай. Летом 1963 года, возвращаясь в Сухуми с озера Рица, нам чудом удалось избежать аварии. Встречные шоферы уже давно делали знаки нашему шоферу-грузину, который на большой скорости спускался вниз с возвышенности. Однако грузин, видимо, был упрям и самоуверен и никак не реагировал на предупреждения. Через некоторое время я его попросил остановиться. Оказалось, что у машины было неисправно колесо. И когда шофер до него дотронулся, то оно сразу же отвалилось. Можно себе представить, что бы с нами было, если бы мы не остановились.

Несмотря на происшедшее у Кабардинки, мое настроение было прекрасным. Мысленно я уже был в Москве.

Глава восьмая

АСПИРАНТУРА

1968 год во многих своих смысловых значениях — переломный. К осени стали «взрываться» мины замедленного действия, сначала на периферии социалистической системы (Чехословакия), а затем «минные осколки» рикошетом стали долетать до центра. Менялись генсеки, но ни один из них так и не смог понять, что бороться штыками с идеями — занятие безнадежное. Естественно, пражская «весна», а затем пражская «осень» должны были отразиться на состоянии общественных наук в СССР. Но когда в сентябре 1968 года я приехал в Москву, симптомы будущих изменений в исторической науке находились еще в латентном состоянии. Институт истории АН СССР представлял единое монолитное учреждение, был средоточием интеллектуальных сил. Поэтому учиться в аспирантуре такого Института было престижным.

Одновременно со мной в аспирантуру поступили Николай Бугай, Валерий Суховерхое, Василий Шейко и еще несколько молодых

ребят из автономных республик. На сей раз нас поселили в аспирантском общежитии на улице Вавилова. Более двух лет мы прожили в одной комнате с Валерием Суховерховым, который специализировался по истории Испании XIX века.

Сектор истории капитализма, в котором я был аспирантом, являлся одним из самых больших научных подразделений Института. В те годы в секторе работала целая плеяда отечественных историков: доктора исторических наук И.Ф.Гиндин, А.Я.Аврех, А.М.Анфимов, К.Ф.Шацилло, П.Г.Рындзюнский, С.М.Дубровский, А.В.Пясковский, Ю.З.Полевой, М.К.Рожкова, М.С.Волин, А.М.Володарская, А.М.Станиславская; кандидаты исторических наук К.Н.Тарновский, В.А.Емец, М.С.Симонова, Г.И.Деренковский, И.М.Пушкарева, Ю.И.Кириянов, В.А.Твардовская, Э.С.Виленская, А.П.Корелин, С.В.Тютюкин, А.М.Соловьева; научные сотрудники Д.А.Колесниченко, С.А.Лившиц, Б.Е.Корфини, Л.В.Куприянова, Н.А.Иванова, В.П.Желтова. Возглавлял сектор один из ведущих специалистов в области изучения истории рабочего класса России Леонид Михайлович Иванов, сумевший создать мобильный творческий коллектив, в котором было оптимальное сочетание разных возрастных групп ученых с различным интеллектуальным потенциалом и жизненным опытом.

Это создавало подлинно творческую среду, в которой всегда было приятно находиться.

Вначале предполагалось, что я буду продолжать заниматься историей народничества. По совету Б.С.Итенберга около месяца я собирал информацию о журнале «Общее дело». Однако эта тема мне как-то сразу показалась неинтересной, а в перспективе и тупиковой, не позволяющей в дальнейшем выйти на оперативный исследовательский простор. В это время в секторе шла подготовка коллективной монографии «В.И.Ленин о социально-политическом строе капиталистической России». Регулярно заслушивались и обсуждались доклады, которые затем должны были составить основной блок статей. Большое впечатление на меня произвели: доклад К.Ф.Шацилло о русском либерализме начала XX века и доклад С.В.Тютюкина о кадетской партии. Станислав Васильевич обладает ораторским даром, безупречной логикой и образностью мышления. Он может просто и доходчиво доносить до аудитории самые сложные научные проблемы.

На двух заседаниях сектора шла довольно бурная дискуссия по всему комплексу проблем истории русского либерализма, в которой приняли участие «генераторы новых идей» И.Ф.Гиндин и К.Н.Тарновский, саркастический и язвительный А.Я.Аврех, доброжелательная и уравновешенная Н.М.Пирумова, прекрасные

знатоки фактографии и ленинских цитат Э.С.Виленская, М.С.Волин, Ю.З.Полевой, Г.М.Деренковский, эмоциональная Д.А.Колесниченко и другие. Возвращаясь с этих заседаний, я до глубокой ночи анализировал ход дискуссии, аргументы выступающих, фиксировал собственные предварительные суждения. В итоге эта дискуссия в секторе предопределила не только тему кандидатской диссертации, но и дальнейшее направление моей научной работы.

Произошла встреча с Леонидом Михайловичем, и я ему сказал, что готов заниматься разработкой истории русского либерализма начала XX века. В ходе беседы с ним выкристаллизовалась и сама тема кандидатской диссертации — «Программа партии кадетов в период первой русской революции». Леонид Михайлович посоветовал мне проконсультироваться по этому вопросу с известным специалистом, доктором исторических наук, профессором Е.Д.Черменским. Простудировав его работы, в один из дней договорился с ним о встрече. Она состоялась в старом здании университета, где три с небольшим года назад я встречался с И.А.Федосовым. В ходе беседы Евгений Дмитриевич заявил, что данная тема уже обстоятельно исследована в его трудах и поэтому нет никакого смысла браться за ее дальнейшую разработку. Скептицизм, а, главное, менторский тон Черменского меня несколько удивили, но вместе с

тем и подзадорили. Об итогах встречи я рассказал Леониду Михайловичу, который остался доволен моей непреклонной позицией и выразил свое согласие стать моим научным руководителем. Тему предстояло утвердить на заседании сектора, дирекции и Ученом Совете Института.

В течение нескольких недель готовил развернутое обоснование темы. В конце 1968 года в секторе состоялось мое выступление с обоснованием темы диссертации и с изложением ее плана. В обсуждении приняли участие С.В.Тютюкин, К.Н.Тарновский, А.Я.Аврех, Г.М.Деренковский, высказавшие целый ряд замечаний и предложений. Тема на секторе была утверждена, а затем прошла и все последующие инстанции.

Началась исследовательская работа. Я целыми днями проводил в библиотеках и архивах, где собирал материал, а затем в общезнатьи до глубокой ночи обрабатывал и систематизировал его. Это было незабываемое время творческой и личной свободы, интеллектуального обогащения. Этому способствовало буквально все: благожелательная атмосфера в секторе, живой обмен мнениями в присутственные дни в кулуарах, работа аспирантской молодежи в институтском комитете комсомола, проведение праздничных вечеров и традиционных институтских капустников.

К сожалению, к концу 1968 года стали давать о себе знать тревожные симптомы начав-

шейся борьбы с диссидентами и инакомыслящими, постепенное закручивание «идеологических гаек». Наличие единого и мощного интеллектуального научного коллектива, каким являлся Институт истории АН СССР, уже, по видимому, перестало устраивать власть придерживающих, которые с большим недоверием относились к идее социализма «с человеческим лицом».

В конце 1968 года единый Институт истории был разделен на два Института: Институт всеобщей истории и Институт истории СССР. Некоторое время обязанности директора Института истории СССР исполнял директор Института археологии академик Б.А.Рыбаков. Мне несколько раз пришлось присутствовать на общих собраниях и заседаниях Ученого Совета Института. Ловко оперируя разноцветными мелками, Борис Александрович чертил на доске замысловатую схему структурных научных подразделений Института, намечал их исследовательскую тематику. Вскоре состоялось назначение нового директора Института. Им стал накануне избранный членом-корреспондентом АН СССР П.В.Волобуев. На какое-то время Павлу Васильевичу удалось стабилизировать обстановку в новом Институте и вплоть до 1972 года сохранить в нем творческую атмосферу.

Перестройка Института истории затронула и аспирантуру и комсомольскую организацию.

Вместо одной аспирантуры было создано две, аналогичное происходило и с комсомольской организацией.

Первое время разделение Института истории нами, аспирантами, ощущалось мало. Я продолжал посещать заседания семинара по методологии истории, который в Институте всеобщей истории вел Михаил Яковлевич Гефтер, один из талантливейших отечественных историков. В опубликованной статье-некрологе, посвященной памяти М.Я.Гефтера, Я.С.Драбкин, один из «моторов» семинара, подробно рассказал о жизненном пути этого человека. Для молодых, начинающих ученых гефтеровский семинар был прекрасной школой. В нем обсуждались не только общие теоретико-методологические проблемы, что само по себе важно, но и собственно творческая лаборатория исторического исследования. Образно говоря, в семинаре не научали, а учили думать. Это был не монолог умных и талантливых ученых, а подлинный диалог между ними, будоражащий творческую мысль, заставляющий сопереживать или не соглашаться с высказываемыми точками зрения. Для семинара была характерна высокая культура творческого общения. Однако семинар просуществовал лишь до апреля 1969 года, а затем был «упразднен» вместе с сектором методологии и его заведующим, разжалованным в старшие научные сотрудники.

Несколько лет спустя мне посчастливилось более близко познакомиться с Михаилом Яковлевичем Гефтером. Судьба как-то свела нас в академической больнице, и мы с Михаилом Яковлевичем прогуливались по дорожкам небольшого больничного садика, сидели на скамейках и беседовали. Меня тогда поражало не только целостное мировидение, которым обладал Гефтер, но и его богатая эрудиция по проблемам русского либерализма. Но самое главное — это, конечно, оригинальность типа мышления Гефтера. Потом было еще несколько встреч и прогулок. В мае 1976 года Гефтер по своей инициативе покинул Институт, а в феврале 1982 года вышел из КПСС. В те годы это были мужественные поступки. Но до сих пор для меня осталось загадкой, как мог человек с такой головой пойти на службу ельцинскому режиму. И лишь после кровавых октябрьских событий 1993 года Михаил Яковлевич «прозрел» и покинул пост советника Президента России. Гефтер оставил ряд интересных статей и поучительную книгу «Из тех и этих лет», которая стоит у меня на книжной полке и которую я периодически листаю, размышляя об им написанном, передуманном и пережитом.

В Институте всеобщей истории работал семинар по социальной психологии, который возглавлял доктор философских и исторических наук Борис Федорович Поршневу, эрудит и фан-

тазер. Его доклады были яркими и интригующими. В те годы социальная психология была новинкой. Но и этот семинар, который я с большим интересом посещал, вскоре прикрыли.

Если в Институт всеобщей истории я делал периодические «вылазки», то подлинным интеллектуальным «котлом» являлся сектор капитализма, где, помимо официальных заседаний, на которых обсуждались рукописи монографий, статей, сборники документов, научные доклады и сообщения, активно работали группы по изучению истории народничества (Б.С.Итенберг) и истории рабочего класса (Л.М.Иванов). Весьма широк был диапазон научной проблематики сектора. Приоритетными в то время были: история рабочего класса (Л.М.Иванов, М.К.Рожкова, М.С.Волин, Ю.З.Полевой, С.В.Тютюкин, Ю.И.Кириянов, И.М.Пушкарева, Г.М.Деренковский, Н.А.Иванова, В.А.Желтова, С.А.Лифшиц, Н.А.Курашева) и история крестьянства (С.М.Дубровский, А.М.Анфимов, П.Г.Рындзюнский, М.С.Симонова, Д.А.Колесниченко). Интенсивно разрабатывались проблемы экономического развития (И.Ф.Гиндин, К.Н.Тарновский, П.Г.Рындзюнский, КФ.Шацилло, А.М.Соловьева, Л.В.Куприянова), революционного движения (Б.С.Итенберг, Э.С.Виленская, Н.М.Пирумова, В.А.Твардовская, Д.А.Колесниченко, А.В.Пястковский, С.В.Тютюкин, А.М.Володарская), внутренней и внешней политики царизма

(А.Я.Аврех, А.М.Станиславская, В.А.Емец, Э.Урибес). Вместе с тем в это время в секторе стала разрабатываться новая проблематика, формировались новые исследовательские направления: история русского либерализма и интеллигенции (К.Ф.Шацилло, Н.М.Пирумова, С.В.Тютюкин), история дворянства (А.П.Корелин), история думской трудовой группы (Д.А.Колесниченко).

Самым поучительным и полезным, на мой взгляд, было то, что в секторе часто заслушивались научные доклады сотрудников. Для молодых аспирантов, а их число постоянно росло (в 1969 году в аспирантуру поступили: выпускник Историко-архивного института, написавший блестящую дипломную работу, П.Н.Зырянов; выпускник Краснодарского университета В.Н.Ратушняк; выпускник Марийского университета А.Н.Чимаев), было поучительно слушать и наблюдать участников дискуссий. В памяти остались образы «вечных» антагонистов-оппонентов С.М.Дубровского и А.М.Анфимова; идеологически правоверного ригориста А.В.Пястковского; не терпящего никаких возражений и всегда остающегося при своем, единственно верном, мнении А.Я.Авреха; монологичного и оригинального И.Ф.Гиндина; склонного к философским размышлениям и обобщениям К.Н.Тарновского; остро разящей и саркастической Э.С.Виленской; предельно осторожных в

своих формулировках и всегда чего-то боящихся М.С.Волина и П.Г.Рындзюнского; фактографичного Г.М.Деренковского; апатирующих слушателей В.А.Твардовской и Н.М.Пирумовой; эмоциональной И.М.Пушкаревой. Творческая атмосфера в секторе не могла не стимулировать живейшего интереса к исторической науке. Это была подлинная лаборатория громадного научного и жизненного опыта, и я признателен всем сотрудникам сектора за ту щедрость, с которой они делились с нами, молодыми аспирантами

Уже в конце 1968 года я предпринял попытку написать статью с анализом представлений В.И.Ленина о кадетской партии. Первый вариант статьи понравился Леониду Михайловичу, и он рекомендовал сдать его в журнал «История СССР». С рядом рекомендаций и пожеланий статья была принята к печати. Существенную помощь в ее доработке мне оказал Stanislaw Васильевич Тютюкин, с которым у нас установились дружеские отношения. Во время наших прогулок по Ленинским горам, Новодевичьему монастырю, лыжных экскурсий по Подмосковию обсуждалась масса и исторических, и жизненных проблем. Stanislaw Васильевич обладает удивительным даром сразу же ухватить суть проблемы, если она даже не совсем четко сформулирована. Кроме того, он блестяще владеет пером, что для историка очень важно.

Возвращаясь с воскресных лыжных прогулок, мы обедали у родителей Станислава Васильевича. Василий Дмитриевич и Валентина Ивановна Тютюкины — милейшие и гостеприимные люди. В их доме всегда было приятно и поучительно бывать. Именно на улице Каляева, где жил тогда Станислав Васильевич, я получил урок литературного мастерства, который запомнился на всю жизнь. После переработки моя первая статья была опубликована в журнале.

Одновременно я стал собирать материал для другой статьи — об аграрной программе кадетской партии, над которой работал всю первую половину 1969 года. Работа настолько меня увлекла, что вместо того, чтобы купаться и загорать на каникулах, я все лето, не отрываясь от стола, и тем самым вызывая бурю возмущения у А.Б., просидел над статьей. В то лето контуры нашего, давно зреющего, конфликта приобрели настолько определенные очертания, что единственно разумным выходом оставался разрыв наших отношений. Лето 1969 года стало последним, проведенным мной в Геленджике.

Вернувшись в Москву, я нашел Леонида Михайловича на Каширке в онкологическом центре. За год с небольшим до этого он упал и сломал себе берцовую кость, которая почему-то долго не срасталась. Одно время казалось, что болезнь отступает, но перелом кости был лишь следствием более тяжелого и практически не-

излечимого заболевания. Несмотря на болезнь, Леонид Михайлович продолжал работать над своей плановой монографией по истории формирования рабочего класса России. Он обрабатывал горы статистического материала, составлял таблицы, приступил к написанию отдельных фрагментов. Много времени и сил он посвящал руководству сектором, внимательно читал все рукописи монографий сотрудников, участвовал в их обсуждении, присутствовал на заседаниях дирекции и Ученого Совета Института. Оказавшись в больнице, Леонид Михайлович продолжал вести редакторскую работу над коллективной монографией, встречался с сотрудниками сектора, особенно частым его гостем в то время был Иосиф Фролович Гиндин, автор одной из ее ключевых глав.

Во время нашей встречи я передал Леониду Михайловичу рукопись своей статьи, он обещал ее в двухнедельный срок прочитать, а потом переговорить. На десять дней мы со Светланой Беловой, будущей моей женой, уехали в Палангу. Со Светланой мы познакомились осенью 1968 года. Она работала в научном кабинете Института истории. К началу нашего знакомства Светлана была уже замужем и имела маленького сына. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. Наша поездка в Палангу многое пред- решила.

Возвратясь из Паланги, я навестил Леонида Михайловича. Он похвалил мою статью и рекомендовал ее передать в журнал «Исторические записки». Через несколько дней Леонид Михайлович перенес тяжелейшую операцию. Обнаружив очаг ракового заболевания, врачи удалили ему почку. Я был поражен силой воли и мужеством этого человека, прекрасно понимавшего характер и ближайший исход неизлечимой болезни. Операция прошла успешно, и через несколько дней Леонида Михайловича выписали домой. С этого времени наши встречи с ним стали довольно частыми и приобрели новое качество. Общежитие, где я жил, находилось рядом с домом Леонида Михайловича, и каждый присутственный день, предварительно поймав на стоянке такси, мы ехали с ним в Институт и таким же образом возвращались обратно. Он уже с трудом передвигался на костылях.

Во время встреч Леонид Михайлович рассказывал мне о своей непростой жизни: участии в войне, на которую ушел добровольцем, тяжелом ранении и контузии, инвалидности; о работе заместителем директора Института истории в Киеве; о своем пути в науку и будущих творческих замыслах. Внешне суровый и даже несколько холодновато-отчужденный, Леонид Михайлович имел легко ранимое сердце, обладал душевной чуткостью. В свою очередь, я

рассказал ему о своей судьбе, о передрыгах, имевших место в университете.

К лету 1970 года я закончил написание текста диссертации и первым ее читателем и критиком стал мой друг Станислав Васильевич Тютюкин. Я приезжал в Кратово, где находилась дача его родителей. Мы отдыхали и работали на берегу озера. Станислав не только внимательно прочитал весь текст диссертации, но и редакционно по нему прошелся, очередной раз демонстрируя свои эрудицию и литературное мастерство. Его положительная оценка моей диссертации была для меня чрезвычайно важной. В то же время я стал работать над авторефератом.

Еще в мае 1971 года мы со Светланой поехали на праздники в Кузнецк. Я ее познакомил со своими родителями. Побывали мы и на помолвке моей сестры Татьяны. На летние каникулы мы со Светланой и ее сыном Вадимом вновь приехали в Кузнецк: проводили время в саду, гуляли по городу, ходили в гости к моей тете Раисе Федоровне. Совершили прогулку по Волге.

Вместе с тем я продолжал работать над рефератом. Еще осенью 1970 года рукопись диссертации была обсуждена на заседании сектора и рекомендована к защите. В ее обсуждении приняли участие К.Н.Тарновский, А.Я.Аврех, С.В.Тютюкин, А.П.Корелин, Г.М.Деренковский, Д.А.Колесниченко. Оппоненты дали по-

ложительную оценку моей работе. В то время существовала очередь на защиту диссертации в специализированном Ученом Совете Института, которая, как правило, растягивалась на несколько месяцев. Так как работу над диссертацией я завершил досрочно, то у меня оставалась уйма времени до окончания срока аспирантуры.

За несколько дней до защиты диссертации я был принят в Институте в члены КПСС. Перед этим в течение года проходил кандидатский стаж, когда партбюро Института, как правило, наваливало гору общественных поручений.

Что мы, молодые аспиранты и кандидаты, только ни делали: ходили на овощные базы, ездили убирать капусту с подмосковных полей, участвовали в избирательных кампаниях. В свою очередь, в секторе поручали встречать и провожать иностранных ученых, приезжавших в Институт, сопровождать их в библиотеки, писать разные отчеты. Однажды произошел казус. Меня вызвали в отдел кадров и познакомили с каким-то человеком, представившимся работником столь «любимых» мной еще по Саранску органов. Он высказал желание, чтобы я написал более развернутый отчет об одном иностранном ученом: чем он интересуется, какие мысли высказывает и т.п. Видимо, этот человек не был знаком с моим прошлым и не мог предугадать мое отношение к подобного рода делам. Я самым решительным образом отказался выпол-

нить это поручение, сказав, что все, что было можно, изложено в кратком отчете о пребывании этого ученого в Институте. Не знаю, как был воспринят мой отказ, но больше с подобными просьбами ко мне уже не приставали. Этого человека я часто видел в присутственные дни в коридорах Института, где он прохаживался, замедляя шаги около ведущих кулуарные беседы сотрудников. Но, как говорится, нет худа без добра. Еще в аспирантские годы мне посчастливилось познакомиться, а затем и установить неформальные отношения с такими видными западными учеными, как Ричард Пайпс, Николай Рязановский, Леопольд Хэймсон, Марк Ферро.

Защита диссертации состоялась 10 июня 1971 года и проходила, как мне кажется, оживленно. В качестве официальных оппонентов выступили доктор исторических наук Валентин Семенович Дякин из Ленинградского отделения и кандидат исторических наук, доцент МГУ Игорь Игоревич Астафьев. Ведущим учреждением была кафедра истории СССР Института Дружбы народов. В дискуссии приняла участие доктор исторических наук Е.И.Дружинина, познакомившая меня затем с сыном видного общественного деятеля России начала XX века Д.Н.Шипова. Голосование было единогласным, и Ученый Совет Института присудил мне ученую степень кандидата исторических наук.

Единственное, что огорчало — это отсутствие моего научного руководителя Л.М.Иванова, который не смог по состоянию здоровья присутствовать на защите. После традиционного секторского «чаепития» я навесил Леонида Михайловича, рассказал ему, как прошла защита и о нашем обоюдном успехе. Вечером за праздничным столом собрались мой друг по аспирантуре Павел Зырянов, Светлана и Вадим, и мы продолжили торжество.

Хотя у меня до окончания срока аспирантуры еще оставалось несколько месяцев, тем не менее необходимо было как-то решать вопрос с трудоустройством. Еще задолго до защиты Леонид Михайлович вел переговоры с Павлом Васильевичем Волобуевым о возможности трудоустройства в Институте меня и Павла Зырянова, научным руководителем которого был И.Ф.Гиндин. Однако вопрос упирался в отсутствие у нас постоянной московской прописки. Дирекция Института обратилась с ходатайством о постоянной прописке для нескольких человек в Моссовет. В список на получение московской прописки под кооперативное строительство были включены: Павел Зырянов, Николай Бугай, О.В.Волобуев, В.В.Журавлев и я. Пока же этот вопрос решался в Моссовете, меня зачислили на временную работу на должность научно-технического сотрудника. Леонид Михайлович поручил мне заниматься подготовкой

материалов для научной конференции «Положение рабочего класса России в период капитализма», которая должна была состояться в октябре 1972 года во Львове. Все лето и осень 1971 года я занимался редактированием тезисов конференции.

Несмотря на финансовые трудности, родители отдали мне свои сбережения, ибо в любое время мог потребоваться взнос на кооперативную квартиру. Я им был за то благодарен и дал обещание, что при первой же возможности ссуду возвращу. Впоследствии это так и произошло.

В самом конце декабря 1971 года здоровье Леонида Михайловича резко ухудшилось, боли уже стали нестерпимыми, и его решили госпитализировать. С душевным трепетом вспоминаю часы перед отправкой Леонида Михайловича в академическую больницу. Собрав свои последние силы, он вел долгий и, как оказалось, последний разговор с Павлом Васильевичем о делах Института и сектора. А поговорить было о чем. Для Института наступали тяжелые испытания. Леонид Михайлович поинтересовался и тем, в каком состоянии в Моссовете находится вопрос о прописке. Вскоре прибыла машина скорой помощи. Леонид Михайлович уже не мог самостоятельно передвигаться. Его на носилках перенесли в скорую. В приемном отделении больницы мы с ним простились. До сих

пор передо мной его печальные глаза и последний прощальный взмах слабеющей руки. В больнице был карантин, и больше с Леонидом Михайловичем мне увидеться не довелось. 10 января 1972 года его не стало. Через несколько месяцев после кремации его прах был замурован в стену Новодевичьего кладбища. На мраморной плите эскизно, высечен его профиль и лаконичная надпись: «Леонид Михайлович Иванов. Историк. (1909-1972)».

К.Н.Тарновский написал блестящий по своему смысловому содержанию и литературной форме некролог памяти Леонида Михайловича Иванова, в котором нарисовал облик прекрасного и душевного человека, раскрыл его вклад в отечественную историческую науку. В течение некоторого времени я видел один и тот же сон: Леонид Михайлович с мертвенно бледным лицом, предельно уставший и изможденный, продолжает вести заседания нашего сектора и заниматься своими научными изысканиями. Со временем сновидение ушло. Видимо, душа Леонида Михайловича Иванова навсегда покинула земные пределы и переселилась в иные сферы.

А между тем после смерти Л.М.Иванова, как этого и следовало ожидать, началась упорная борьба за секторское наследство. За сравнительно короткий срок в кресле заведующего сектором истории капитализма перебивали К.Ф.Шацилло, И.М.Пушкарева, В.С.Васюков. Практи-

чески более года шло «перетягивание каната», что, естественно, не способствовало творческой работе.

Я продолжал заниматься подготовкой материалов конференции, часто бывал во Львове, готовил комментарии к публикации «Особые журналы по обороне государства», составлял указатели к коллективной монографии «История рабочего класса России». Срок прописки в общежитии закончился, и я снимал комнату в коммунальной квартире на улице Профсоюзной, недалеко от Института. Единственным спасением от душевной тоски, одиночества и бытовой неустроенности была работа, которой я нагружал себя до предела. Все свободное от секторских плановых заданий время я посвящал написанию учебного пособия «Из истории трех революций в России», которое тогда мы готовили с доцентом Московского педагогического института Г.Ф.Семенюком и доцентом Института народного хозяйства имени Г.В.Плеханова А.С.Рудем. Именно в это время и зародилась наша дружба с Александром Степановичем, которая уже длится многие годы. В это же время я начал преподавательскую работу на подготовительных курсах в ВЮЗИ, куда нас пригласили с Натальей Анатольевной Ивановой. Наташа Иванова — талантливый, трудолюбивый и душевный человек.

Только в середине января 1973 года было получено разрешение на московскую прописку, и

я был зачислен в штат Института истории СССР на должность младшего научного сотрудника. Одновременно со мной в штат в качестве старшего научного сотрудника были зачислены Олег Владимирович Волобуев и Валерий Васильевич Журавлев, а младшими научными сотрудниками — Павел Николаевич Зырянов и Николай Федорович Бугай. Это мои давние друзья, которыми я горжусь.

Глава девятая

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Начало моей последующей шестнадцатилетней работы в Институте, где я прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, совпало с обострением борьбы против инакомыслия в СССР, в том числе и с «новым направлением» в исторической науке. Реорганизуя в 1968 году Институт истории, партноменклатура, видимо, считала, что такой «встряски» вполне будет достаточно. Однако в 1969 году в Институте всеобщей истории вышла под редакцией М.Я.Гефтера книга «Историческая наука и некоторые проблемы современности», которая подверглась разгромной критике, вслед за тем последовали оргвыводы. Через год в Институте истории СССР вышли в свет, одна за другой, три книги: «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», «Свержение самодержавия» и «В.И.Ленин о социально-политическом строе капиталистической России». «Ортодоксы» от науки сразу же обнаружили в них целый ряд «отступлений» от «вечно живого и развива-

ющегося учения». Этого уже допустить было нельзя, и роль идеологической «дубинки» взял на себя Отдел науки ЦК КПСС, который тогда возглавлял один из ближайших сподвижников Л.И.Брежнева — С.П.Трапезников. Помимо всего прочего, он был очень обижен на Отделение истории АН СССР, бойкотировавшее его избрание в действительные члены АН СССР. Считающий себя крупным ученым, С.П.Трапезников, естественно, не мог простить этого Отделению истории. Начались «разборки», проходившие на первом этапе в форме научных дискуссий, а после выхода в свет книги «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладное™» завершившиеся соответствующими оргвыводами и реорганизацией некоторых подразделений Института.

В перестроечные годы много говорили и писали о «новом направлении» в исторической науке начала 70-х годов. Важно обратить внимание на процесс разгрома «нового направления» «изнутри». Мне пришлось побывать на двухдневной дискуссии в актовом зале Института истории СССР по поводу двух книг «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия». Зал на четвертом этаже был переполнен: прибыли ученые из московских и ленинградских научных учреждений, высших учебных заведений, с периферии. Оппоненты робко и косноязычно напа-

дали на некоторые фразы из предисловия к сборнику «Российский пролетариат» и на некоторые формулировки П.В.Волобуева, содержащиеся в его статье, опубликованной в книге «Свержение самодержавия». Авторы предисловия и автора статьи пытались обвинить в преднамеренной фальсификации ленинских идей о гегемонии пролетариата, о союзниках рабочего класса в период между февральской и октябрьской революциями 1917 года. Каких-либо веских и убедительных аргументов у оппонентов не было, но они чувствовали за собой мощную поддержку со стороны Отдела науки ЦК КПСС. Представители Отдела науки и Черемушкинского райкома КПСС восседали в президиуме.

К сожалению, вместо того, чтобы дать сразу же отпор своим оппонентам, представлявшим историко-партийную науку, институтские интеллигенты стали юлить и заниматься эквилибристикой ленинскими цитатами, делать разного рода оговорки типа «нельзя не сознаться» и «нельзя не признаться» и т.п.

Впоследствии оппоненты признавали, что первый день дискуссии завершился фактическим их поражением и они уже подумывали о капитуляции. Однако на следующий день в бой была брошена «дальнобойная» номенклатурная «артиллерия» из Отдела науки и райкома. Сопротивление интеллигентов было сломлено. В зале и кулуарах звучал тезис о том, что надо во

что бы то ни стало спасти Институт и признать за собой некоторые методологические ошибки. Тезис «спасти структуру», а не сотрудников, подвергшихся разгромной критике, выглядел шкурничеством, вызвавшим у порядочных людей неприятие. В результате второй день дискуссии закончился полной капитуляцией институтской администрации и партбюро, которые пообещали «исправить положение» в Институте и подготовить серию статей, доказывающих неизбежность марксистско-ленинской методологии.

Но, как оказалось, для критиков этого было мало. Они хотели «крови» и строгих оргвыводов. Одной из первых жертв пал Константин Николаевич Тарновский. В 1970 году он блестяще защитил докторскую диссертацию. Я был на этой замечательной по своему содержанию и форме защите, произведшей тогда на меня большое впечатление. Но, увы! После долгих рецензирования диссертации Тарновского ВАК отклонила решение специализированного Ученого Совета Института о присуждении ему ученой степени доктора исторических наук. Это была тяжелейшая моральная травма для Константина Николаевича и вместе с тем пощечина для всего научного коллектива Института. Более года мариновали утверждение в ВАКе кандидатской диссертации моего друга Павла Зырянова. Виной, естественно, была не сама ра-

бота Павла, ибо она была блестяще выполнена, а его научный руководитель Иосиф Фролович Гиндин, один из генераторов идей «нового направления». Мерзавцы, как правило, ничем не гнушаются!

Вскоре очередь дошла и до нашего сектора, где были подготовлены подвергшиеся критике книги. После смерти Л.М.Иванова сектор истории капитализма был разделен на две структуры: сектор истории периода капитализма, который возглавил А.М.Анфимов, и сектор истории периода империализма, место заведующего которым долгое время оставалось вакантным. Сотрудники, занимавшиеся проблематикой XIX века, были переведены в сектор истории периода капитализма. Что же касается формирования сектора периода империализма, то тут возникли некоторые проблемы. После неоднократного обсуждения дирекция и партбюро Института приняли решение о необходимости «ревизии» сотрудников: часть их намеревались перевести в другие сектора, а часть оставить в составе создаваемого сектора истории периода империализма. Как-то в эти «жаркие» дни меня в коридоре встретил секретарь партбюро Института А.А.Преображенский и поздравил с тем, что меня партбюро решило оставить в секторе империализма. К.Н.Тарновского и М.С.Симонову перевели в сектор исторической географии, а А.Я.Авреха и В.А.Емеца — в сектор источниково-

ведения дооктябрьского периода. После этой «ревизии» в секторе периода империализма остались: К.Ф.Шацилло, С.В.Тютюкин, А.П.Корелин, И.М.Пушкарева, Ю.И.Кириянов, Н.А.Иванова, Г.М.Деренковский, М.С.Волин, Д.А.Колесниченко, А.В.Пястковский, А.Я.Овчинникова, П.Н.Зырянов, В.П.Желтова, Г.Я.Данилина, Л.П.Дойникова и я.

Вспоминаю еще два поучительных эпизода этого периода. Однажды осенью 1972 года меня вызвал к себе заместитель директора Института В.И.Бовыкин и сказал, что я немедленно, в тот же день, должен вылететь во Львов, привести верстку третьего выпуска материалов научной конференции. Бовыкин пояснил, что научная конференция не состоится и следует срочно приостановить дальнейшее печатание ее материалов. Поздним вечером с аэродрома Быково я вылетел во Львов. На душе было мутно. Конференция, на подготовку которой ушло столько сил, запрещалась партийными инстанциями.

Когда планировали проведение конференции во Львове, Секция по истории рабочего класса России Научного Совета по истории Октябрьской революции, которую тогда возглавлял академик И.И.Минц, приняла решение о том, что материалы этого научного форума должны быть опубликованы накануне его проведения, разосланы его участникам, что позволило бы провести плодотворную дискуссию. Конферен-

ция должна была пройти на базе Львовского университета. От университета ответственным за ее подготовку был заведующий кафедрой истории СССР В.Ф.Инкин. Во время неоднократных поездок по Львов мы с Василием Фаддеевичем подружились, я у него неоднократно бывал дома: подробно обсуждали с ним ход и возможный исход борьбы с «новым направлением»; гуляли по прекрасному городу, любовались его живописными окрестностями, посещали театр. Были подготовлены и сданы в типографию университета все три выпуска материалов конференции. Два из них успели выйти в свет. Но на этом дело затормозилось.

Приехав ранним утром на квартиру к Василию Фаддеевичу, я его огорошил сообщением, что конференция отменена и что следует немедленно приостановить издание третьего выпуска материалов конференции. Можно себе представить, какое у нас было настроение! Затем мы отправились к ректору университета, которому я сообщил официальную позицию руководства Института истории СССР. Руководство Института соглашалось возместить материальные издержки за типографские работы по напечатанию материалов конференции. Это были весьма неприятные минуты. Ректор прекрасно понимал, куда дует ветер перемен, ибо на Украине уже всюду шла борьба против инакомыслящих и националистов. Мне было предоставлено не-

сколько экземпляров уже напечатанных двух выпусков материалов конференции и верстка третьего выпуска. В тот же день я вылетел в Москву, передал напечатанные экземпляры и верстку П.В.Волобуеву. Так пропал почти двухгодичный труд по подготовке конференции.

Второй эпизод связан с расправой над моим другом Станиславом Васильевичем Тютюкиным, выпустившим в 1972 году в издательстве «Мысль» монографию «Мир, Война, Революция». После появления в прессе критической рецензии в секторе была создана специальная комиссия, возглавить которую было поручено доктору исторических наук А.В.Пястковскому. Комиссия должна была провести обсуждение монографии Тютюкина в секторе и представить развернутый отзыв в дирекцию, партбюро и другие инстанции. Монография обсуждалась в течение двух присутственных дней и большинство выступавших, в том числе и я, высказали категорическое несогласие с позицией рецензентов. Лишь А.В.Пястковский поддержал их измышления и настаивал на осуждении монографии Тютюкина. Самое интересное произошло в секторе на следующий день, когда Пястковский ознакомил нас с заключением комиссии. Большинство сотрудников считало, что это заключение не соответствует итогам обсуждения. Исполняющему обязанности заведующего сектором В.С.Васюкову пришлось прибегнуть к

голосованию. Как и следовало ожидать, большинство сотрудников проголосовало против заключения комиссии. Но, к сожалению, нашлись и такие, которые от голосования воздержались. В.С.Васюков и А.В.Пястковский оказались в меньшинстве. Момент голосования ярко высветил существенные качества ряда сотрудников, готовых во имя собственного самосохранения отказать в моральной поддержке своему товарищу по работе. К счастью, таких в секторе было в то время ничтожное меньшинство.

После выхода в свет в 1972 году сборника «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» положение в Институте истории СССР стало критическим. Сторонники «нового направления» были обвинены в покушении на «святыню святых марксистско-ленинской методологии» — на теорию общественно-экономических формаций, закономерность их смены, в игнорировании предпосылок Октябрьской революции и т.п. В Отделе науки ЦК КПСС состоялось специальное совещание, материалы которого были затем изданы под грифом «Для служебного пользования» и разосланы в соответствующие инстанции для ознакомления и последующего возвращения. С этими материалами было бы неплохо ознакомить широкую общественность.

После совещания в Отделе науки ЦК КПСС стало ясно, что должны последовать оргвыводы. Вскоре от обязанностей директора Институ-

та истории СССР был освобожден член-корреспондент АН СССР Павел Васильевич Волобуев. Его просьба остаться работать в Институте была отклонена, и он был переведен на должность старшего научного сотрудника в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Новым директором Института истории СССР был назначен академик А.Л.Нарочницкий, принимавший самое активное участие в разгроме «нового направления». После прихода в Институт он начал осуществлять искоренение и чистку мыслимых и немыслимых идеологических «диверсий».

В Институте продолжались структурные перестройки, корректировка исследовательских планов, готовились многочисленные аналитические записки и справки. Предполагалось издать ротاپринтный сборник статей, посвященный критике «нового направления». К счастью, многие свои начинания Нарочницкому так и не удалось довести до конца, в том числе выпустить в свет этот пресловутый сборник. Однако кое-чего новое руководство все же смогло добиться. Под давлением дирекции и партбюро Института вынужден был заняться самокритикой А.М.Анфимов. В закамуфлированной форме признал некоторую ошибочность своих взглядов А.Я.Аврех.

Бесконечно долго давали «созреть» молодым ученым. Право работать над индивидуаль-

ной монографией надо было «заслужить». Дирекция во главе с Нарочницким активно вмешивалась в корректировку названий тем монографий. В результате непосредственного вмешательства дирекции Института была изменена формулировка темы моей первой монографии. Я предлагал ее назвать «Партия кадетов в период революции 1905—1907 гг.». В принципе эта заявка была поддержана и в секторе. Однако на дирекции по предложению Нарочницкого, видимо, вспомнившего в тот момент одно из ленинских высказываний, название монографии было изменено: «Кадеты — главная партия российской либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг.». Делать было нечего, приходилось с этим мириться.

Будучи дважды академиком А.Л.Нарочницкий, очевидно, решил поразить Отдел науки ЦК КПСС громадьем планов. Вновь приоритетными стали традиционные темы советской историографии: «История рабочего класса России», «История крестьянства России», «История народов Северного Кавказа», «История народов Прибалтики» и т.п. Все эти труды мыслились как коллективные со специально назначенной редколлегией и идеологически «выдержанным» ответственным редактором. Предполагалось, что в такого рода коллективные труды уже не может проникнуть какая-либо методологическая «диверсия» и они станут памятниками «величия» марксизма-ленинизма.

В секторах отечественной и особенно зарубежной историографии также планировалась подготовка коллективных трудов. В первом — ряд монографий посвящался критике концепций меньшевиков и эсеров, а во втором — предполагалось создать коллективную монографию, посвященную критике зарубежной историографии трех российских революций. Темы кандидатских диссертаций подгонялись под разработки общих проблем материально-технических предпосылок октябрьской революции, союза рабочего класса и крестьянства, революционно-го и освободительного движения и т.п. Одновременно в Институте стали постепенно сходить на нет научные дискуссии, разработка новых и перспективных исследовательских направлений. Иными словами, Институт, как и вся страна, медленно вползал в идеологический застой, чреватый в недалеком будущем большими потрясениями.

В 1974 году сектор истории империализма возглавил Валерий Иванович Бовыкин. Любопытная метаморфоза: П.В.Волобуев, М.Я.Геллер, К.Н.Тарновский, В.А.Емец, В.И.Бовыкин — ученики А.Л.Сидорова. «Птенцы» сидоровской научной школы бесспорно были талантливыми учеными, достигли больших личных творческих успехов. Но со временем их жизненные пути разошлись.

Будучи директором Института истории СССР, П.В.Волобуев пригласил профессора

МГУ В.И.Бовыкина на пост своего заместителя. Во время борьбы с «новым направлением» В.И.Бовыкин занял позицию, противоположную сторонникам «нового направления». Незадолго до оргвыводов он перешел в Отделение истории, где какое-то время исполнял обязанности ученого секретаря, а после прихода в Институт Нарочницкого был назначен заведующим сектором истории периода империализма.

До этого мне с ним пришлось встречаться дважды: первый, когда он меня отправил во Львов, а второй — когда он, как член редколлегии журнала «Исторические записки», долгое время не возвращал в редакцию мою статью. Заместитель главного редактора журнала А.И.Юхт посоветовал мне обратиться непосредственно к В.И.Бовыкину и попросить его ускорить написание рецензии. В то время Бовыкин еще исполнял обязанности заместителя директора Института и я записался к нему на прием. Беседа началась с оригинального вопроса. Валерий Иванович спросил, помню ли я чеховского героя Ваньку, который писал без адреса письма бабушке в деревню? Пришлось признаться, что есть такой грех, А.П.Чехова читал. «Ну, вот, и хорошо, — сказал с ехидцей Валерий Иванович. Ваша статья, — продолжал он, — безадресна, как и письмо чеховского Ваньки». На этом пассаже мы и расстались. Рецензию Бовыкин написать так и не удосужился.

Статья же была опубликована в журнале «Исторические записки».

С приходом Бовыкина на пост заведующего в секторе постепенно наступила стабилизация. Был значительно изменен его состав. Пришли новые сотрудники: доктор исторических наук, профессор В.Я.Лаверычев, кандидаты исторических наук Л.Т.Сенчакова, Н.Г.Думова, Н.Г.Королева, а также целый выводок учеников В.И.Бовыкина: А.Н.Боханов, И.А.Дьяконова, Ю.А.Петров, Е.Г.Кострикова. Из редакционно-издательского отдела в сектор перешел А.Е.Иванов, а из Института всеобщей истории — Г.А.Алексеев. Соотношение «старых» и «новых» сотрудников примерно стало равным, и последующие переходы в другие сектора некоторых сотрудников (А.Е.Иванова, Г.А.Алексеева, Л.П.Дойниковой) не изменили сложившейся расстановки сил. С точки зрения контроля за работой сектора, это было мудрое решение. До сих пор не могу понять, почему Валерий Иванович решил взять меня в ученые секретари.

В секторе сформировалась достаточно обширная исследовательская программа. Какое-то время были трудности с утверждением тем индивидуальных монографий, но постепенно утряслись и эти вопросы. Будучи крупным ученым, автором многих фундаментальных исследований в области финансового капитала, хоро-

шим полемистом, Валерий Иванович, как мне кажется, чурался организационных вопросов. Поэтому он сразу же предупредил меня, что вся текущая организационная работа по выполнению научно-исследовательского плана сектора должна лечь на меня. В принципе я ему признателен за предоставление мне такой возможности, давшей за десятилетний срок моего пребывания на этом посту много полезного и поучительного.

В сравнительно короткий срок сектор периода империализма стал одним из ведущих подразделений в Институте истории СССР. Его сотрудники участвовали в подготовке многих общеинститутских и секторских коллективных трудов по истории рабочего класса и крестьянства, работали над индивидуальными монографиями, сборниками статей и т.д. В 70-е годы ряд сотрудников сектора защитили кандидатские и докторские диссертации. В течение многих лет сектор в ходе социалистического соревнования в Институте занимал призовые места.

Вместе с тем в те годы значительная часть времени как в масштабах Института, так и в самом секторе тратилась непроизводительно. Проводились бесконечные общественные мероприятия: секторские и общеинститутские партийные собрания, на которых обсуждались решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, очередные постановления Идеологичес-

кого отдела ЦК КПСС, разного рода инструктивные письма и т.п. На заседаниях партбюро Института рассматривались как общеинститутские проблемы, так и персональные дела сотрудников, включая рекомендации на выезд за границу. Сотрудники Института у специально отведенного столба на Ленинском проспекте встречали и провожали государственных политических и общественных деятелей разных стран и народов. Одним словом, чем прочнее закручивались идеологические «болты и гайки», тем массовой становились общественные мероприятия.

Как это ни парадоксально, но я в период борьбы с «новым направлением» был избран секретарем комсомольской организации Института. Хотя я уже был членом КПСС, тем не менее решением райкома КПСС мне продлили срок пребывания в комсомоле. В начале 70-х годов институтская комсомольская организация была небольшая: в нее входили аспиранты и молодые сотрудники. Все хорошо знали друг друга. Мы, естественно, не только не вмешивались, но и сознательно не принимали никакого участия в «борьбе гигантов» за чистоту марксистских риз. Комсомольская работа шла ни шатко, ни валко: изредка проводили общие собрания, чаще — заседания бюро, участвовали в избирательных кампаниях, ходили на плодородные базы, осенью ездили в совхоз «Фаус-

тово» на уборку капусты. Благо, что в то время ни партбюро, ни дирекции было не до нас и они особо не надоедали своим руководством. Однако после одного из моих выступлений на заседании партийного актива в райкоме КПСС, а также «прокола» с несвоевременной сдачей комсомольских взносов мне в райкоме комсомола дали понять, что будут не против, если я покину пост секретаря комсомольской организации Института. Это был счастливейший момент освобождения от одной из общественных нагрузок. В райкоме комсомола мне вручили памятный комсомольский билет.

Однако партийное бюро Института сразу же определило мне другую общественную нагрузку: я должен был вести в Черемушкинском райкоме партии пропагандистский кружок для преподавателей общественных дисциплин. В течение ряда лет я читал лекции по истории КПСС и биографии В.И.Ленина. Кроме того, несколько сроков мне пришлось проработать в составе секторского партбюро, а затем также в Народном контроле Института. Все это, разумеется, расширяло круг знакомств, позволяло лучше вникнуть в работу других подразделений Института, почувствовать психологический настрой сотрудников. Особое место среди общественных нагрузок занимало участие в избирательных кампаниях разных уровней. Два или три мне пришлось быть председателем

участковой избирательной комиссии в Коньково и Ясенево.

В конце 70-х — начале 80-х годов брежневский режим стал давать ощутимые сбои, а сам генсек на глазах превращался в развалину. И чем больше этот процесс углублялся, тем активнее стал насаждаться культ личности Леонида Ильича Брежнева. С горечью вспоминаю общепрофессиональные собрания и заседания Ученого Совета, на которых обсуждались «гениальные» произведения Брежнева, особенно его воспоминания «Малая Земля», «Целина» и другие. С каким энтузиазмом и пафосом выступали представители советских секторов Института, как они были велеречивы, подобострастны и вместе с тем смешны. На институтской трибуне творилось некое лицедейство, когда, казалось, достаточно умные люди унижали свое собственное достоинство, произнося хвалебные речи и славословия в адрес генсека. А в те же дни в стране была в широком ходу шутка: Леонид Ильич приглашает к себе М.А.Суслова и спрашивает его: «Ты читал мои воспоминания?» Суслов отвечает, что, естественно, читал и они гениальны. Тогда Леонид Ильич приглашает Кириленко и задает ему тот же вопрос. Последний так же обращает внимание на гениальность автора воспоминаний и созидательную мощь его произведений. После чего Леонид Ильич произносит историческую фразу, что ему, видимо, сле-

дует прочитать свои воспоминания. Абсурдность ситуации была настолько очевидна, что приходилось только разводиться руками и ждать естественного конца развития событий.

70-е годы стали переломными и в моей личной жизни. В феврале 1973 года, наконец, совершилось чудо! Я получил ордер на кооперативную квартиру в новом микрорайоне Теплый стан. В трехкомнатной квартире, которую нам выделили на двоих с Николаем Бугаевым, мне, как уже имеющему диплом кандидата наук, принадлежало две комнаты. Чтобы выплачивать долг родителям и ссуду за кооператив, я вынужден был подрабатывать на вечерних курсах в ВЮЗИ и заниматься репетиторством.

Весной 1973 года появился мой первый ученик Миша Гальперин, с которым мы занимались, сидя на раскладушке, ибо в квартире не было ни стола, ни стульев. Миша поступил в вуз, а затем стал кандидатом экономических наук. За десятилетие репетиторства у меня перебивали десятки учеников, большинство из которых успешно закончили различные вузы. Вместе с тем занятия в ВЮЗИ и с учениками были полезны: во-первых, мне приходилось следить за новинками исторической литературы по всему периоду истории СССР; во-вторых, занятия позволяли выработать целостное представление об общемировом и российском историческом процессе; в-третьих, ставить и форму-

лировать для себя целый комплекс исследовательских задач.

Я продолжал интенсивно заниматься самообразованием, регулярно читал самиздатовскую литературу, включая модные тогда книги А.И.Солженицына, статьи-манифесты А.Д.Сахарова. В условиях идеологического застоя самиздатовская литература, действительно, была «живым глотком», в какой-то мере утолявшим жажду в «обезвоженной» общественной среде. Но это скорее всего была дань моде того времени. Подлинное наслаждение я получал от перечитывания и продумывания книг Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, Н.В.Гоголя, был увлечен литературой Серебряного века. Я снова, и уже в который раз, стал собирать библиотеку (одна осталась в Кузнецке, а другая — в Геленджике), любил посещать старые книжные лавки, находя в них редкую специальную и художественную литературу.

В мае 1974 года, после многолетних раздумий, мы со Светланой решили официально зарегистрировать наш гражданский брак. Она с Вадимом переехала ко мне. В это время Николай Бугай женился и переселился в трехкомнатную квартиру. 19 января 1975 года у нас родился сын Станислав. Я давно мечтал о сыне, и моя мечта сбылась. Когда он был совсем маленьким, мы с ним часами гуляли то в лесном массиве Тропарево, то в Узком. Детская коляс-

ка медленно катилась по тенистым лесным дорожкам, Станислав с большим вниманием рассматривал деревья и птиц. Когда он подрос, то мы каждый год ездили в Крым, в Прибалтику, Звенигород, Кузнецк. Самым любимым нашим местом отдыха была Алупка с ее сказочным Воронцовским парком, его экзотическими деревьями и тенистыми дорожками, прудами, где плавали черные и белые лебеди, укромными скалистыми местечками. По парку тогда свободно разгуливали павлины, длинноногие цапли и другие экзотические птицы. Мы целыми днями купались и загорали, катались на прогулочных катерах, ежедневно ходили в кино. В общем наслаждались жизнью. Когда же все днем отдыхали, я шел в алупкинскую библиотеку и работал над своей монографией.

В зимние и весенние школьные каникулы Светлана со Станиславом и Вадимом уезжали в пансионат Лиелупе под Ригой или же в пансионат в Звенигород. Однажды мы ездили отдыхать на Азовское море, в Ейск.

В памяти сохранились наши поездки со Станиславом в Кузнецк, куда мы, как правило, ездили вдвоем. Пилили и кололи дрова, приводили в порядок сад, собирали ягоды, яблоки и груши. Станислав со своей двоюродной сестрой Леной играли с кроликами. Летом в Кузнецк приезжал и мой брат Владимир. Он тогда учился в Ленинградском кораблестроительном ин-

статуте, рано женился, и у него родилась дочь Наталья. Мы вместе ходили в гости к тете Рае на Мары, посещали Холм Славы, отец нас фотографировал. В выходные дни вместе с мамой и отцом ходили в лес, собирали землянику, целебные травы, дышали хвойным воздухом, пили кристальной чистоты родниковую воду. Так проходил день, и мы, набрав канистры родниковой воды, уставшие и довольные, возвращались домой. Часто гуляли по городу, навещались в местный музей, ходили в кино. Станислав любил посещать кузнецкий базар. Дни отдыха в Кузнецке пролетали мгновенно, надо было возвращаться в Москву.

Со второй половины 70-х годов началась целая полоса разного рода душевных переживаний и утрат. Тяжело заболела моя бабушка. Нависшая угроза слома дома и переезда на новую квартиру еще более обостряли ее болезнь. Во второй половине 70-х годов начали сносить наш квартал и на месте индивидуальных владений собирались построить многоквартирный дом. Уже стали рушить соседние строения. Бабушка заявила, что никуда не поедет и хочет умереть в своем доме. Она отказалась принимать лекарства и вскоре умерла. В марте 1977 года в Москве ясно и тепло. Но когда я приехал в Кузнецк, стоял сорокоградусный мороз. Земля настолько промерзла, что могилу пришлось рыть в течение двух дней. Мою бабушку,

Марию Федоровну Полянскую, по «хоронили рядом с ее сестрой, Александрой Фегдоровной Ивановой, умершей в мае 1969 года.. Один за другим из жизни уходили родные, с которыми прошли мои детство и юность, те, кто* меня искренне любили. На душе было сумрачно и тоскливо.

Несчастье, как известно, одно не приходит. Летом 1980 года ко мне в гости с внучкой, моей племянницей Леной, приехал отец. От намеревался показать Лене Москву и заодно посетить врачей, ибо в последнее время чувствовал себя неважно. Год назад отец ушел на пенсию, страшно переживал о заводе, где «он» долгие годы работал, внес около пятидесяти рационализаторских предложений. Увлечены® изысканиями в области производства ферритов, отец и мысли не допускал о возможном уходе с работы. Однако его «ушли», что само по себе явилось сильным психологическим стрессом. К этому еще добавилась болезнь простатиты. Когда он прошел обследование у моего знакомого врача-уролога В.Я.Сумарокова, то сразу же был выявлен диагноз болезни. Отправив отца в коридор, Виктор Яковлевич сказал открытым текстом: «Это рак и надо срочно госпитализировать в Институт урологии». В тот момент известие повергло меня в шоковое состояние.

Отца положили в Институт урологии. С этого времени в течение тринадцати лет шла

борьба за продление его жизни. Будучи ветеринарным врачом, он прекрасно осознавал характер заболевания, но никак не мог смириться с этим. Месяцами он лежал в разных московских больницах и только благодаря помощи и заботе моих друзей, и прежде всего Александра Степановича Рудя, удалось стабилизировать состояние его здоровья и замедлить процесс развития болезни. Не могу не вспомнить врачей О.Г. и А.В.Пятковских, С.Э.Полякова, которые в самые критические минуты всегда оказывались рядом и делали максимально возможное. Особая признательность и благодарность Виктору Яковлевичу Сумарокову, который в течение тринадцати лет консультировал и лечил отца, вселял в него оптимизм и веру.

В 1981 году отец несколько месяцев провел в московских больницах, а затем возвратился в Кузнецк. Мама вынуждена была уйти на пенсию, и они с отцом воспитывали внучку Лену. В это время моя сестра Татьяна училась в Пензенском политехническом институте. Она поступила на тот же факультет, на который я пытался поступать в 1959 году, но, в отличие от меня, она Политех окончила успешно, а затем многие годы работала инженером на том же заводе, где работал отец.

Между тем землеройные машины все ближе и ближе подбирались к нашему дому. Целыми днями грохотала техника, сад подвергался сис-

тематическим набегам строителей. Родителям обещали предоставить четырехкомнатную квартиру в пятиэтажном кирпичном доме по улице Белинского. Жилищная комиссия горисполкома уже выписала ордер на эту квартиру. Мы как раз в это время были в Кузнецке, ходили с мамой ее смотреть. Но вдруг все затормозилось. Оказалось, что квартиру отдали какому-то местному почтовому чиновнику и он, без всякого ордера, въехал туда.

Отец написал заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС на имя ее председателя М.С.Соломенцева. В свою очередь, к этому заявлению я приложил свое письмо, в котором рассказал о творящихся в Кузнецке безобразиях в отношении моих родителей. В кратчайший срок Комиссия разобралась с заявлением, и были даны указания местным властям немедленно и положительно решить вопрос с квартирой. К родителям сразу же прибежало местное городское коммунальное и партийное начальство, которое принесло извинения и незамедлительно выдало им ордер на квартиру, предварительно выселив из нее почтового чиновника.

В 1985 году родители переехали на новую квартиру. Мы со Станиславом помогали переезжать. Со старым домом было связано столько хороших и добрых воспоминаний! Когда я начал писать эту книгу, то, просыпаясь ночью и

лежа без сна, мысленно бродил по комнатам родного дома, разглядывал висящие на стенах портреты, перебирал в памяти различные эпизоды. Затем я выходил в сад, любовался цветущими черемухой, яблонями и вишней, слушал пение соловья в малиннике. Очень хочу, чтобы эти видения оставались как можно дольше.

С годами нарастало внутреннее одиночество, и я искал выход из него в занятиях наукой. Сколько в эти годы было прочитано книг и проработано архивных фондов! С теплотой вспоминаю ежегодные свои поездки в Ленинград, где познакомился с известными учеными-историками — Р.Ш.Ганелиным, Б.В.Ананьичем, Л.Е.Шепелевым, Ю.Б.Соловьевым, С.И.Потоловым, В.И.Старцевым, И.П.Лейберовым. Встречался и беседовал с В.С.Дякиным, с которым вел многолетнюю переписку.

В Центральном государственном историческом архиве состоялось мое знакомство с Беллой Давыдовой Гальпериной. Мы с ней работали над многотомной публикацией «Журналы Совета Министров царской России». Белла Давыдова, доброй души человек, прекрасный знаток архивов и достопримечательностей Ленинграда. В свободное время мы гуляли по городу, посещали музеи и выставки. Она показала мне Никольское кладбище, где похоронены безвинно убиенные А.И.Шингарев и Ф.Ф.Кокошкин, музей-квартиру А.А.Блока.

В 70-е годы в Ленинград мы часто ездили с Павлом Зыряновым. Днем работали в архиве и библиотеках, а в свободное время и по вечерам бродили по городу, любовались его красотами. С братом Владимиром и его друзьями побывали в окрестностях Ленинграда: Ораниенбауме, Павловске, Пушкино, Петродворце. Каждый раз уезжал из Ленинграда внутренне обогащенным, еще более заряженным на творческую работу.

В 1976 году в свет вышли две моих книги, написанные в соавторстве с моими друзьями и единомышленниками: одна из них — «Из истории трех революций в России» — в издательстве «Просвещение», а вторая — «Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии» — в издательстве «Мысль». Вторую монографию мы написали с Павлом Зыряновым. В те годы было модным заниматься критикой западной историографии, издавалось много разоблачительной и зубодробительной литературы. Мы же решили подойти к теме принципиально иначе, стремились выявить логику исследований западных авторов. Удалось нам это или нет — пусть судят критики. Монография понравилась заведующему сектором зарубежной историографии Института В.И.Салову, который в одной из планируемых коллективных монографий предложил нам с Павлом стать авторами.

В секторе зарубежной историографии состоялось мое знакомство с Н.И.Канищевой — в то

время аспиранткой. Она мне дала на прочтение первый вариант рукописи своей кандидатской диссертации «Предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции в освещении западногерманской историографии». Я принимал участие в ее обсуждении в секторе. В 1983 году вышла в свет коллективная монография «Критика основных концепций современной историографии трех российских революций», где мы с Надей впервые оказались в числе соавторов. Несколько раз мы с ней участвовали в избирательных кампаниях: она исполняла обязанности секретаря участковой избирательной комиссии.

В течение нескольких лет я продолжал работать над плановой монографией о кадетях, которую завершил в 1978 году. Как раз в это время сектор начал подготовку многотомника «История рабочего класса». Мне было поручено написать одну из глав. История рабочего класса никогда меня не привлекала. Поэтому параллельно с написанием статьи я стал собирать материал для следующей своей монографии о партии октябристов. Одновременно с моими друзьями Натальей Ивановой, Владимиром Булдаковым и Анатолием Ивановым мы приступили к написанию монографии о средних городских слоях в период трех российских революций.

С Владимиром Прохоровичем Булдаковым я познакомился еще в 1968 году, когда мы с ним

жили в аспирантском общежитии на улице Вавилова. Володя в то время писал кандидатскую диссертацию о легальном марксизме. Затем его призвали в армию. После возвращения в Институт, Бовыкин его в сектор империализма не взял и Володе пришлось заниматься новой проблематикой в секторе Октябрьской революции, которым тогда руководил известный ретроград П.П.Соболев. Вскоре Володя успешно защитил кандидатскую диссертацию о легальных марксистах, но продолжал заниматься разработкой проблем октябрьской революции.

Знакомство и дружба с Анатолием Ивановым уходят своими корнями в начало 70-х годов. Выпускник Историко-архивного института, ученик Н.П.Ерошкина, Анатолий занимался изучением студенческого движения. Я читал его работы, и они мне нравились своей фактографической фундаментальностью.

Нами была разработана концепция и структура монографии, заключен договор с издательством «Мысль». С заведующим редакцией истории Владимиром Степановичем Антоновым мы уже были знакомы. Он мне симпатизировал и давал немного заработать на редактировании. В издательстве «Мысль» мной было отредактировано несколько монографий: Н.М.Якупова, В.П.Верхось, И.П.Лейберова и С.Д.Рудаченко, Е.Г.Гимпельсона. Это была весьма полезная работа, и я за нее признателен В.С.Антонову.

В 1981 году вышла в свет монография «Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои». Она была замечена и получила положительную оценку специалистов. Одновременно с монографией мы с Натальей Ивановой и Володей Булдаковым опубликовали несколько статей общетеоретического характера по проблемам средних городских слоев. Нас приглашали участвовать в научных конференциях, в том числе в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Одновременно шла подготовка коллективной монографии «Непролетарские партии России. Урок истории». Идея ее написания родилась в мае 1981 года в ходе научной конференции в Калининне. Когда приехавшие в Калинин ученые вышли из поезда на перрон, то сразу же обратили внимание на броский и не обычный для того времени транспарант — «Привет участникам конференции непролетарских партий России!» Его держали в руках встречавшие нас студенты Калининского университета, который многие годы являлся базой для проведения научных симпозиумов по истории политических партий России, организуемых Научным Советом истории октябрьской революции во главе с академиком И.И.Минцем и ректором университета, доктором исторических наук, профессором В.В.Коминым. Любопытный читатель может познакомиться с рядом сборников

материалов этих конференций. Они поучительны как по составу участников, так и по рассматриваемой тогда проблематике.

После конференции организовывались прогулки по Волге или Золотому кольцу. Однажды мы посетили пушкинские места и наслаждались изумительной по своей красоте природой тверского края.

Работу над книгой возглавили К.В.Гусев, заместитель председателя ВАК СССР, доктор исторических наук, профессор, и Л.М.Спирин, заведующий сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вначале предполагалось, что книга будет состоять из двух томов и охватывать историю непролетарских партий с момента их зарождения и до уничтожения многопартийности. Именно под двухтомник и готовился тогда материал, который по мере поступления от авторов сразу же обсуждался.

Содержательные дискуссии велись тогда в кабинете Кирилла Владимировича Гусева. Некоторое время спустя их участники сожалели, что их не записали. Это был бы ценнейший историографический материал. Когда рукопись была уже готова, то оказалось, что высшие партийные инстанции стали возражать против двухтомника и К.В.Гусеву лишь с большим трудом удалось пробить однотомник. Материал пришлось резать «по-живому», что, естественно, не могло не повлиять на содержательную

часть монографии, вышедшей в свет в 1984 году в издательстве «Мысль».

Работая одновременно над несколькими монографиями, я участвовал в подготовке индивидуальных и коллективных статей, рецензий, документальных сборников, в научных конференциях. В 70-х — начале 80-х годов удалось побывать на научных конференциях в Тбилиси, Ярославле, Саратове, Минске, Ростове-на-Дону. Невозможно забыть наши экскурсии с Павлом Зыряновым по прекрасному Тбилиси. Мы побывали в Мцхетинском замке, в художественной галерее имени Пиросмани, в Пантеоне. Изумительной была автобусная экскурсия на место слияния рек Арагви и Куры, где в памяти сразу возникали лермонтовские строки. Много красочных мест и в других городах: в Ростове-на-Дону — Нахичевань; в Ярославле — монастыри и церкви в Коровниках; в Саратове — Волга, драматический театр, музей.

Спустя четыре года после утверждения к печати Ученым Советом Института в издательстве «Наука» вышла в свет моя первая монография. К этому времени я уже завершил работу над второй книгой — «Партия октябристов в период революции 1905—1907 гг.» и приступил к написанию третьей — «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг.» Возник вопрос о защите монографии в качестве докторской дис-

сертации. В те времена к защитами докторских диссертаций, особенно в Институте истории СССР, относились весьма строго, тем более, если это касалось сравнительно молодых научных сотрудников. Однако В.И.Бовыкин и новый директор Института С.С.Хромов не стали чинить препятствий и дали мне «добро» на защиту. Единственное, что требовалось: дожидаться выхода положительных рецензий в ведущих журналах, публикация которых заняла не менее года. Рецензии появились в журналах «Вопросы истории КПСС» (К.В.Гусев), «Вопросы истории» (Р.Ш.Ганелин) и «История СССР» (А.Ю.Чиковани).

Монография была обсуждена в секторе, а затем принята к защите Ученым Советом. Она состоялась в Институте истории СССР в октябре 1984 года. Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук В.С.Дякин (ЛОИ), доктор исторических наук, профессор А.Д.Степанский (Историко-архивный институт) и доктор исторических наук, профессор Г.А.Арутюнов (член Специализированного Совета). Ведущая организация — Академия Общественных наук при ЦК КПСС. В принципе исход защиты уже давно был предрешен, и поэтому она прошла спокойно, а голосование было единогласным. В марте 1985 года ВАК утвердила решение Специализированного Совета и

присудила мне ученую степень доктора исторических наук. Через несколько месяцев я был избран на должность ведущего научного сотрудника.

После защиты диссертации ритм моей научной работы стал еще более интенсивным. Я освободился от обязанностей ученого секретаря сектора и сосредоточился на исследовательских проблемах. Помимо истории либерализма, стал разрабатывать историю политических партий России, продолжил свои занятия отечественной и зарубежной историографией. Удалось собрать небольшую группу историков (А.И.Уткин, М.И.Леонов, С.А.Степанов) и подготовить сборник «Политические партии России в 1905—1907 гг. Количественный анализ», в котором впервые в историографии была предпринята попытка рассмотреть комплекс проблем, которые ранее мало или вообще не привлекали внимание. К сожалению, выход этого сборника, не по нашей вине, затягивался. Кое-кого из руководящих товарищей смущали статистические данные о динамике численности праворадикальных партий, сведения о социальном составе партии эсеров. Рукопись направили на рецензию в отдел истории КПСС ИМЛ, которым тогда заведовал К.В.Гусев. При активной поддержке К.В.Гусева и Л.М.Спирина книга была рекомендована к печати и вышла в свет в 1987 году. На основе материа-

лов сборника и с применением математических методов и ЭВМ А.П.Корелиным, И.Н.Киселевым и мной была подготовлена и опубликована в журнале «История СССР» аналитическая статья, которая затем была перепечатана в советско-американском сборнике. До сих пор эта статья продолжает оставаться первой и единственной попыткой применения в отечественной и зарубежной историографии математических методов изучения политических партий России начала XX века.

В это время у нас с О.В.Волобуевым возникла идея подготовить цикл историографических статей по всему спектру истории политических партий России. Наше знакомство с Олегом Владимировичем произошло в самом начале 70-х годов, когда он, получив постоянную московскую прописку, стал работать в секторе историографии Института истории СССР. Мы с ним подружились, написали несколько статей в журналы «Политическое самообразование» и «Молодой коммунист», вместе принимали участие в научных конференциях в Калинин. Олег Владимирович — умный, добрый и отзывчивый человек, с которым всегда приятно обсуждать как научные, так и жизненные проблемы. Мы разработали концепцию статей и пригласили в качестве соавторов А.И.Уткина и М.И.Леонова. С Анатолием Ивановичем Уткиным мы познакомились во время работы в при-

емной экзаменационной комиссии в Плехановском институте в самом начале 70-х годов и с тех пор дружим.

Две статьи были опубликованы в журнале «Вопросы истории». Мне кажется, что они получились и вызвали интерес у специалистов. К сожалению, третья статья из этого цикла так и осталась незавершенной.

Одновременно шла подготовка цикла статей по зарубежной историографии РСДРП. Основная тяжесть в их написании легла на Надю Канищеву. Она защитила кандидатскую диссертацию и откликнулась на мою просьбу начать совместную разработку зарубежной историографии политических партий России. Статьи были опубликованы в журналах «Вопросы истории КПСС» и «История СССР». В это же время мной с Александром Степановичем Рудем были опубликованы два учебных пособия для учащихся средней школы.

После защиты докторской диссертации я начал вести преподавательскую работу в ряде московских вузов. Оказалось, что ученая степень доктора наук не имеет значения для начисления заработной платы в высших учебных заведениях, где требуется ученое звание доцента или профессора, которых тогда у меня не было. Только в октябре 1987 года Президиум Академии Наук СССР присвоил мне ученое звание старшего научного сотрудника, что соответст-

вовало званию доцента в высших учебных заведениях. Проработав один семестр в МИРЭА, я начал преподавать в Московской высшей партийной школе на кафедре истории КПСС, которой тогда руководил мой друг С.В.Кулешов. С ним меня несколько лет назад познакомил его учитель О.В.Волобуев. Мы втроем написали несколько статей и сообщений. Сергей Владимирович — энергичный и импульсивный человек, рано защитил докторскую диссертацию, постоянно что-то затевает. Однажды возникла идея подготовить двухтомное исследование по политической истории России. Разработали концепцию, сформировали авторский коллектив и приступили к работе. В 1991 году в издательстве «Терра» вышла в свет двухтомная книга «Наше Отечество. Опыт политической истории».

Преподавательская работа в МВПШ для меня была полезной. Она давала возможность общения с зарубежными студентами, занимавшими в своих странах партийные и государственные посты. Я читал лекции кубинцам, вьетнамцам, венграм, чехам, полякам. Так как лекции охватывали весь период российской истории, то необходимо было предложить слушателям собственное целостное видение исторического процесса. Поучительными были семинары и диспуты, где ставились и рассматривались острые вопросы текущей политики.

Общению с зарубежными слушателями помогало и то обстоятельство, что в 1981-1985 годах мне удалось посетить Чехословакию, Венгрию, ГДР и Францию. Эти туристические поездки были организованы в Институте истории СССР. Непременным руководителем туристических групп был Н.М.Алещенко, полковник в отставке, ведущий научный сотрудник Института, долгое время являвшийся председателем профкома. Тогда для поездки за границу требовались характеристики от партбюро Института и от Черемушкинского райкома КПСС. В райкоме надо было пройти специальную выездную комиссию, состоящую, как правило, из ветеранов партии. Это была для научных сотрудников уничижительная процедура, оставлявшая неприятный осадок. Мне такую процедуру пришлось пройти один раз, в дальнейшем меня от нее избавили.

Первая поездка в марте 1981 года была в Чехословакию. Самолет от Москвы до Праги летит немногим более двух часов. Из аэропорта туристическую группу доставили в предместье Праги и разместили в мотеле. До города можно было добраться трамваем. Наскоро пообедав, мы отправились на экскурсию: осматривали достопримечательности в центре, посетили городскую ратушу, любовались старинными часами на ратуше, гуляли по городским площадям. Затем нас повезли в музей Пражской партийной

конференции 1912 года и на Ольшанское кладбище, где в одном из укромных и незаметных местечек похоронены видные эмигранты из России, в том числе и бывшие члены ЦК кадетской партии. В тот же день вечером, но уже без экскурсовода, мы с А.И.Алаторцевой отправились на трамвае в центр погулять по ночной Праге, побывали в знаменитой пивной Швейка. На следующий день посетили Пражский град.

Через два дня выехали в Мариенбад, где и пробыли около десяти дней, попивая по утрам целительную мариенбадскую водичку и гуляя по окрестностям курортного города. Из Мариенбада выезжали на экскурсии в Карлсбад, приграничный с ФРГ город Аш, где встречались с рабочими коллективами. Все десять дней стояла прекрасная солнечная погода, позволявшая делать каждодневные вылазки в горы. Время летело стремительно, и вот мы уже в Праге, где, на сей раз, нас разместили в гостинице в самом центре города. Последняя прогулка по ночной Праге, а утром мы улетали в Москву, встретившую нас грязным и мокрым снегом, грустными и печальными лицами людей, длинными очередями.

Незабываемой была поездка в Венгрию. Ранним декабрьским утром 1982 года наша туристическая группа поездом прибыла на Будапештский вокзал. Город был занесен снегом, улицы не расчищены и нашему туристическому авто-

бусу с большим трудом приходилось пробираться по забитому автомобилями городу. Но зимой Будапешт красив. В стремительном туристическом темпе мы осматривали его достопримечательности: костелы, музеи, исторические памятники. На следующий день мы отбыли в западную часть Венгрии, где в течение недели каждый день совершали экскурсии и отдыхали. В Венгрии я встретил день моего рождения. Впервые я увидел, как люди готовятся к Рождеству.

Через год состоялась поездка в ГДР. Несколько дней наша группа провела в Берлине, а затем мы в течение недели отдыхали в Тюрингии. В памяти запечатлелись Веймар и Лейпциг.

Посещение трех социалистических стран дало богатую пищу для размышлений, сравнений и сопоставлений. Правильно гласит народная мудрость: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я много читал об этих странах, но то, что увидел своими глазами, вызывало смешанные и противоречивые чувства. Жизнь и быт в СССР не выдерживали ни малейшего сравнения с жизнью и бытом в соцстранах. Страна-победительница во второй мировой войне жила несравнимо хуже, чем страны, которые она освободила от фашизма. Архитектура городов и их инфраструктура, магазины, наполненные товарами и продуктами питания, довольные и улыбающиеся лица прохожих, устро-

енный и комфортабельный быт — все это резко контрастировало с тем, что приходилось наблюдать в Москве, а особенно, в провинции. Это были два разных мира, искусственно объединенных в результате второй мировой войны в единую социалистическую систему. Рано или поздно такая «несовместимость» должна была дать о себе знать. Первые симптомы уже имели место в 1953 году в ГДР, в 1956 — в Венгрии, в 1968 — в Чехословакии, в 1972 — в Польше. Достаточно было СССР несколько ослабить «подпитку» социалистических стран материально-техническими ресурсами, как население этих стран, привыкшее к комфорту, стало требовать радикальных изменений. Будучи в Чехословакии, Венгрии и ГДР, нам, туристам, приезжающим всего лишь на несколько дней в эти страны, было очевидно, что назревают серьезные изменения и, естественно, возникал вопрос о том, хватит ли ума нашему партийному руководству адекватно ответить на вызов времени. Однако Кремль оказался неспособным удовлетворить даже минимальные потребности собственного населения. Гигантские средства пожирала война в Афганистане и соревнование с США по стратегическим вооружениям. В Праге, Будапеште и Берлине уже тускло светились электрические лампы, всюду висели таблички с просьбой беречь электричество. По ночам Пражский град практически не освещал-

ся, а улицы города были темными. Люди, с которыми нам приходилось встречаться в разных странах, напоминали нам о кровавых экзекуциях 1956 и 1968 годов.

Но если в странах социализма жизненный уровень был значительно выше, чем в СССР, то увиденное во Франции превзошло все ожидания. Так как наша группа уже посетила ряд социалистических стран и не имела замечаний, нас выпустили на семь дней во Францию, разрешив разменять на франки умопомрачительную сумму — 37 рублей. Мы побывали в Париже, Версале, Каннах, Ароманше, объехали Нормандию и атлантическое побережье, посетили Лувр, собор Парижской Богоматери, поднимались на Эйфелеву башню, гуляли у Триумфальной арки и по Елисейским полям, были в Сорбонне и Институте Человека, осматривали Центр Помпиду.

В октябре 1985 года в Париже стояла прекрасная солнечная и теплая погода, можно было целыми днями и ночами гулять по набережной Сены, любуясь изяществом моста Александра III, по Булонскому лесу, парижским паркам и скверам. Но, увы, можно было только гулять и с грустью наблюдать за парочками, сидящими в уютных парижских кафе, за жизнерадостной толпой прохожих, их свободой и раскованностью. Было видно, что они другие, не как мы, не похожи на нас.

Гуляя по парижским улицам, я вспоминал Э.Хемингуэя и его знаменитую фразу: «Париж — это город, который всегда с тобой!» Улетая из Парижа, я тоже увозил этот дивный город в своем сердце. Правда, в отличие от моего любимого писателя, который десятки раз бывал в Париже, мне, по-видимому, побывать там уже не придется. В Москву мы прилетели глубокой ночью, более двух часов ждали на холоде автобуса, который почему-то опаздывал, сразу же услышали столь привычную, с народными бытовизмами, речь шофера, даже не изволившего извиниться за опоздание, и тут я вспомнил Генриха IV, которому принадлежат слова: «Париж стоит мессы!». Но, в отличие от героев фильма «Увидеть Париж и умереть», мне еще хотелось бы немного пожить в нашей привычной среде.

Вскоре после возвращения из Франции раздался телефонный звонок из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Звонил заведующий сектором истории КПСС дооктябрьского периода А.Ф.Костин и спросил меня, не соглашусь ли я перейти на работу в его сектор. Дело в том, что в ИМЛ началась подготовка многотомного издания «Исторический опыт трех российских революций» и Костин формировал авторский коллектив. В то время у меня в Институте истории СССР была масса разного рода обязательств: в издательстве находилась моя монография об октябристах, я должен был

завершить следующую монографию. Этот разговор был бы забыт, если бы не одно обстоятельство.

После выхода в свет книги «Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России», подготовленной в секторе А.Ф.Костина, К.Н.Тарновский предложил написать совместно с ним рецензию для газеты «Правда», что в то время считалось весьма престижным. Рецензия была написана и опубликована. Полный вариант рецензии появился в журнале «Рабочий класс и современный мир». Другая моя рецензия на книгу «Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России» была опубликована в журнале «Вопросы истории КПСС». С НМЛ и сектором А.Ф.Костина «завязался» первый узелок. Но я еще не предполагал, что когда-нибудь перейду на работу в НМЛ, к которому в 70-х годах у меня было весьма негативное отношение.

В годы горбачевской перестройки порядки в НМЛ стали меняться. Институт возглавил новый директор — член-корреспондент АН СССР Г.Л.Смирнов, которому было поручено реорганизовать это историко-партийное учреждение. На должность заведующего отделом истории КПСС Г.Л.Смирнов пригласил моего друга Валерия Васильевича Журавлева. С Валерием Васильевичем нас связывали давнишние

отношения. Он несколько лет проработал в Институте истории СССР в должности старшего научного сотрудника, а затем возглавил отдел координации научных связей. Валерий написал блестящее источниковедческое исследование, защитил докторскую диссертацию, а через некоторое время был приглашен на должность заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС».

Валерий неоднократно заводил разговоры о моем переходе сначала в журнал, а затем и в ИМЛ, где в это время началась подготовка многотомного издания «История КПСС». Вначале предполагалось оперативно написать популярную работу для массового читателя, в которой эскизно должны были быть высвечены «белые пятна» историко-партийной науки в условиях горбачевской перестройки и заданы некоторые ориентиры для преподавателей общественных наук.

К разработке концепции данного издания Журавлев привлек Константина Николаевича Тарновского и меня. У нас с Тарновским уже давно установились дружеские и доверительные отношения. В начале 80-х годов Константин Николаевич подготовил новую докторскую диссертацию по истории ленинской «Искры», издал на эту тему две монографии. Рукопись диссертации должна была обсуждаться в секторе истории периода империализма. В.И.Бовы-

кин не захотел вести заседание сектора и под каким-то благовидным предлогом уехал в командировку в Ленинград. Заседание сектора пришлось вести мне. После обсуждения диссертации мы рекомендовали ее к защите. Прибыв из Ленинграда, Бовыкин не захотел подписывать протокол заседания, тогда и это пришлось сделать мне.

Мы с Тарновским разработали вариант концепции книги и предложили свой план-проспект. Одновременно в процессе наших встреч и бесед возникла идея написать статью «Пути и типы общественного развития: проблема ускорения и форсирования». Перед отъездом на отдых в академический санаторий «Успенское» Константин Николаевич попросил меня подготовить развернутый план-проспект статьи. Моя последняя встреча с Константином Николаевичем состоялась на станции метро «Площадь Ногина», где я ему вручил план-проспект нашей будущей совместной статьи и пожелал ему хорошего отдыха. После возвращения из «Успенского» Константин Николаевич скоропостижно скончался. Об этом талантливом ученом и прекрасном человеке мы с его другом В.А.Емцом написали некролог «Памяти К.Н.Тарновского», который был опубликован в журнале «Исторические записки». Константин Николаевич оставил огромное творческое наследие. В 1996 году вышла в свет его фундаментальная монография,

посвященная изучению мелкой кустарной промышленности России.

Мои отношения с одним из лидеров «нового направления» не могли оставить равнодушными так называемых «доброжелателей». Однажды у меня состоялся приватный разговор с Бовыкиным, который предостерегал от совместного творчества с Тарновским. Были и такие «доброжелатели», которых иначе как доносчиками назвать нельзя. В адрес директоров Института Нарочницкого, а затем и С.С.Хромова «потоком» шли письма, содержавшие клеветнические измышления в адрес сотрудников сектора истории периода империализма А.П.Корелина, С.В.Тютюкина, Н.Г.Думовой, Н.А.Ивановой, Н.Г.Королевой, которые характеризовались в качестве пособников А.Д.Сахарова и других инакомыслящих. Накануне моей поездки во Францию было «любопытно» узнать о том, что в Париже я должен был встретиться с какими-то эмигрантами и «что-то» передать им от российских диссидентов. Когда я ознакомился с этим «интеллигентским» эпистолярным наследием, то у меня возникло чувство омерзения к подобным личностям, которые продолжают «обогащать» отечественную историческую науку.

В 1987 году вышла в свет моя монография «Партия октябристов в период первой российской революции». В том же году я завершил

третью монографию, которая была рекомендована Ученым Советом Института к печати. Все обязательства перед сектором и Институтом были выполнены. К этому времени мной была разработана собственная исследовательская программа, которую я намеревался реализовать самостоятельно. В рамках сектора и Института ее выполнить было практически невозможно. Ознакомив с этой программой В.В.Журавлева, я получил у него «добро» и дал согласие на свой переход в Институт марксизма-ленинизма на должность заведующего сектором истории РСДРП дооктябрьского периода. В.И.Бовыкин меня отговаривать, естественно, не стал, а директор Института С.С.Хромов даже одобрил мое решение.

Глава десятая

ИМЛ

Мой переход на работу в ИМЛ проходил в самый разгар горбачевской перестройки. В это время интеллигенция была в эйфории от грандиозности реформаторских замыслов, жаждала свободы и демократии. Спозаранку интеллигенты устремлялись к газетным киоскам, часами простаивали в очередях за «Огоньком» и «Московскими новостями». Страницы журналов и газет пестрели одними и теми же именами: Г.Попов, Н.Шмелев, Н.Селюнин, Ю.Афанасьев, Е.Яковлев, О.Лацис и т.п. Читая их статьи, народ «балдел» и вскоре окончательно перестал различать, где правда, а где откровенная и беспардонная ложь. Дети и внуки бывших комиссаров и «железных» наркомов, расстрелянных Сталиным, требовали немедленного возмездия и заодно возвращения конфискованного тогда имущества. Все хотели обнаружить как можно больше «белых пятен» в историческом прошлом, противопоставляли Сталина — Ленину, Бухарину и даже Троцкому. Публицисты сочи-

нили новый миф о трагической судьбе Николая Ивановича Бухарина, личность которого поднимали на щит, заявляя о наличии у него собственного пути строительства социализма.

Короче, с благословения М.С.Горбачева и его тогдашнего единомышленника А.Н.Яковлева в сознание одуревшей от «свободы» и «демократии» интеллигенции внедрялся миф о рафинированном социалистическом рае, который якобы мог бы быть, если бы неукоснительно следовали ленинскому плану новой экономической политики. Некоторые партийные идеологи и их спичрайтеры пошли тогда на ранее невиданно «смелый» шаг — стали «увязывать» социализм с идеями христианства, бойко заговорили об общечеловеческих ценностях и т.п.

А между тем в эйфории пустопорожней болтовни набирал темпы развал социалистической системы, в национальных регионах возникли очаги конфликтов, которые тогда образно называли «горячими точками». Такие «горячие точки» заявили о себе кровавыми разборками в Алма-Ате, Сумгаите, Нагорном Карабахе, Баку, Тбилиси, Вильнюсе и других местах. Горбачев делал вид, что ничего об этом не знает и не ведает, что он вообще не при чем, а информацию о конфликтах получает из прессы и т.д. Ложь стала политикой, а политика — ложью! Генсек утрачивал контроль над ситуацией в СССР. На страну надвигалась большая Беда.

Когда я пришел на Старую площадь на предварительное собеседование в сектор Отдела науки ЦК КПСС и представил программу, с которой связывал свой переход в ИМЛ, то там уже царили хаос и смятение. Меня выслушали и, не вникая в суть программы, дали «добро». Примерно в том же ключе проходило собеседование с секретарем парткома Института и директором Г.Л.Смирновым, которые выразили согласие с программой, обещали не препятствовать продолжению преподавательской работы в МВПШ. Все это меня вполне устраивало.

Сектор, доставшийся мне в наследство, был в то время одним из лучших в ИМЛ. Здесь работали известные в историко-партийной науке ученые — А.Ф.Костин, С.Л.Титаренко, В.С.Кириллов, Н.В.Блинов, Р.В.Филиппов, И.А.Алуф. Среди более молодых сотрудников в секторе грудились О.Н.Лежнева, В.И.Зорина, Л.Г.Анохова. Мне была предоставлена возможность подобрать по собственному усмотрению новые кадры.

Из Института истории СССР перешла в ИМЛ Н.И.Канищева. В сектор были приняты молодые кандидаты исторических наук Д.Б.Павлов, В.В.Кривенький, а также выпускники МГУ и МПУ А.Ю.Морозова, А.Н.Кураев, Н.Д.Постников.

Основная задача, поставленная тогда ЦК и дирекцией Института перед Отделом истории

КПСС, сводилась к подготовке нового много-томного издания истории КПСС. Более года сотрудники Отдела и его секторов писали бесконечные аналитические записки, которые представлялись в дирекцию, а уже затем в соответствующие сектора ЦК КПСС. Характерно, что чем больше готовилось записок, тем слабее была на них реакция со Старой площади. Отдел истории КПСС проводил научные конференции и «круглые столы», сотрудники писали статьи в журналы «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», газету «Правда». За сравнительно короткий период мне пришлось участвовать в «круглых столах» в ЦК КПСС, МИДе, Музее В.И.Ленина, МВПШ, Политиздате, Музее революции, МГИМО, Институте молодежи, Исторической библиотеке, Институте усовершенствования учителей, Доме ученых, Политехническом музее. Публика живо интересовалась «белыми пятнами», ей нравилась «клубничка» о поверженных вождах. Тогда рефреном звучали вопросы: «Когда же, наконец, откроют партийные архивы?», «Когда опубликуют доклад Н.С.Хрущева XX съезду КПСС?».

К счастью, нашему Отделу и сектору удалось избежать ухода в пустопорожнюю «демократическую» брехню. В секторе интересные исследования готовили доктора исторических наук, профессора Н.В.Блинов, Р.В.Филиппов, В.С.Кириллов. Активно работали авторские

группы по написанию историографических работ как по отечественной, так и зарубежной историографии. Началось создание хроники РСДРП. Готовилась фундаментальная публикация по истории Пражской конференции 1912 года. Вместе с тем сказывалась сила инерции, давали о себе знать традиции ИМЛ. Мне пришлось буквально «давить» на ряд сотрудников, которые очень медленно осознавали суть предстоящих изменений. К сожалению, не удалось наладить в нужном темпе работу над монографиями Н.В.Блинова, В.С.Кириллова. Николай Васильевич Блинов — талантливый ученый, способный генерировать новые и оригинальные идеи, прекрасный знаток отечественной историографии. Но мы так и не смогли убедить его в необходимости ускорить завершение монографии. Когда же она, в конце концов, была готова и отправлена в издательство, грянул август 1991 года. Виктор Сергеевич Кириллов планировал подготовить целый цикл исследований по экономической политике 20-х годов. Рукопись одной из его монографий была утверждена Ученым Советом Института и была набрана в Политиздате, но в свет выйти не успела. Причина та же. Вскоре В.С.Кириллов скончался.

Ни шатко, ни валко работали над монографиями доктор исторических наук Ю.А.Буранов и кандидат исторических наук В.И.Зорина. В отличие от Блинова и Кириллова, причина их

«медлительности» была иной: авторы оказались неспособными выполнить поставленные перед ними исследовательские задачи. Крайнее недоумение вызывал ход работы над двухтомной документальной публикацией «Пражская конференция 1912 года». Если Ольга Николаевна Лежнева в срок подготовила второй том, то сотрудники ЦПА ИМЛ с работой над первым томом не спешили. Исход известен. Рукопись до сих пор хранится в сейфе.

Наиболее оперативно шла работа над монографией по зарубежной историографии. Группа сотрудников, которую возглавляла Н.Канищева, подготовила и издала книгу, где впервые давалась обстоятельная характеристика научных центров США, Англии, Франции, ФРГ, были выявлены основные направления зарубежных исследований. В целом успешно продвигалась работа и над хроникой РСДРП, которую вели А.Н.Кураев и Н.Д.Постников.

В 1988-1989 годах В.В.Журавлев поддержал идею о необходимости расширения рамок исследований и публикаций сектора, не замыкаясь в истории РСДРП. Научным сотрудникам В.В.Кривенькому и Н.Н.Тарасовой была поручена подготовка фундаментальной публикации «Программы политических партий России». Одновременно В.В.Кривенький занялся переизданием воспоминаний П.Н.Милюкова, а Н.Н.Тарасова и А.Ю.Морозова совместно с со-

трудниками ЦПА ИМЛ соответственно вели подготовку публикаций воспоминаний Ю.О.Мартова и рукописи А.А.Богданова «Десятилетие отлучения от марксизма». Мы вместе с Д.Б.Павловым опубликовали в журналах «Вопросы истории» и «История СССР» протоколы кадетской и октябристской партий за период первой русской революции. Кроме того, для издательства «Высшая школа» нами было подготовлено учебное пособие «Русские либералы: кадеты и октябристы», которое вышло в свет лишь в 1996 году.

Приметой перестроечного времени были многочисленные научные и практические конференции, собиравшие, как правило, большую аудиторию специалистов и общественности. Нашим сектором были проведены: три конференции в ИМЛ (1988, 1989) и в ленинградском филиале ИМЛ (1991). Рассматривались взаимосвязанные проблемы, которые позволяли «прояснить» многие «белые пятна» истории РСДРП: гегемония пролетариата в трех российских революциях; место РСДРП в системе политических партий России; РСДРП и массовые демократические организации. Мне также пришлось участвовать в международной конференции историков в Москве (1990), в работе международного «круглого стола» «Ленин и XX век» (март 1991), международном коллоквиуме в Ленинграде (1991), международной конференции в

Суздале (1992). Дважды побывал за границей: в ФРГ, на «круглом столе», посвященном проблемам российской и германской социал-демократии (октябрь 1990) и в Израиле — на конференции по истории русского либерализма (май-июнь 1991).

Помимо научных целей, конференции позволяют расширить круг научных связей и знакомств, дают пищу для размышлений по многим вопросам Бытия. В памяти запечатлелись прогулки по Ленинграду: Невская Лавра, Таврический дворец, мной любимая кофейня на Невском, фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя!». А разве можно забыть поездку нашей небольшой группы (В.В.Журавлев, А.П.Ненароков, Н.И.Канищева, В.С.Липицкий) в Бонн. Нам удалось побывать в Трире, Кёльне, Франкфурте-на-Майне, послушать рок-оперу «Волосы» в кёльнском дворце спорта, немного посидеть в уютных ресторанах и кофейнях. До сих пор с грустью вспоминаю ежевичный пирог, который так и не купила наш гид, ибо марок у нас не было.

Меня эмоционально потрясла поездка в Израиль, куда меня пригласил знакомый профессор Шмуэль Галай. Еще в 1990 году я должен был принять участие в конференции в Харрогейте (Англия). Однако получить вовремя визу не удалось. Галай решил компенсировать эту неудачу и пригласил меня на конференцию в

Израиль. Накануне отъезда отца положили в больницу, ему предстояла серьезная операция. К счастью, она прошла успешно, и я в тот же день вылетел в Израиль. В то время дипломатических отношений у СССР с Израилем не было и пришлось лететь через Ларнаку. Когда самолет приземлился, на Кипре была уже глубокая ночь. Переночевав в отеле «Фламинго Бич», расположенном на живописном берегу Средиземного моря, я целый день бродил по Ларнаке. Купальный сезон еще не начался, местные отели были свободны, и только одинокие туристы загорали на берегу моря. Вечером я вылетел в Тель-Авив.

Полет занял всего сорок минут. Шмуэль меня встретил, и мы на его машине поехали в Хайфу. Из отеля на горе Кермаль прекрасно был виден хайфский порт, иллюминированный разноцветными гирляндами и огнями. Внизу, под горой, раскинулся город. Была теплая, напоенная ароматом трав, тягучая, как вино, южная ночь. Рано утром мы отправились в Хайфский университет, где проходил семинар по национальному вопросу и проблемам языка. Галай познакомил меня с тогдашним президентом историков Израиля Бен-Ционом Пинчуком, написавшим одну из первых монографий об октябристах; эмигрантом из России Михаилом Агурским, автором книги о национал-большевизме. В одной из секций меня попро-

сили рассказать о том, что происходит в СССР и в каком положении находятся там дела с архивными фондами.

Вечером мы поехали в Беер-Шеву, где и должна была состояться конференция по либерализму. Меня поселили в студенческом кампусе. В течение десяти дней пребывания в Беер-Шеве я выступил с докладом на конференции, провел несколько встреч со студентами и преподавателями, с Шмуэлем ездили в бедуинскую деревню в пустыне Негев, в киббуц «Нахал-Оз», посещали рестораны, ходили в гости. В свободное от столь «плотного» расписания дня время я купался в бассейне, загорал в прекрасном тенистом парке, расположенном буквально в двух шагах от пустыни. Стоило только выйти за пределы парка, как тут же, через ограду, уже начиналась пустыня Негев, виднелись хижины бедуинов.

В это время в Израиле — очень жаркая погода. На небе ни облачка, дожди начнутся только в октябре. В один из таких знойных дней ученица Галая решила показать мне Сде-Бокер. Мы ехали по раскаленной от солнца пустыне, и я мечтал о глотке воды. Сде-Бокер — бывшая резиденция Бен-Гуриона. Мне показали его архив, библиотеку, место захоронения.

30 мая мы с Галаем отправились в Тель-Авив, где он познакомил меня с профессором университета Матишем Минцем. Переночевав у

Минца, мы с ним утром совершили экскурсионную поездку по окрестностям Тель-Авива. На следующий день я на автобусе возвратился в Беер-Шеву, где продолжил свои научные занятия и отдых. Через несколько дней я отбыл в Иерусалим, где мне предстояло выступить с докладом в университете.

В Национальной библиотеке Иерусалима состоялась встреча с профессором Израэлем Гецлером, автором одной из крупных монографий о Ю.О.Мартове. По его просьбе два сотрудника библиотеки, бывшие эмигранты из СССР, показали мне Восточный сектор Иерусалима. Мои гиды прекрасно знали восточную часть города. Они показали мне православные и армянские церкви, Стену Плача, а затем мы посетили святыню христианства — Храм Гроба Господня. Они провели меня по крестному пути Иисуса Христа, мы поднялись на Голгофу, осмотрели Храм.

Мне несказанно повезло: в Храме никого не было. Мои спутники, отойдя в сторонку, оставили меня на несколько минут в центральной части Храма, у алтаря. В эти минуты я испытал подлинно мистическое состояние, когда все окружающее исчезло и я остался наедине с Христом. Поставив свечи в память своих близких и любимых, я отыскал гидов, и мы спустились в пещеру, где первоначально покоилось тело Христово.

Выйдя из Храма, я какое-то время пребывал в некоем трансе, медленно шел по безлюдной улице. Вдруг, как из-под земли, рядом со мной оказался молодой арабский паренек, который стал бесцеремонно предлагать мне какие-то открытки, пытаясь одновременно залезть в мои карманы. Несмотря на протесты моих спутников, он не отставал и, я глазом не успел моргнуть, как он все же ухитрился вытащить у меня часть денег. Это был первый случай в жизни, когда меня ограбили. Весьма странное сочетание в одном месте — святости и греха!

Меня поселили в отеле Бейт-Меерсдорф, расположенном в восточной части Иерусалима. Окна комнаты выходили на гору Фавор и Старый город. По ночам я наслаждался зрелищем необычных переливов неба, совсем близкими яркими звездами, видом куполов Храма Гроба Господня и мечети Омара, мощных стен, опоясывающих Старый город. И вместе с тем в воздухе Иерусалима ощущалась некая гнетущая тишина, наполненная отрицательной энергией. В восточном секторе Иерусалима столетиями накапливается противостояние между евреями и арабами, которое ни тем, ни другим не дает покоя.

Выступив с лекцией в Иерусалимском университете, я на автобусе отправился в Тель-Авив. Рядом со мной сел Михаил Агурский, и мы всю дорогу беседовали об истории русского

большевизма. Он вскоре намеревался приехать в Москву, обещал позвонить. Агурский в Москву действительно приехал, но это была его последняя в жизни поездка. В гостинице «Россия» он скорострительно скончался.

После доклада в Тель-Авивском университете я четыре дня пробыл в городе у знакомых. Мы еще раз посетили Хайфу, побывали в Кесарии. 10 июня я возвратился в Москву.

Зарубежные поездки были той отдушиной, которая спасала от перестроечного напряжения. Меня уже стали раздражать бесконечные заседания дирекции, разного рода методологические семинары, заседания Ученого Совета Института. Кроме того, меня избрали секретарем партийного бюро Отдела истории КПСС и приходилось проводить его заседания, принимать участие в заседаниях парткома Института, отдельных и общеинститутских партийных собраниях. Благо, что я серьезно не воспринимал происходящую перестроечную лихорадку. Мне все чаще и чаще хотелось уйти из своего кабинета в читальный зал библиотеки Института и читать там дореволюционные газеты. В это время я начал собирать материал о деятельности русских либералов в годы первой мировой войны. Одновременно продолжал работать по совместительству в МВПШ. В 1991 году Ученый Совет МВПШ присвоил мне ученое звание профессора по кафедре политической истории.

Много времени приходилось уделять также подготовке к заседаниям редколлегии журнала «Вопросы истории», членом которой я был утвержден 28 января 1988 года постановлением бюро Отделения истории АН СССР. С 1988 года меня утвердили членом экспертной комиссии по отечественной истории ВАК СССР.

К середине 1988 года несколько поутихли «страсти» вокруг выдвижения новой концепции КПСС. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о подготовке «Очерков истории КПСС». Был сформирован авторский коллектив, приглашены ученые из академических институтов Москвы и Ленинграда. От ИМЛ в авторских коллектив вошли: В.В.Журавлев, В.А.Козлов, Г.А.Бордюгов, Н.А.Барсуков, А.Г.Здравомыслов и я.

Памятна первая встреча с руководителем коллектива — членом Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлевым. Она состоялась в его кабинете на Старой площади. Александр Николаевич, верный тогда горбачевец и, как его тогда еще называли, «духовный отец перестройки», в своем выступлении наметил лишь общие контуры задания, сознательно отказавшись затрагивать теоретические и методологические проблемы. Когда ему в ходе беседы об этом напомнил член-корреспондент АН СССР Ю.А.Поляков, то Яковлев ответил, что авторский коллектив, внимательно изучив совокупность фактов, должен сам, без подсказки свыше, разработать кон-

цепцию «Очерков». Поэтому нет смысла предварять авторские выводы и наблюдения. Одновременно он заявил, что авторам будет предоставлена возможность беспрепятственно получать любые архивные документы и материалы, за ними закрепят дачу ЦК КПСС «Серебряный бор». На этой обнадеживающей ноте встреча закончилась. Текущая организационная работа была возложена на доктора исторических наук, профессора В.П.Наумова, с которым мы поддерживали контакты на протяжении всего времени работы над «Очерками».

Поисковую работу в архивах мы вели совместно со Станиславом Тютюкиным. Нам была выделена в «Очерках» своя «делянка», период истории РСДРП с 1905 по февраль 1917 года. Вначале предполагалось, что это будут две главы, которые затем войдут в «Очерки». Однако затем задание было изменено, и мы должны были готовить отдельную книгу. В ЦПА ИМЛ авторскому коллективу предоставили отдельный кабинет, мы могли заказывать документы и материалы в неограниченном количестве. В ходе работы были просмотрены практически все необходимые нам архивные фонды, включая и те, к которым ранее не было доступа. Оказалось, что в ЦПА нет каких-либо сенсационных документов и материалов, о которых так надсадно вопила «демократическая» пресса. Тем не менее фронтальный просмотр

коллекции ЦПА был весьма полезен. Мне, в частности, удалось познакомиться с материалами по делу Романа Малиновского, которые, действительно, исследователям тогда не выдавали, а Станислав Тютюкин обнаружил кое-какой материал для своей монографии о меньшевиках.

В апреле 1990 года нам была предоставлена возможность поработать на даче ЦК КПСС в Серебряном бору, практически в черте города. Дача расположена в живописном месте. Для работы были созданы прекрасные условия: питание, транспорт и т.п. После обеда каждый день совершали прогулки по сосновому хвойному лесу вдоль Москвы-реки, а по вечерам смотрели фильмы, которые сами же и заказывали. Как-то на дачу приехал А.Н.Яковлев. Когда авторы, работавшие по советскому периоду, напомнили ему об обещании предоставить возможность поработать в текущем архиве ЦК КПСС и архивах КГБ, то Яковлев стал ссылаться на трудности, заявил, что специальные «красные» папки Политбюро лучше не трогать. В то время Политбюро еще не решалось обнародовать секретные протоколы 1939 г. с Германией и материалы Катынского дела. По воле случая я в тот день сидел рядом с Яковлевым и сказал ему: «Зачем же Вы так мучаетесь, сожгите все эти «красные» папки и дело с концом?» Он исподлобья взглянул на меня, но ничего не ответил.

Позднее мы были свидетелями публичного «раздевания» Горбачева и Яковлева, которые обнародовали секретные протоколы 1939 года. Естественно, и Горбачев, и Яковлев были прекрасно осведомлены о содержании «красных» папок Политбюро, но информацией делиться не хотели, еще очень «цеплялись» за власть. А власть Александр Николаевич, как было видно невооруженным глазом, очень любил и никак не хотел с ней расставаться. Вся его манера туманно высказываться, что-то держать в уме и одновременно делать вид, что ему доступны какие-то тайны, уже тогда хорошо просматривалась. Ой, хитер был член Политбюро ЦК КПСС, Александр Николаевич Яковлев! Ой, хитер был, бестия!

На даче в Серебряном бору нами был подготовлен первый вариант рукописи монографии. Она неоднократно обсуждалась, высказывались замечания, предложения и т.п. После неоднократных доработок рукопись была одобрена, и нам рекомендовали ее опубликовать в Политиздате.

Май-июнь 1991 года я провел на цеховской даче в Горках-Х. Это бывшая дача А.М.Горького, где он жил и умер. Именно здесь и продолжал работать небольшой авторский коллектив «Очерков»: Н.А.Барсуков, В.А.Козлов, Г.А.Бордюгов, В.С.Сельчук, О.А.Ржешевский, И.К.Пантин, Е.Г.Плимак, В.И.Старцев, Ю.А.Поляков и

я. Станислав Васильевич в то время приехать не смог. Уже тогда было предельно ясно, что положение в стране и партии стало критическим.

Результаты деструктивных явлений, как в капле воды, отражались в институтской партийной организации. В парткоме ИМЛ были и сторонники, и противники единой КПСС, демократической платформы в КПСС, КПРФ. Помню последнее партийное собрание Отдела истории КПСС, в ходе которого страсти накалились до предела: одни ратовали за сохранение единства КПСС, другие объявляли себя сторонниками КПРФ, третьи предлагали поддержать демократическую платформу внутри КПСС. Мне как секретарю партийного бюро Отдела с трудом удалось свернуть эту бессмысленную дискуссию и закрыть собрание, которое было уже неспособно адекватно оценить политическую ситуацию. Люди перестали понимать, что же происходит в стране и партии и чем все это может закончиться.

В этой обстановке было очевидно, что Политбюро явно не до «Очерков истории КПСС». Осознав это, я, отложив в сторону рукопись, работал над статьями по истории русского либерализма, готовился к докладу на международном коллоквиуме в Ленинграде. И тем не менее, несмотря на всю царящую сумятицу, нам удалось опубликовать цикл статей по

истории РСДРП в журнале «Вопросы истории КПСС».

В издательстве «Знание» была опубликована наша брошюра. В полном виде совместная монография, написанная в 1989—1991 гг. с С.В.Тютюкиным, появилась лишь в 1996 году в издательстве РОССПЭН.

Атаки межрегиональной парламентской группы во главе с А.Д.Сахаровым на 6-ю статью Конституции, поддержка идеи ее отмены ангажированной интеллигенцией возымели свое действие. Статья была отменена, началась перестройка всех партийных структур, в том числе и ИМЛ при ЦК КПСС. Для директора Института академика Г.Л.Смирнова наступили «жаркие» дни. Он отдавал себе отчет, что на посту директора его уже не оставят, но сам добровольно уходить не собирался. Заведующим отделами и секторами дирекция предложила подумать и внести свои соображения о новом названии Института, о переименовании отделов и секторов. Я тогда предложил такое название — «Институт социальных исследований». Наш отдел мог быть переименован в «Центр истории политических партий и движений». Были десятки других предложений, которые также оказались невостребованными.

По решению Политбюро ЦК КПСС ИМЛ был преобразован в Институт теории и истории социализма ЦК КПСС. Новым его директором

был назначен помощник секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро В.Медведева доктор философских наук М.К.Горшков. Первым заместителем директора был назначен В.В.Журавлев, сохранивший за собой пост заведующего отделом. Я был назначен на должность заместителя заведующего отделом с сохранением должности заведующего сектором.

В Институте началась переаттестация сотрудников, реформирование отделов и секторов. Принимая решение об реорганизации ИМЛ, Политбюро четко не представляло, какие проблемы будет решать новая научная структура. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствовал визит в Институт заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС В.А.Ивашко. Собравшиеся в актовом зале сотрудники надеялись, что член Политбюро все же скажет что-то путное и более или менее прояснит ситуацию. Появления в зале руководства Института вместе с Ивашко пришлось долго ждать, впрочем, было бы лучше, если бы эта встреча совсем не состоялась, ибо выступление Ивашко было примитивным и беспомощным. Несомненно было одно: Политбюро ЦК КПСС не только не имеет какой-либо определенной программы реформирования страны, но даже смутно представляет себе основные линии перестройки собственной идеологической структуры — Института теории и истории социализма ЦК КПСС. Правда,

еще в рамках ИМЛ был создан отдел публикации источников по истории КПСС, которому поручалось к 100-летию КПСС, т.е. к 1998 году, издать документы и материалы партийных съездов, конференций и пленумов ЦК. Этот отдел возглавил Н.В.Блинов. К нему перешел тогда ряд сотрудников моего сектора, что меня вполне устраивало.

Завершив работу в Горках-Х, я решил отдохнуть в санатории «Загорские дали». Год был напряженным: тяжелая болезнь отца, окончание сыном средней школы и его поступление в Российский гуманитарный университет. В период работы в ИМЛ нам удалось побывать на Валдае, в Крыму («Морской прибой»), на Волге («Волжский утес»). Поездка в санаторий «Загорские дали» проходила уже в иных условиях и оказалась последней.

19 августа 1991 года в Москве начались события, которые, образно говоря, через некоторое время «перевернули мир». Генсек, и он же Президент, безмятежно отдыхал в Форосе. А в Москве его бывшие партийные «друзья» решили устроить небольшой «сабантуйчик»: ввели войска и бронетехнику. По телевизору бесконечно крутили «Лебединое озеро», в перерывах зачитывали указы ГКЧП, информировали граждан о «нездоровьи» Генсека, временном переходе его обязанностей к вице-президенту Геннадю Янаеву, говорилось о введении чрезвычай-

ного положения. Когда же я посмотрел пресс-конференцию, проводимую ГКЧПистами во главе с Янаевым, стало предельно ясно, что эти ребята неспособны принять путное решение.

Санаторий «Загорские дали» бурлил. Отдыхающие забыли о процедурах, не отходили от телевизора, толпились у телефонов-автоматов. Все называли в Москву родным, близким и знакомым, сбивались в стайки и обменивались мнениями. Все смешалось: появились сторонники ГКЧП, ельцинисты, «центристы» и защитники «бедного» и «больного» Горбачева и т.п. Кое-кому стало плохо, и их отправили на «скорой» в Москву.

Я тоже несколько раз порывался ехать в Москву, звонил Вадиму, друзьям. 19-20 августа никакой ясности еще не было. Но любопытно: один мой друг советовал срочно телеграфировать на работу о немедленном выходе из КПСС. Он мне сообщил, что уже вышел из партии. Более мудрые люди советовали ни на что не обращать внимание и продолжать спокойно отдыхать. Вадим, проводивший тогда много времени на улицах Москвы, давал более полную и взвешенную информацию, которая не соответствовала телевизионным передачам. В конечном счете я решил не прерывать отпуска и остаться в санатории. Из КПСС выходить я не собирался, ибо не мог морально предать тех, кто меня в свое время рекомендовал в члены партии

(моего покойного руководителя Л.М.Иванова, А.Я.Авреха и Станислава Тютюкина). Но уже тогда принял решение, что не буду участвовать впредь ни в каких общественно-политических движениях.

Срок пребывания в санатории закончился, и мы на машине поехали в Москву. ГКЧПисты добровольно капитулировали, их руководители были арестованы. Не обошлось и без трагедий: покончили с жизнью, или же им помогли это сделать, верные горбачевцы — министр внутренних дел Пуго с супругой и советник Горбачева по военным вопросам, маршал СССР Ахромеев. Между тем «форосский узник» был «освобожден» одним из «демократических» лидеров, героем афганской войны, генералом Александром Руцким и доставлен на самолете в Москву. Изображая из себя невинного агнца, Горбачев, оставаясь формально до декабря 1991 года Президентом СССР, продолжал заниматься политической эквилибристикой. Но было поздно, ибо его оппонент по Политбюро ЦК КПСС Б.Н.Ельцин уже «оседлал» политическую ситуацию. Горбачев отказался от поста Генсека и тем самым окончательно предал и развалил КПСС. Деятельность КПСС была приостановлена, и демократы готовили над коммунистами Нюрнбергский процесс. В эти дни участились случаи самоубийств управляющих ЦК КПСС, которые, по необъяснимым

причинам, предпочитали расставаться с жизнью, выпрыгивая из окон своих фешенебельных квартир.

Победители праздновали пиррову победу, предлагали союзным политическим элитам брать столько суверенитета, сколько они способны проглотить и переварить. На свои аппетиты местные партбоссы никогда не жаловались! Хватали, не переваривая, как удавы. В декабре 1991 года три «беловежских зубра», окончательно обезумев от выпавшего на их долю счастья, развалили СССР и довольные разъехались по своим сатрапиям. Это было начало большой Беды. В эйфории того бесшабашного времени мало кто осознал, что случившаяся Беда рано или поздно коснется каждого. Она грозила экономике, науке и культуре, социальным завоеваниям, личной безопасности граждан. Но как это всегда бывает, все надеялись, что Беда их не заденет и пройдет мимо. Это было величайшее и далеко не последнее заблуждение.

В самый разгар августовских событий 1991 года обязанности директора Института теории и истории социализма ЦК КПСС исполнял В.В.Журавлев. М.К.Горшков в это время был в отпуске. На Валерия Васильевича и обрушились первые знаки и удары Беды. Произошло много удивительных вещей. В свое время Журавлев пригласил на должность заведующего

одним из секторов отдела истории КПСС старшего научного сотрудника Института истории СССР В.А.Козлова, который долгое время был в фаворе у директора Г.Л.Смирнова и Идеологического отдела ЦК КПСС. В.А.Козлов, его тогдашний друг Г.А.Бордюгов совместно с В.Т.Логиновым громили писателя В.Солоухина за его критику Ленина, защищали вождя мирового пролетариата от других нападков и в печати, и по телевидению, являлись последовательными сторонниками бухаринской альтернативы социализма и т.д. Ребята они толковые, умеющие хорошо писать. Мне пришлось быть с ними на дачах и в Серебряном бору, и Горках-Х, мы много беседовали, спорили. Эрудиции и способностей им не занимать. Я даже себе представить не мог, что эти два приверженца Ленина первыми прибегут в Институт, будут стоять под дверью отдела кадров, дожидаясь его открытия, срочно заберут свои документы и, не попрощавшись с Журавлевым, который долго им покровительствовал, сбегут из учреждения, давшего им приют и стимул для научного роста. Это весьма поучительный факт! Август 1991 года стал временем проверки людей на «прочность». К сожалению, многим и многим не удалось выдержать испытаний и искушений.

После приостановления деятельности КПСС Институт теории и истории социализма ЦК

КПСС был закрыт. Его дела должна была в двухмесячный срок решить ликвидационная комиссия. Положение было весьма трудным. В начале сентября 1991 года возникла идея предложить Р.Г.Пихое, который тогда возглавил архивную службу Российской Федерации, создать на базе бывшего ЦПА ИМЛ независимое научно-исследовательское учреждение. О.В.Волобуев, С.В.Кулешов, В.В.Журавлев и я оперативно разработали и представили Пихое проект такого учреждения. Но ответа на наше предложение мы так и не получили. В те времена Рудольф Германович был вхож к самому главному демократу и в нашем лице, видимо, усматривал партократов, с которыми не следует иметь никакого дела, и, более того, от которых лучше держаться как можно дальше. Жизнь показала, кто был прав, а кто...

Нужно отдать должное последнему директору Института теории и истории социализма М.К.Горшкову, которому, несмотря на все трудности и чинимые препятствия, удалось создать на базе ликвидированного Института принципиально новое научно-исследовательское учреждение — Российский независимый Институт социальных и национальных проблем. Получив в аренду материально-техническую базу и инфраструктуру бывшего ИМЛ, М.К.Горшков привлек ряд учредителей. В ок-

тябре 1991 года новый Институт был зарегистрирован, его Генеральным директором назначен М.К.Горшков. На собрании трудового коллектива, ставшего базовым учредителем Института, меня избрали председателем трудового коллектива. Началось формирование новых научных подразделений и подбор кадров.

*Глава одиннадцатая***РНИСиНП и РОССПЭН**

Российский независимый институт социальных и национальных проблем — одно из первых внебюджетных научных учреждений в современной России. Статус независимости давал возможность реализовать многие научные замыслы, которые немыслимо осуществить в рамках бюджетных структур. В Институте созданы научные подразделения, способные оперативно ставить и решать исследовательские задачи. Нам с В.В.Журавлевым такой подход в принципе нравился, ибо каждый из нас уже давно мечтал заняться тем делом, которое ему импонировало.

Мы придумали и название нашего научного Центра — Центр политической и экономической истории России, наметили его основные научные направления: история тоталитаризма в СССР (руководитель — доктор исторических наук, профессор А.П.Ненароков), история предпринимательства в России (руководитель — кандидат исторических наук А.К.Сорокин), ис-

тория политических партий и движений России (это направление выпало на мою долю) и общеобразовательная программа, которую возглавил В.В.Журавлев. Нам также было предоставлено право подобрать и коллектив научных сотрудников. Основной костяк был переведен из прежнего отдела, а некоторых пригласили из других научных учреждений. По сравнению с отделом ИМЛ, новый Центр стал небольшим, но более мобильным, эффективно действующим.

Разработанная мной программа включала подготовку как собственно монографических исследований, так и фундаментальных публикаций источников по истории политических партий России. Решать ее предстояло небольшому коллективу. Я был рад, что работу по программе продолжили: Н.Канищева, Д.Павлов, Л.Г.Анохова, О.Н.Лежнева, В.В.Кривенький, А.Ю.Морозова, Н.Н.Тарасова, С.А.Степанов, Н.Д.Постников. Конечно, тогда у сотрудников было много разного рода сомнений и вполне понятных тревог относительно «выживания» Института. Не все смогли выдержать трудности и кое-кто вынужден был уйти из Института. К сожалению, в новые банковские структуры перешла моя аспирантка, талантливый и добрый человек Наталья Тарасова. Через два года В.П.Наумов переманил к себе Диму Павлова, оставшегося, правда, на полставки в Центре.

Программа «История политических партий и движений в России» включала в себя публикацию многотомного фундаментального труда «Протоколы ЦК кадетской партии и ее зарубежных групп». Будучи в Израиле, мне удалось убедить Шмуэля Галая начать подготовку этого издания, не имеющего аналога ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, изыскать финансовые средства. Во время его очередного приезда в Россию мы смогли решить вопрос с директором «Прогресс-Академия» О.А.Зимариным о публикации этого шеститомного проекта. К сожалению, Зимарин, издав первый том «Протоколов ЦК кадетской партии», оказался в дальнейшем не в состоянии выполнить договоренность. Публикацию последних томов осуществляет теперь издательство РОССПЭН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Одновременно сотрудники работали над завершением некоторых прежних проектов: Н.Н.Тарасова и В.В.Кривенький — над публикацией «Программы политических партий России»; Н.Канищева и О.Н.Лежнева — над книгой Н.Валентинова «Недорисованный портрет...»; Алла Морозова — над рукописью А.А.Богданова «Десятилетие отлучения от марксизма»; Николай Постников — над сборником «Политические партии России. 1907—1917 гг. Количественный анализ». Я же сосре-

доточился на монографии «Либеральная модель переустройства России», которая должна была завершить цикл моих исследований по русскому либерализму.

Сотрудники ворчали, сетовали на трудности жизни, но дело свое делали. В первое время основная трудность была связана с тем, что научные труды публиковались в условиях полной финансовой дестабилизации и развала издательского дела в стране. Однако нам удалось найти общий язык с директором издательства «Терра» С.А.Кондратовым, молодым и энергичным предпринимателем, сумевшим в сравнительно короткий срок создать одно из крупных и популярных издательств в России. Обладая профессиональным чутьем и знанием книжного рынка, он был не чужд некоторого эпатажа в отношении новой власти, придерживался независимой позиции. В издательстве «Терра» Центр выпустил первые свои книги: «Горбачев и Ельцин», «Ельцин и Хасбулатов», сделавшие имидж Институту. В этом же издательстве вышла книга Н.Валентинова «Недорисованный портрет...», а затем еще две книги — «Политическая история России в партиях и лицах» (вып. 1—2). После проведенных презентаций об Институте заговорили в печати, стали появляться положительные рецензии на его издания. К сожалению, тогда мы были вынуждены отдавать свои труды фактически за бесценок, ибо глав-

ным было их публикация. Так, за символическую плату нами была передана в РЦХИДНИ рукопись подготовленной книги «Десятилетие отлучения от марксизма» А.А.Богданова, «Воспоминания» Ю.О.Мартова.

Еще в 1990 году возникла идея подготовить энциклопедию «Политические партии России». Помню, как мы в коммунальной квартире у О.А. и Н.П.Зимариных обсуждали проект этого издания. Вначале Олегу Зимарину удалось убедить руководство издательства «Прогресс» оказать финансовую поддержку этому проекту. Был сформирован большой коллектив авторов, подготовлен словник. К сожалению, издательство «Прогресс» не выполнило своих обязательств и вскоре отказалось от финансирования проекта. Пришлось изыскивать иные пути реализации этой идеи.

Осенью 1991 года возникла мысль о создании Ассоциации «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), которая должна была объединить вокруг себя наиболее талантливых и перспективных молодых ученых. В ноябре 1991 года Ассоциация была зарегистрирована в Минюсте, а Олег Зимарин предоставил ей комнату в издательстве «Прогресс-Академия». В Ассоциацию вошли уже давно знакомые друг другу люди: О.В.Волобуев, супруги Зимарины, Андрей Сорокин, Валентина Веденеева, Надя Канищева, Дима Павлов. Президен-

том Ассоциации решили избрать меня, а председателем правления — Андрея Сорокина.

С Андреем мы были знакомы сравнительно недавно, изредка встречались по дороге на работу в ИМЛ, где он тогда работал в секторе В.И.Ленина, но фактически занимался экономической историей России, написал и защитил кандидатскую диссертацию на эту тему. У нас были общие знакомые, в том числе и в лице его научного руководителя В.И.Бовыкина. Андрей сразу привлек мое внимание своей основательностью, рассудительностью, а главное — преданностью науке. Нравилось и наличие у него организаторской жилки, способность к генерированию новых идей и умение их реализовывать. Я рекомендовал Андрея В.В.Журавлеву в качестве руководителя программы «История предпринимательства в России».

На посту председателя правления Ассоциации Андрей оказался просто незаменим. В кратчайшие сроки ему удалось наладить контракты с рядом научных учреждений, общественно-политических движений, раздобыть минимум средств. Организаторский талант Андрея в полной мере проявился уже при реализации Ассоциацией первого крупного издательского проекта, который осуществлялся по заказу Акционерной компании «Золото Якутии» Республики Саха. К очередному юбилею Якутии компания заказала переиздание книги В.Л.Серошевского

«Якуты». Книга была подготовлена в фантастически короткие сроки и позволила сделать первый шаг в материально-техническом оснащении Ассоциации, а главное — продолжить работу над энциклопедией «Политические партии России». Вскоре Андрей выпустил в свет вторую книгу — «Политические партии современной России», которая мгновенно разошлась и до сих пор пользуется успехом в политических кругах.

Одновременно возникла мысль о подготовке второй энциклопедии — «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции», которая получила поддержку наиболее преданных науке членов Ассоциации. Н.Канишева и И.С.Розенталь подготовили словник, сформировали авторский коллектив. Душой издания стала Надя. Именно на нее легла основная тяжесть организационной и редакторской работы. Не преувеличу, если скажу, что она совершила подлинный подвиг не только как ученый, но и как истинно русский православный человек, выполнивший свой моральный долг. В эмигрантских кругах неоднократно предпринимались попытки создать подобного рода книгу, но по разным причинам этого сделать так и не удалось. Энциклопедия вышла в свет и уже вызвала широкий общественный резонанс в России и за рубежом.

После ряда больших, а порой, казалось, непреодолимых трудностей, нам все же удалось

продвинуть работу и над энциклопедией «Политические партии России». Кураторы издания И.С.Розенталь, Н.Д.Ерофеев, В.В.Кривенький сделали максимально возможное, чтобы «раскачать» авторов, убедить их в том, что дело с этой книгой не безнадежно. Но собрать авторские статьи — это еще полдела, самое трудное — редактирование и научно-техническая работа. И здесь настоящий подвиг совершили Алла Морозова, Лидия Анохова и Владимир Теньюков, сумевшие преодолеть все преграды. Энциклопедия вышла в свет в издательстве РОССПЭН.

Постепенно деятельность Ассоциации наладилась и стала общественно значимой. Ассоциация была принята в две вновь созданные Академии — Российскую Академию Естественных наук и Международную Академию Информатизации при ООН. Об издательской деятельности Ассоциации стало известно за рубежом, и ряд крупных западных историков обратились с просьбой перевести и издать их труды. В России, в частности, были изданы двухтомная монография «Русская революция» и книга «Россия при большевиках» американского историка Ричарда Пайпса.

Прочные контакты были установлены с Российским гуманитарным научным фондом, который возглавил доктор философских наук, профессор Е.В.Семенов, талантливый ученый и умный человек, который чутко и оперативно

реагирует на потребности гуманитарных наук. Ассоциация получила грант на подготовку и издание двух вышеназванных энциклопедий, а также грант на подготовку и издание двадцати-четырёхтомной публикации «Политические партии России. Документальное наследие». В реализации этого проекта участвует большой круг ученых. В настоящее время свет увидели несколько томов этого издания.

Работу в РНИСиНП и РОССПЭН я продолжал совмещать с преподаванием в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) и Московском педагогическом университете (МПУ), где соответственно на кафедре отечественной истории нового времени и кафедре отечественной истории и культуры России начала XX века читал общий курс истории, вел спецкурсы и спецсеминары по истории русского либерализма, истории политических партий. Есть у меня и дипломники, и аспиранты, и докторанты. Из десяти аспирантов пятеро уже защитили кандидатские диссертации, а И.В.Нарский — мой первый аспирант — недавно защитил докторскую диссертацию. Часто меня приглашают выступать и в качестве официального оппонента по защите докторских и кандидатских диссертаций. За последние пять лет мне пришлось оппонировать более 25 докторских и кандидатских диссертаций.

К счастью, после августовских событий 1991 года стала реже собираться редколлегия журнала «Вопросы истории», где я продолжаю числиться членом. Аналогичная ситуация сложилась с журналами «Власть» и «Кентавр», где я входил в состав редакционных советов, хотя на их заседаниях ни разу не присутствовал. Продолжаю изредка посещать заседания ВАК.

В последние годы в России началась новая «эпидемия»: создание разного рода академий. Любая эпидемия, как известно, «заразна». «Переболеть» пришлось и мне, и моим друзьям: О.В.Волобуеву, В.В.Журавлеву, С.В.Кулешову, А.К.Сорокину. В июне 1993 года я был избран действительным членом Международной Академии Информатизации по отделению политологии, президентом которой стал Е.Л.Черников, а я вице-президентом. В октябре 1995 года меня избрали действительным членом Академии Поэтической Науки. В 1997 году я был избран действительным членом Академии Гуманитарных наук и Российской Академии естественных наук.

Чем больше появляется разного рода регалий, тем меньше времени остается собственно у меня научно-исследовательской работы. Не успеешь закончить одно дело, как тебе предлагают еще несколько. В 1992 году профессор А.И.Зевелев привлек меня к написанию учебника «История политических партий России». Вроде бы

моя проблематика — пришлось согласиться. Одновременно профессор А.П.Логунов решил подготовить учебное пособие по отечественной истории нового времени. Опять было невозможно отказаться, ибо я работаю профессором на этой кафедре. Только завершили работу над этими книгами, сам предложил подготовить книгу «Дебаты о земле в Государственной Думе». Закончили и эту книгу. О.В.Волобуев и В.В.Журавлев задумали коллективную монографию «Власть и оппозиция».

Кроме того, директор издательства «Терра» С.А.Кондратов предложил нашему Центру подготовить альтернативную серию учебников для средней школы. Опять пришлось заниматься разработкой концепции всей серии учебников, формировать авторские коллективы, участвовать в обсуждениях, редактировании текстов и т.д. Практически за полтора года нам удалось подготовить восемь учебников для средней школы, шесть из которых уже вышли в свет. В настоящее время готовим коллективную монографию «Национальные интересы России».

Как я себе ни давал слова больше не участвовать в разного рода «круглых столах», научных симпозиумах и конференциях, друзьям и коллегам все же удавалось меня уговорить выступить с докладами и сообщениями. С 1994 года кафедра отечественной истории нового

времени РГГУ каждый год проводит межвузовские научные конференции, участие в которых представляется весьма полезным. В течение 1995 года работал проблемный семинар «Либерализм: идеи, опыт, современность», организованный на базе журнала «Открытая политика», где мне неоднократно приходилось полемизировать с «демократами» гайдаровского толка, пытающимися, в какой уже раз, насадить в России модель западной цивилизации. Ох, как не походи, а главное, далеки от русских либералов начала XX века современные либеральные демократы. Нет у них ни своего Милюкова, ни своего Кокошкина, ни своего Струве, ни своего Бердяева!

Не могу не вспомнить о своем новом опыте. Речь идет об участии в передаче на радио «Россия». В сентябре — начале октября 1993 года политическая обстановка в России приобрела взрывоопасный характер, противостояние между ветвями исполнительной и законодательной власти достигло критической точки. В воскресенье, 3 октября, меня пригласили выступить на радио «Россия» и рассказать о Государственных думах начала XX века, о том, как они работали, какова была избирательная система, сопоставить прошлое с современностью. Стоял солнечный теплый день. Мы с сыном Станиславом поехали в Останкино. В четыре часа дня там все было спокойно. Получили пропуски и

направились в радиостудию. Вход охраняли несколько милиционеров в бронежилетах, которые беззаботно переговаривались друг с другом. За нами должны были прийти со студии. Мы сидели на скамейке рядом с милицейским пунктом. Вдруг по радиации (все было прекрасно слышно) стали сообщать о передвижении в сторону Останкино колонн демонстрантов от Белого дома. К этому времени осада Белого дома была прорвана и его защитники, забрав брошенную милиционерами и омовцами технику, направились штурмовать «империю зла». Охрана радиостудии зашевелилась, напряглась, лица милиционеров были растеряны. Было видно, что они просто не знали, что делать дальше. Тут за нами пришли.

Поднялись в студию радио «Россия». Когда мы вышли в эфир, ведущая задала вопрос: «Как доехали, какая погода?» Я ответил, что стоит прекрасная погода, ярко светит солнце, улицы, по которым мы ехали, полупусты. Уже в где-то в середине передачи я заметил, что в студии началось тревожное движение: забегали сотрудники, обстановка стала нервной. Время передачи нам немного продлили, ибо кто-то следующий, выступающий за мной, в студию не приехал. Поэтому я успел «сравнить» и прошлый и настоящий режимы, сказать о сходстве Основных законов 1906 года и проекте ельцинской Конституции и т.п. Когда закончилась

передача, а она шла в прямом эфире, ведущая мне сказала, что в следующий раз меня лучше предварительно записывать на пленку, а уж потом выпускать в эфир. Но, увы, что было сказано, то было сказано!

В студии к шести часам вечера атмосфера предельно накалилась. Странники демократического режима боялись возможной расправы. Ведущая попросила одну из сотрудниц проводить нас к запасному выходу, ведущему не к телецентру, а к железнодорожной платформе. Этот выход охранялся всего одним милиционером. Покинув здание радиостудии, мы решили все же посмотреть, что происходит у самого телецентра. Там уже скапливались толпы народа, продолжали прибывать грузовики, автобусы, битком набитые людьми, которые на скрывали своей радости, размахивали красными флагами, пели песни. У телецентра через мегафон шли переговоры. Генерал Альберт Макашов «дал» охране 15 минут для раздумья. Понимая, что оставаться на противоположной от здания телецентра стороне опасно, мы со Станиславом быстрым шагом пошли к метро ВДНХ. Пройдя примерно метров пятьсот, услышали выстрелы.

Станислав предложил съездить и посмотреть, что происходит у Белого дома. Там валялась разодранная в клочья колючая проволока, стояли брошенные и разбитые машины, ликовали толпы народа. С балкона Белого дома один

за другим выступали ораторы, объявляя о народной победе над ельцинским антинародным режимом, сообщали адреса, куда следует доставлять информацию о происходящих событиях. Сменяя друг друга, у микрофона выступали представители партийных и комсомольских организаций Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, Грузии, Армении, Азербайджана, Среднеазиатских республик, от автономий, краев и областей России. Эйфория победы вскружила всем голову. Неуправляемая толпа утратила ощущение реальности и чувство опасности. Многим казалось, что победа уже одержана. Наивные люди! Кто же добровольно отдает власть? Режим уже давно готовил решающий бой, да такой, который бы надолго всем запомнился и отвадил желающих выступить против власти. Но, увы! Никому не дано знать своего часа!

Мы поехали домой и уже по телевизору наблюдали за событиями, которые тогда разворачивались в Москве. 4 октября у меня в РГГУ должны были состояться занятия, и мы со Станиславом поехали в старое здание университета на Никольской улице. Еще с прошлой ночи на Никольской оставались бутафорские баррикады, сооруженные из мусорных баков и остатков киосков, а вокруг них разгуливали заросшие щетиной защитники. Выяснилось, что за-

нятия в университете отменили, но об этом, естественно, никто не сообщал. Я со студентами поехал в новое здание университета на Миусскую улицу. Студенты намеревались ехать к Белому дому, и я не имел права их бросить. На Новослободской уже были слышны автоматные выстрелы и глухое бухание танковых орудий. Отговорить ребят идти к Белому дому мне не удалось, и мы пешком двинулись к метро Белорусская, а затем вышли в район зоопарка. Здесь уже отчетливо гремели выстрелы, пахло порохом. Возле зоопарка стояли цепи солдат и никого не пропускали. Порой толпа на них напирала, и солдаты поверх голов открывали автоматный огонь. Люди разбегались по переулкам, снова собирались в кучки, живо обсуждали происходящее. В толпе слово «демократ» произносилось как бранное слово, а Ельцина прямо называли «Борис Кровавый».

Оказывается, простой народ помнил о Кровавом воскресеньи 1905 года и сравнивал с ним события 4 октября 1993 года. Вскоре мы со Станиславом поехали домой и целый день смотрели телевизор. При виде варварского расстрела Белого дома сердце обливалось кровью. В тот же день, вечером, мне рассказал один из защитников Белого дома о том, что происходило внутри здания и как им удалось оттуда выбраться живыми. Новый режим торжествовал

победу, которая в перспективе окажется пирровой.

После октябрьских кровавых событий 1993 года все немного стали другими. Никогда кровь не проливается даром, она на протяжении длительного времени будет тревожить как защитников Белого дома, так и тех, кто их расстреливал. От судьбы не уйдешь. Мартиролог тех, кто стрелял, с каждым днем пополняется — октябрьские дни 1993 года уже никогда не вычеркнуть из народной памяти, как нельзя из нее вычеркнуть Ходинку и 9 января 1905 года, 1937 год, Новочеркасск... Октябрь 1993 года обозначил кровавый маршрут: Москва—Таджикистан—Чечня. Демократы, посадившие на престол генерала Дудаева и объявившие о зеленой демократической революции в Чечне, посеяли ветер, который стал разносить угли войны в Буденновск, Кизляр и Первомайское. Сейчас уже никто не может предугадать, в какую сторону еще подует кровавый ветер, где он еще разожжет угли ненависти и противоборства, кто станет очередной жертвой.

Что-то порвалось в моей душе, почему ей тоскливо? Одно дело, когда ты изучаешь историческое прошлое, и совсем другое — творящаяся на глазах История. Причем История трагическая, с отрицательным знаком.

Неспокойным и тревожным было начало 90-х годов. Летом 1992 года мы со Станиславом по-

ехали в Кузнецк. Буквально через день после приезда раздался звонок и Светлана сообщила об автомобильной катастрофе, в которую на Приморском шоссе в Ленинграде попал мой брат. Брат и его младшая дочь, получившие травмы, остались живы, а его жена Лена погибла. В тот же день мы выехали в Москву, а на следующий день я отправился в Ленинград. Тяжело хоронить молодых и здоровых людей, которые еще могли бы жить и жить. Брат находился в тяжелом состоянии, и ему врачи не разрешили быть на похоронах. Я его поехал навеситить в Сестрорецк, где он тогда лежал в больнице. Долго разговаривали, вспоминали. На следующий день я навеситил в ленинградской больнице свою племянницу Катю. До сих пор в памяти ее слова: «Дядя Валя, вы знаете, я забыла таблицу умножения». Старшая сестра Наташа ее успокаивала, а мне, взрослому мужику, хотелось реветь.

После операции 1991 года ухудшилось состояние отца. Через год ему сделали, на сей раз уже в Кузнецке, последнюю операцию. Было ясно, что силы его покидают. Не дожив четырех дней до своего дня рождения, 10 сентября 1993 года, отец умер. Мы его похоронили рядом с дедом, недалеко от церкви. Мама с сестрой остались одни. Моя мама стала все чаще и чаще болеть, у нее ухудшилось зрение.

На фоне происходящего даже поездки за границу уже не приносили мне прежнего отдохновения. В январе 1994 года я был приглашен на международный симпозиум в Англию. Прилетев поздно ночью в Лондон, поехали в знаменитый курортный город Бат, там меня встречал секретарь-организатор симпозиума. Утром осматривали прекрасный город, где в римскую эпоху патриции любили купаться в банях, услаждая свое тело благовониями и ведя беседы на философские темы. После обеда отправились в Оксфорд. Студенты были на каникулах, и нас поселили в общежитие, где царил жуткий холод. В течение двух дней участники симпозиума обсуждали различные проблемы российской истории XX века. Я выступил с докладом «Либералы и Дума» и сообщением о деятельности РОССПЭНа.

В ходе работы симпозиума познакомился с Джоном Морисоном, профессором истории в Литцском университете; встретились с Галаем и Гецлером, а также ленинградскими и московскими коллегами В.И.Старцевым и Сергеем Кудряшевым.

После окончания симпозиума возвратились в Лондон, где в «Президент-отеле» я провел почти двое суток. Целый день бродили со Шмуэлем Галаем по Лондону: любовались Вестминстерским дворцом и Трафальгарской пло-

шадью, были на Даунинг-стрит; пили прекрасный кофе в уютных кафе, а вечером посидели в индийском ресторане. После отлета Галая в Израиль роль гида взял на себя Буббауэр, с которым мы посетили Британский музей, собор Святого Петра, университет.

В августе 1995 года предстояли две поездки: в Варшаву на V Всемирный конгресс центрально-европейских и восточно-европейских исследований и в Монреаль — на XVIII Международный конгресс исторических наук. В свободное время гуляли по набережной Вислы, бродили по улочкам старого города, а вечерами с Владимиром Булдаковым и Сергеем Кудряшевым сидели в парке, недалеко от президентского дворца, и беседовали о жизни. Конгресс в Варшаве был содержательным и поучительным.

После возвращения из Варшавы через несколько дней мы со Светланой улетели в Канаду, где вот уже как два года живут и работают Вадим и его жена Диана. Монреаль — прекрасный город, где есть что посмотреть. Впечатляет могучая река Святого Лаврентия, катящая свои быстрые воды в Атлантический океан. Весьма интересны музеи, старый порт, ботанический сад, Биодом. Во время работы конгресса посещал наиболее интересные для меня заседания, участвовал в работе комиссии по истории октябрьской революции. На конгресс в Монреаль приехали мои друзья — Павел Зырянов и Вла-

димир Булдаков, с которыми было приятно встретиться и побродить по живописным местам.

Как-то в нашем разговоре по телефону академик В.Л.Янин бросил запомнившуюся фразу: «Вы избалованы успехами». Эти вскользь произнесенные слова «застряли» в сознании, и я начал размышлять. Если моя жизнь со стороны видится так, то почему же я сам не испытываю удовлетворения от этих успехов? Почему все чаще и чаще приходит мысль: тем ли я всю жизнь занимался? Так ли вообще я ее прожил? Почему моя душа все чаще и чаще пребывает в волнении? Почему мне так страстно захотелось мысленно переговорить со всеми ушедшими и живущими родными и близкими? Почему захотелось еще раз мысленно побеседовать с моими друзьями? Таких «почему» бесчисленное множество. И я задаю себе вопрос: «А не одиночество ли это? Станет ли мне легче от того, что эти воспоминания приближаются к своему завершению?» Воистину! Не исповедимы пути Господни! Воистину!

Вместо эпилога

НЕСКОЛЬКО НЕСВОЕВРЕМЕННЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Когда я поступал на историко-филологическое отделение, то был уверен, что История — есть «*magistra vitae*». За долгие годы занятий Историей убедился в обратном. Имея свою милую покровительницу — музу Клио, История никого и ничему не учит. В том числе не учит она и самих историков. Познаваема ли История вообще? Как пришлось убедиться, даже историки-классики, работами которых я зачитывался в студенческие и аспирантские годы, оставили в наследство лишь собственные субъективные представления об Истории, имеющие мало общего с реальной Историей. Парадокс как раз и состоит в том, что чем больше изучают Историю, тем больше она оказывается непостижимой.

В чем же тут дело? В наличии или отсутствии необходимой информации? В разной, нередко прямо противоположной, трактовке исто-

рических фактов? А может быть дело совсем в элементарном: в непостижимости Прошлого и Будущего, между которыми и лежит то «историческое поле», которое на протяжении тысячелетий «распахивают» историки, «засеивая» его собственными представлениями. «Зерна» этих представлений так и не дают «здоровых всходов». И не потому, что «поле» не плодоносит, а потому, что брошенные в «почву» «зерна» бесплодны.

В зависимости от собственного мировидения историки еще как-то пытаются разобраться в Начале Истории. Одни, признавая, а, точнее, веря в Божественное происхождение Человека и, следовательно, Истории, начинают ее отсчет с того момента, когда Адам и Ева были изгнаны из Эдема. Другие, являющиеся сторонниками трактовки Истории как естественного процесса, считают, что ее можно познать средствами Разума и делают футурологические прогнозы Будущего. Они убеждены в том, что Человек сам творец своей судьбы и ему подвластно все, включая и Землю, и Небо. Однако среди сторонников и этой версии все больше появляется скептиков, которые, подобно Фукояме, заявляют о конце Истории. Получается, что Человек-Творец сам способен уничтожить собственное Творение. При таком подходе История бессмысленна. Если Бог еще предоставляет Человеку шанс исправиться и возвратиться в Эдем,

то Человек-Творец не оставляет самому себе никаких шансов, погружая мир в Бездну.

Перед человеком всегда существовала непростая дилемма: что же принять за исходное? Бога-Творца или Человека-Творца? Правда, этой дилеммы можно не замечать и вообще не ставить вопросов о Начале и Конце Истории. В утешение себе и в назидание другим так и делали: изучали Историю как процесс восхождения от простого к сложному, от приматов к цивилизованности, допуская при этом возможность зигзагов и откатов, но никогда не сомневаясь в общественном прогрессе. Причем нередко идея прогресса рассматривалась исключительно в вещном плане, где успехи вроде бы были налицо. На этом направлении был собран монблан фактов. Парадокс заключается в том, что, создавая вещный мир, Человек с наименьшим энтузиазмом разрушает и Природу, и им же достигнутое. Эта двойственность Человека всегда ставила в тупик. Весьма заманчивой была попытка «синтезировать» Человека, как результат Творения и Бога, и Дьявола. Можно бесконечно спорить, имеет ли все же место двойственная природа Души и Разума. Видимо, эта двойственность и породила в Человеке сомнения, а последние побудили его к действию, которое в своей основе конфликтно. По существу человеческая История — это История вечно продолжающегося конфликта. Причем

конфликт следует понимать в самом широком смысле этого слова: конфликт внутри Человека — между его Душой и Разумом — это тоже История. Конфликт же между Человеком и Человеком — это уже подлинная драма с неизвестным исходом. Конфликт между человеческими сообществами — историческая трагедия.

Не двойственность ли Души и Разума обусловливают дихотомию мышления Человека? Как бы экономя свои силы и ресурсы, Разум склонен ставить и решать проблемы в дилемме: «Или-или. Иного не дано». Сколько личных и мировых трагедий произошло из-за подобного подхода к решению вопросов как индивидуального, так и общественного характера? Почему с таким трудом воспринимается мысль о существовании Иного.

Если индивидуальная судьба Человека есть его личная Судьба, то Судьба человеческого сообщества складывается из мириад индивидуальных Судеб, что и предполагает вариативность эволюции. Искупление грехов не может быть коллективным, оно всегда индивидуально.

Находясь между двумя неизвестностями — Началом и Концом, Человек постоянно оказывается в ситуации, которая требует максимального напряжения душевных и физических сил. Далеко не каждый это может выдержать, если он, конечно, задумывается над онтологическими проблемами. Путь к Творцу тяжел и тер-

нист. Человек настолько свыкся с грехом, что не спешит встать на путь Спасения, указанный Христом. Человек имеет выбор: либо он вступает на путь Спасения, либо и дальше намерен пребывать в грехе? Пребывание в Грехе привычнее и проще. Путь же Спасения — это творческий акт постоянного самоопределения и самоанализа. Христос предпочел сомневающегося Петра, ибо знал, что Человек, преодолевший сомнения и твердо уверовавший в Творца и Спасителя, и есть тот Камень, который должен быть положен в основание Божественного царства на Земле.

Размышления на онтологические проблемы, с одной стороны, успокаивают Душу, а, с другой — продолжают будоражить и провоцировать Разум. Разум мешает сделать окончательный выбор. А есть ли окончательный выбор? Трудно человеку, оказавшемуся на распутье. Во мне, кажется, назревает готовность поверить и принять Мудрость Творения!

1992—1996 гг.

Москва—Кузнецк—Марьино—Москва

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕФЛЕКСИЯ.
ЭССЕ О НЕПОСТИЖИМОМ

«Творить — значит жить вдвойне»
А. Камю

В закромах памяти самыми яркими и незамутненными остались детские ощущения неведомого, таинственно манящего и до сих пор вызывающего душевный трепет. В дни моего рождения, ранним утром, еще находясь в постели, я слышал стук в стену нашего деревянного дома. Количество ударов точно соответствовало числу исполнившихся мне лет. В те далекие детские годы я, настороженно вслушиваясь в этот стук, считая число ударов, еще не осознавал их происхождение, тем не менее каждый раз накануне дня своего рождения с нетерпением их ждал. Было таинственно и даже немного страшновато. И лишь позднее я узнал, что это делали взрослые: мой дедушка или тетя Шура.

Тогда же я с некоторой тревогой спрашивал домашних: «Кто же это стучит?» Ответ был лаконичен и прост: «Прилетал твой Ангел Хранитель и отстукивал число твоих лет». Я допыты-

вался, откуда он может знать об этом, а тетя Шура мне разъясняла, что у каждого есть свой Ангел Хранитель, он все о каждом знает и каждого бережет. Мне очень хотелось увидеть «моего Ангела Хранителя», но взрослые говорили, что он невидим, он дух. А я не мог понять, что есть дух и почему он невидим. Это непонимание действовало возбуждающе, вызывало легкую грусть.

С раннего детства в дни своего рождения я испытываю двойное чувство: легкой грусти и нежной радости от ожидания встречи с моим Ангелом Хранителем. В нашем доме было два искренне верящих в Бога человека: моя прабабушка и ее дочь, тетя Шура. Именно им я благодарен за то, что они терпеливо объясняли деяния Творца, божественную сущность мироздания и безграничную доброту Бога. Тетя Шура довольно часто брала меня с собой в церковь. В ней меня крестили. Здесь я каждый раз испытывал некий, изнутри исходящий, трепет от присутствия в храме неведомой божественной силы. Мне казалось, что церковь — это то место, где живет Бог, всевидящий и всезнающий, терпеливый и мудрый. Люди шли к нему, молили Его о милосердии и прощении. Детское сознание не могло вместить: службу, пение, причастие, крещение и отпевание. Но важнее было другое: эмоциональное возбуждение, ожидание чего-то светлого и доброго. Детская душа

жаждала чуда. И я в детстве любил ходить в церковь, причащаться. Торжественность службы, создававшая атмосферу приподнятости, мерцание горящих свеч, запах ладана, излучающие доброту глаза священника, отца Василия — все это заставляло учащенно биться детское сердце, и какая-то необъяснимая благодать разливалась по всему телу. Это были ощущения, которые подспудно пробуждали сознание, заставляли задумываться над происходящим. Вопросы появились несколько позже, и во многом они были обусловлены бытовыми событиями.

Я долго не мог понять, что такое смерть. В подсознании отложилась, видимо, какая-то необычная картина, связанная с похоронами. Очень смутно, буквально в дымке, помню, что мы с бабушкой и дедушкой ходили в какой-то дом, где умер кто-то из родственников. Но что оказало на меня такое эмоциональное воздействие, после которого я долгое время не мог смотреть на умерших, сказать не берусь. Память исходную причину не удержала, она, вероятно, глубоко ушла в подсознание. В течение десятилетий мне пришлось вести с собой внутреннюю борьбу, чтобы избавиться от этого комплекса.

В детском сознании не укладывалась простая житейская формула: «Бог дал, Бог взял». Не осознавая ее смысла, я не мог понять, зачем

же Богу нужно «брать» человека, если он его создал для жизни. В связи с этим возникал и другой вопрос: «Что же такое жизнь?» Детское сознание не было в состоянии «увязать», что жизнь и смерть — есть некое единство, что они заложены при Творении. В детстве кажется, что ты вечен, что иное может произойти с другим, а не с тобой, что у тебя бескрайний простор, что перед тобой нет никаких преград, что ты единственный и неповторимый и т.д.

В детстве велика роль взрослых, которые могут «написать» в сознании самые разные письма. И от того, кто, по мере своего разума, и какие письма напишет, зависит многое, если не все. Поэтому мировидение близких играет принципиально важную роль в пробуждении и направлении изначально заложенного в человеке. Это заложенное проявляется через другое «Я» и возвращается в отраженном свете обратно. Иными словами, данность моего «Я» в данности другого «Я». Я благодарен моим близким, что они не заглушили своим «Я» мое «Я».

О детских ощущениях можно писать много. Но как они трансформируются в сознание — сказать трудно. Каждый раз, когда я подъезжаю к своему родному городу Кузнецку, то постоянно испытываю одни и тех же ощущения, которые не возникают ни в одном другом месте. Мной овладевает душевный трепет при виде

церкви, в которой мы были с тетей Шурой, но в то же время я остаюсь спокойным, осматривая величественные храмы где-либо вдали от родного города. Совершенно иные ощущения испытываю я от посещения православной церкви, чем от присутствия в храмах других конфессий. Много, разумеется, зависит от среды. В детстве меня окружали православные милые и любящие люди. Они учили меня внимательности к другим, пониманию другого «Я», предельной скромности и даже стеснительности.

Трудно сказать почему, но с детских лет у меня сформировалось ощущение самодостаточности, выразившееся, в частности, в способности к внутреннему диалогу. Мне кажется, что состояние внутреннего диалога мне присуще имманентно. С раннего детства я его мог вести с героями радиопередач, книг, с взрослыми и друзьями. Внутренний диалог меня спасает от одиночества и тоски.

С детских лет мне повезло еще в одном. Я не был подвержен научению, которое зачастую является одним из императивов воспитания. У взрослых, как правило, нет ни времени, ни особого желания учить думать. Они предпочитают навязывать свои суждения, мнения, представления, навыки, опыт и т.д. Впоследствии от такого рода научения приходится с трудом избавляться. Мое же воспитание не было императивным. У каждого члена семьи было собственное

миропонимание и мировидение, включая и отношение к Богу. Если у прабабушки и тети Шуры вера в Бога была не только семейной традицией, но и основой их мировоззрения, то мои дедушка и бабушка к вопросам веры относились индифферентно. В принципе они признавали существование Бога, но это признание все же не было мистическим, а скорее внешне традиционным. Видимо, на них наложила свой неизгладимый отпечаток атмосфера атеистической эпохи, идеологи которой с дьявольской изощренностью пытались искоренить веру в Бога и превратить Человека в бездуховный механизм вещного мира.

В России это было расплатой за грехи многих: носителей светской и духовной власти, интеллигенции, значительной части простых смертных, принимавших участие в осквернении храмов и массовых убийствах. Утрата духовности с логической неизбежностью вела к распаду личности, этноса, государства.

Парадокс истории состоял в том, что церковь, подчинившись власти, стала выполнять несвойственные ей по природе функции. Такая позиция в немалой мере способствовала распространению атеизма, неприязни к самим церковникам. Сама по себе Вера не есть имманентно присущая человеку данность. Ее нужно постоянно поддерживать. Именно это и есть главная функция церкви.

Меня с детских лет интересовал вопрос: добра ли человеческая Душа изначально? Где проходит грань между Душой и Разумом? В какой связи и соотношении они находятся друг с другом? Если исходить из собственных ощущений, то Душа и Разум представляют две ипостаси, несущие или выполняющие различные функции. Душа — это вместилище добра и любви, данная человеку при Творении. Разум — благоприобретенная функция вещного мира, фиксирующая и перерабатывающая информацию о разворачивающемся во времени Творении. Душа выполняет функцию корректора Разума, одухотворяя его добротой и любовью. Разум же, постоянно соприкасаясь с вещным миром и завися от него, подвержен влиянию последнего. Проблема как раз и состоит в том, чтобы Душа и Разум находились друг с другом в состоянии диалога, который должен и может стать мощным стимулятором взаимообогащения.

Камертоном личности является Душа, излучающая Фаворский свет, принимающая звуки, идущие из небесных сфер, передающая их через ощущения и слово — другому «Я».

Я порой испытываю состояние, когда моя Душа начинает вибрировать, излучать тепло и мне хочется щедро им делиться. Но порой мой Разум вступает в противоречие с Душой, пытается навязать ей нечто из вещного мира. Време-

нами мне кажется, что Разум и есть второе мое «Я», с которым ведет спор моя Душа, мое изначальное «Я». Этот нескончаемый диалог, в котором одерживает победу то одно, то другое «Я», длится на протяжении всей жизни, и я склонен думать, что с возрастом мое изначальное «Я» начинает доминировать, пробуждая пласты подсознательного, включая, видимо, довещное и мистическое, что, в свою очередь, проявляется через сновидения, ощущения, предчувствия.

Возникает вопрос о бессмертии Души и конечности Разума. Действительно, Разум испытывает некую тревогу перед уходом из вещного мира. Душа же, как изначальная часть Творения, ощущает себя бессмертной и ей не свойственна подобная тревога. Разум провоцирует сомнение и требует вещных доказательств. Душа — совместили же веры в Творца и божественность Творения. Именно в этом и состоит имманентная сущность диалога между Душой и Разумом.

На протяжении тысячелетий человеческий Разум занимают вопросы: Есть ли Творец? Является ли Творение запрограммированным актом или же это вариативное состояние, свободно разворачивающееся в пространстве и во времени? Более того, Разум подвергает сомнению и идею одного Творца, выдвигая версию о возможном сотворчестве двух начал — божест-

венного и дьявольского. Ограничивается ли сотворчество Человеком или же оно распространяется на все сущее? Жуткие и безответные вопросы.

Первородный грех Двух в принципе не так уж был велик, чтобы в отношении их сделать приговор столь суровым. А может быть Двое просто попали под «горячую руку» двух создателей-соперников? Искупление первородного греха оказалось для Человека непомерно высокой ценой, и это, разумеется, не конец его испытаний. Человек — единственный в живой природе, кто наделен Разумом, ставшим его мучителем и истязателем. Не есть ли Разум — творение дьявола, а Душа — творение Бога? Эти вопросы обращены в Никуда и, видимо, на них никогда не будет дано однозначного ответа. Неужели все зависит от личного предпочтения каждого, остающегося наедине перед неизвестностью Начала и Конца?

В этой связи человеческую историю можно читать и перечитывать каждый раз по-новому. Все зависит от того, какое выбрать исходное Начало и какой предположить Конец. Ясно одно: если бы не было первородного греха и Человек остался в Эдеме, то мы бы не имели человеческой истории, ибо она, как и любая история, начинается с конфликта. Останься Адам и Ева в раю, мы бы имели дело с бесконечно для-

шимся и вечно единственным фактом. Очевидно также, что первоначальная конфликтная ситуация возникла изнутри (как желание или склонность к познанию и, следовательно, изменению данного состояния), а не извне. Что же явилось источником внутреннего конфликта? Змей-искуситель — лишь некий художественный образ, миф, удобный для объяснения свершившегося грехопадения, а не первотолчок, приведший в конечном счете к изгнанию. А может сам Творец хотел подобного исхода, ибо в противном случае просто непонятно, как он, обладая абсолютным знанием, мог допустить такую «промашку»? А может в результате сотворчества было создано что-то не совсем совершенное, от которого, чтобы не вникать в подробности и не обвинять в чем-то друг друга, оба решили просто-напросто избавиться? Как бы то ни было Человек оказался выброшенным без соответствующей подготовки и экипировки в невиданный им, а, следовательно, непредсказуемый мир. История, начавшаяся с мелкого, причем легко поправимого конфликта, обернулась тысячелетней человеческой драмой. Первородный грех и последовавшая за ним цепь страданий оказались столь кричаще несопоставимы, что трудно поверить в возможность преднамеренного плана или замысла. Более того, первородный грех (точнее неповиновение, не-

послушание) вызвал за собой цепную реакцию, образно говоря, наслаивающегося греха, который по мере разворачивающейся человеческой драмы стал превращаться в неизбежную трагедию всего человеческого рода.

Или все это миф? Одна из версий прочтения человеческой истории, оправдание драмы, ибо другого рационального объяснения не существует? А может быть люди сами устраивают себе медленный Апокалипсис, испытывая от этого мазохистское наслаждение?

Человеческий Разум стремится найти начало начал своего происхождения. И чем больше ведутся эти поиски, тем дальше разошлись различные позиции. Одни на пути поиска обретали Творца и успокаивались. Другие в процессе поиска становились материалистами и отвергали Бога. Третьи — пытались совместить то и другое, предпочитая быть деистами. Тем не менее ощущение неизвестности Начала и Конца продолжает занимать человечество. К сожалению, а может быть к великому счастью, Книга Судеб для Человека остается закрытой. И в Космосе продолжает вращаться планета Земля, и Человек с грустью всматривается в звезды, безуспешно пытаясь найти ответы на поставленные им неразрешимые вопросы. Разум Человека по-прежнему неспокоен, лихорадочно ищет ответы, не задумываясь над тем, что они могут оказаться слишком страшными. Но Разум на то и

существует, чтобы не давать Человеку ни минуты покоя. Человек, по замечанию А. Камю, сам хочет быть Сизифом.

Многие становились материалистами и атеистами по единственной причине — неоднозначности прочтения Начала и Конца. Материалистическое видение мира представляется предельно ясным, но вместе с тем не вызывающим особого вдохновения, хотя бы потому, что не каждый склонен вести свое происхождение из мира приматов и рассматривать историю в качестве однолинейного прогресса. При таком мировидении, действительно, как неоднократно говорил и писал Ф. М. Достоевский, все дозволено. Разумеется, в истории человеческого рода можно найти немало примеров, которые могут подтвердить материалистическую концепцию мира. И тем не менее с такой трактовкой, лишенной идеального Начала, трудно согласиться, поскольку в этом случае Человек лишается духовной основы.

Духовность — это исходный замысел и результат Творения, которое само по себе самодостаточно, ибо одновременно соединяет в себе Начало и Конец в Единое Сущее. Пространство и Время — местоположение и вектор движения — от Начала к Концу и от Конца к Началу, что олицетворяет Единство Творения. Человек — есть субстанция этого Единого. Создав Человека, Творец предоставил ему возможность по-

стижения сущности и смысла своего Творения. Причем постижение — это не созерцание величия созданного, а проблема творческого самосознания себя в этом мире. Отсюда человеческое творчество — это не сотворчество в сотворенном и самодостаточном Творении, а вечное постижение его непостижимого до конца смысла. Творчество — это постоянное преодоление себя. Познавая сотворенный мир, Человек лишь раздвигает горизонты непознанного.

Человек через творчество стремится к познанию себя, как части Единого. Поэтому творчество — это бесконечный переход от проблемы к проблеме. Одно из свойств Разума — стремление получить некий конечный результат. Это иллюзия, ибо на пути к постижению любой результат промежуточный. Как это ни парадоксально, но творчество — это вечный бег за непостижимым, и в этом его манящая и притягательная прелесть. Творчество — это удаляющийся горизонт, ибо постичь Единое дано только его Творцу.

Человек слишком нетерпелив и самоуверен, забывая о том, что он не самоцель, а всего лишь часть Творения. Отсюда проистекают драмы и трагедии человеческой истории. По существу трагедия началась с убийства Каином Авеля. Объяснение этому пытаются найти в тезисе: Человек изначально наделен свободой воли. Если допустить, что это так, то получает-

ся следующая картина: либо Творение осуществлено без замысла, либо все априорно вошло в замысел, включая последующую драматическую человеческую историю.

Думаю, Человек наделен свободой воли в пределах Творения и она должна была способствовать познанию Замысла. Свобода же воли вне пределов Творения — есть уже результат созданного руками Человека вешного мира, в котором по мере разворачивания человеческой истории покушение на себе подобного стало бытовым явлением. Но если убийство Каином Авеля считать некой случайностью, то попытка Авраама принести человеческую жертву Творцу представляется уже запредельной.

Почему такая мысль вообще могла появиться у Человека? Что это — изощренная форма любви к Творцу или же начало распада человеческой личности. Творец никогда не требовал принесения себе человеческой жертвы. Это в принципе не нужно для познания Творения, даже если оно осуществляется через самопознание Человека. В Творении объекты и субъекты слиты в Единое, в котором, следовательно, и Человек одновременно — субъект и объект Единого. Человек — не только часть Единого, но и функция его познания. Именно в пределах Единого Творения Человек и обладает свободой воли и свободой выбора, которые есть одновре-

менно и условие, и средство как познания Единого, так и самосознания себя в нем.

Итак, человеческая история началась с конфликта. Заложен ли был конфликт в самом Творении? Или же он существует в части Творения — Человеке? Является ли конфликт источником развития человечества или же он затрудняет познание человеком Единого? Видимо, Человек конфликтен не как целое, а конфликтен прежде всего его Разум, который не в состоянии «ухватить» Единое. Он как бы мечется между двумя непостижимыми гранями: с одной стороны, Началом, а с другой — Концом, ибо ищет рационального объяснения в вешном мире. Возникнув в глубинах сознания, конфликт проявляется вне его, перманентно, порождая разноуровневые конфликты уже в человеческом обществе.

Является ли конфликт первоисточником развития сознания? Каков механизм и пределы конфликта? Монолог или диалог стимулирует или сдерживает конфликт? Едва ли нужно доказывать, что конфликт возникает с момента осознания индивидом себя среди подобных. Чем выше степень самосознания, тем больше у индивида возможности вникнуть в первопричину конфликта и использовать его в качестве механизма познания Единого. Причем при разрешении конфликта важно использовать форму диа-

лога, более адекватно раскрывающего познавательные возможности Человека. Диалог, с одной стороны, на уровне индивида коррелирует Душу и Разум, а с другой — способствует осознанию «Я».

Первоначальный конфликт возник до социального и вне его. Это был конфликт внутри сознания индивида. Человеческая история — есть история постепенного накопления разноуровневых конфликтов, порожденных индивидуальным сознанием, а затем отягощенных вещным миром. Расширение зоны конфликтогенности уводит Человека от познания Единого, все больше удаляя его от осознания замысла Творения. Конфликты ведут как к дисгармонии Личности, так и к нарастанию деструктивных процессов в самом вещном мире, превращают Разум в очаг напряженности.

Одна из фундаментальных трагедий состоит в том, что Человек утратил диалог сначала с Творцом, а затем и с себе подобными. Утратив диалог с Творцом, Человек возмнил себя выше пределов, допускаемых Творением, стал искать себе вместо Единого Бога богов из вещного мира. Изначальная духовность стала подменяться вещностью, а Слово Божье все более и более становилось недоступным для рода людского. Нарастание бездуховности вело к саморазрушению сознания Человека, а в конечном счете — к самоистреблению.

Посылая Христа в вещный мир, Творец тем самым давал шанс для спасения Человека. Христос должен был показать путь к Спасению. Указанный Христом путь — это путь максимального самораскрытия потенциальных возможностей Личности, ее изначальной творческой сущности, заложенной в Творении.

Слово Христово вначале оказалось доступным и понятным лишь немногим. Потребовались Голгофа и Воскресение, чтобы разорвать пелену замутненного вещным миром человеческого сознания. Известно, что Человек предпочитает видеть проблемы не в себе, а во внешнем. Христос же призывал сосредоточиться на внутренней сущности, преодолеть себя на уровне самопознания, стать духовным Человеком. Учение Христа дало Человеку еще одну, дополнительную, возможность, с одной стороны, саморазвернуться духовно, а, с другой — сосредоточиться на познании Творения. Внутреннее духовное самоуглубление способствовало бы раскрытию творческого потенциала Личности, повысило бы степень ее ответственности перед Богом и перед себе подобными. Христос совершил гигантского масштаба духовный переворот, предоставлявший Человеку шанс для его возвращения к Богу. Он указал путь к духовному возрождению Человека. Разумеется, это был всего лишь шанс, которым Человек волен был воспользоваться. Проблема

воли и выбора не только не была снята, но и до предела напряжена.

Старый и Новый Завет отразили два разных, хотя и сущностно связанных, периода человеческой истории. Опыт первого этапа (Ветхий Завет) сублимировал в себе несколько тысячелетий истории, в ходе которых человечество, предоставленное (после изгнания Адама и Евы из Эдема) себе, заблудилось в лабиринтах вешного мира, растрчивая и утрачивая духовный потенциал, веру в Бога, способность к диалогу с ним. Плата за первородный грех оказалась непосильной для Человека. Посылая в вешный мир своего Сына, Бог по существу прощал Человека за этот грех, предоставлял ему шанс к Спасению. Христос выступил перед Творцом в роли защитника Человека, с лихвой искупившего свой первородный грех. Он дал надежду, что прощение возможно, что путь к Богу открыт для каждого. История периода Нового Завета — это история возвращения Бога к Человеку и возвращения Человека к Богу. Христос восстанавливал утраченную Гармонию первоначального Замысла Творения.

Говоря о двух периодах человеческой истории, следует рассматривать их как «перелив» одного в другое, как единый процесс. Учение Христа явилось «мостом», соединяющим оба периода, которые в своей совокупности представляют восхождение от простого к сложному,

от монолога к диалогу, от вешного к духовному. История человеческого рода являет собой поистине неисчерпаемые возможности Творения. Христос пробуждал изначальную духовную сущность Человека, учил его видеть в другом себе подобного, сострадать и любить ближнего как самого себя. Им был обозначен путь становления Личности, ответственной перед Богом, путь познания ею Творения через самопознание, творчество и самопреодоление.

Учение Христа — это мировоззренческий переворот в человеческой истории. Но это не одномоментный, а длящийся во времени акт, который, видимо, займет не меньше, если не больше времени, чем весь ветхозаветный период. Учение Христа требует индивидуального прочтения и осмысления. Это путь от Души к Душе, от «Я» к «Я». Это маяк, абрис духовного движения к пониманию замысла и смысла Творения. Это путь творческий, требующий высшего напряжения духовных сил. Именно «работа» Души превратит изначальную заложенную в ней духовность в мощную кинетическую энергию пробуждения в Личности всех ее потенциальных сил. Творчество должно стать потребностью Души, постоянным ее состоянием. Уже само по себе обращение к Творцу и Творению — есть отражение этой потребности. Разумеется, далеко не все Души способны на такую титаническую работу. Тем не менее это единст-

венная возможность выйти из мрака вещного мира к свету творческого познания Творения.

Учение Христа расширило информационное поле Человека, раскрыло потенциальные возможности Личности, сделало Разум одухотворенным. Разум в тесном взаимодействии с Душой — есть источник и одновременно функция для выявления потенций духовного мира Человека, придания ему новых сил и энергии на пути к познанию Творения. Христос зажег в Человеке источник внутреннего света — его Дух.

Смысл и вектор человеческой истории состоит в преодолении комплекса грехопадения через духовное пробуждение Человека. В изначальном замысле человеческая история — это история преодоления зависимости от вещного мира и перехода в мир Духа. Реализуясь в единичном и индивидуальном, духовное возрождение становится всеобщим состоянием человеческой истории.

Одним из механизмов возрождения и передачи духовности является Слово, сохраняющее свою творящую сущность. Без этого немислима и человеческая история, объединяющая через Слово индивидуумы в человеческую общность. Слово — есть альфа и омега культуры, вбирающей в себя творения Человека духовного и Человека вещного, соединяющей ветхозаветную и новозаветную историю в единую историю человеческого рода. Восходя к Творцу и истокам

Творения, Слово одухотворяет культуру, превращая ее в невидимую ткань, соединяющую воедино различные народы, отдельные поколения людей и периоды истории. Вместе с тем следует различать одухотворенную Словом культуру и цивилизацию. В этой связи представляется заслуживающей внимания мысль А.Гулыги: «Цивилизация — это культура, лишенная духа». Цивилизация — это культура вещного, но не духовного мира. Культура же в ее подлинном смысле — это сублимация духовного возрождения Человека. Через Слово и Культуру Человек приближается к пониманию замысла Творения. Именно в этом плане принципиально важна человеческая история, которая в своей изначальной основе и есть история духовности. Поэтому в человеческой истории важны те повороты и те изгибы, которые стали «точками роста» подлинной духовности. Учение Христа сняло многие преграды, порожденные вещным миром, открыло простор для возрождения и распространения духовности.

Накопление духовности — это путь Возрождения Человека. Именно в духовности сливаются в Единое Начало и Конец, человеческая история вступает в новую стадию саморазвития. Пружиной изменений становится не вещный, а духовный мир. Мне импонирует именно такая история, в которой превалирует духовное начало. Постигание истории как таковой есть твор-

ческий процесс. Постижение же духовной истории — требует удвоения творчества.

Духовная история — это история накопления и самореализации потенциальных духовных сил Человека, стремящегося выйти за рамки вешного мира, возвратиться к истокам Творения. Духовный Человек стремится к Гармонии и Красоте, к Добру и Любви, ибо они его сущностные ипостаси, ибо они определяют его поведение в вешном мире. Вместе с тем они — доминанты духовной человеческой истории.

Преодоление вешного мира духовный Человек осуществляет не через насилие над себе подобными, а через утверждение в сознании названных доминант. Смысл и цель духовного Человека — это изменение соотношения между духовностью и вешностью, между Добром и Злом.

Борьба между духовным и вешным в Человеке и есть основная пружина человеческой истории. Через ее призму отчетливо просматриваются как события индивидуальной, так и общественной жизни. Вместе с тем есть путь, указанный Христом, который своим учением и своей жизнью доказал возможность преодоления данного состояния борьбы и перехода в иное качество, в котором императивом являются Добро и Любовь. В своей пушкинской речи Ф.М. Достоевский произнес мудрые слова: «Смирись, гордый человек!» Этот призыв не в состоянии

было воспринять вешное (рационалистическое) сознание интеллигенции.

Борьба между Душой и Разумом вполне может стать стимулом для внутреннего духовного возрождения человека. Вместе с тем она может вырваться за пределы индивидуальной сущности и стать стимулом конфликта между индивидуумами, социальными стратами, классами, национальностями, сторонниками разных конфессий и т.д. В последнем случае эта борьба принимает иные измерения и, как правило, ведет не к прояснению проблемы духовности и вешности, а к усугублению взаимоотношений между людьми. Именно от такой борьбы предостерегал Достоевский, признавая вместе с тем полезность внутренних сомнений индивида.

Борьба внутри «Я» всегда индивидуальна и интимна. И когда между Душой и Разумом достигается гармония, то индивид испытывает состояние благодати, чувство самореализации свободы воли и свободы выбора. Причем это гармоничное внутреннее состояние индивида может распространиться и вовне, внося гармонию в сферу вешной деятельности. Взаимодействие индивида с вешным миром посредством Добра и Любви ведут к их взаимному обогащению. Благотворным и преобразующим источником для вешного мира всегда является внутренний духовный мир Человека. От состояния последнего зависит соотношение Добра и Зла в

вещном мире. Наполненная Добром и Любовью Душа выступает в роли коррелянта Разума. Душа умирляет гордыню Разума и способствует установлению Гармонии. Чем выше уровень Гармонии между Душой и Разумом, тем больше шансов для постижения Творения.

Установление Гармонии между Душой и Разумом снимает проблему страха смерти, который на протяжении тысячелетий преследует Человека. Страх смерти свойственен именно Разуму, ибо человеческая Душа бессмертна. Разум индивида панически боится собственного исчезновения. Это и есть отражение его гордыни, которую ему следует преодолеть. Смирившись, Разум избавляется от страха смерти и осознает бессмертие Души.

Для Разума свойственно мифотворчество, включая репродуцирование вещных богов и самообожание индивида. Вместе с тем функциональные возможности Разума не беспредельны. Разум рационалистическими методами не в состоянии доказать или опровергнуть существование Бога. В этом плане характерна попытка Э.Канта рационалистически доказать существование Бога. Думаю, что вера в Бога есть состояние не Разума, а именно одухотворенной Души. Если Разум бессилён доказать или опровергнуть существование Творца, то Душа есть отражение его Сущности. Ощущение в Душе

Бога есть не рационалистический, а мистический акт.

К сожалению, в вещном мире соотношение между Добром и Злом переменчиво, что делает человеческую историю конфликтогенной. Борьба между Добром и Злом уже не раз подводила Человека к роковой черте, к Бездне. Учение Христа является питательной средой для накопления Добра и Любви в Душе Человека. Оно дало Добру шанс одержать победу над Злом. От самого Человека зависит, воспользуется он или нет шансом, предоставленным ему Спасителем.

Список избранных научных трудов

1970

1. Аграрная программа кадетов в первой русской революции // Исторические записки. 1970. Т. 86. С. 172-230.
2. Оценка В.И. Лениным кадетской партии (1905-1907 гг.) // История СССР. 1970. № 2. 141-152.

1972

1. Рабочий вопрос в программе кадетской партии // Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Материалы к Всесоюзной научной сессии 19-22 октября 1972 г. Изд-во Львовского ун-та. 1972. С. 70-81.
2. Ред.: Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Материалы к Всесоюзной научной сессии 19-22 октября 1972 г. Изд-во Львовского ун-та. 1972. Ч. 1. 178 с; Ч. 2. 148 с.

1973

1. О гегемонии пролетариата в первой русской революции // История СССР. 1973. № 4. С. 46-67. (В соавторстве).

1974

1. Некоторые вопросы истории русского либерализма на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы методологии истории и историографии. Томск. 1974. С. 39-44.
2. Рец. на кн.: Широкова В.В. Партия народного права. Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX в. Изд-во Саратовского ун-та. 1972 // История СССР. 1974. № 4. С. 191-193.
3. Рец. на кн.: Рожкова М.К. Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х-начале 80-х годов XIX в. По материалам Московской губернии. М., 1974 // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 141-144. (В соавторстве с Н.А.Ивановой).

1975

1. Ред.: Рабочее движение в России в 1901-1904 гг. Сб. документов. Л., 1975. 591 с.
2. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет // История СССР. 1975. № 5. С. 42-60. (В соавторстве).
3. Современная англо-американская историография пролетарского движения в годы первой русской

революции // История СССР. 1975. № 5. С. 191-201. (В соавторстве с П.Н.Зыряновым).

4. Провал деятельности кадетов в массах (1906-1907 гг.) // Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 152-203.

5. Руководство для грядущей борьбы // Молодой коммунист. 1975. № 10. С. 57-62. (В соавторстве с О.В.Волобуевым).

1976

1. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976. 184 с. (В соавторстве с П.Н.Зыряновым).

2. Из истории трех революций в России. Пособие для учителей. М., 1976. 191 с. (В соавторстве с Г.Ф.Семенюком и А.С.Рудем).

3. Общество, лишенное будущего // Молодой коммунист. 1976. № 7. С. 31-37. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

4. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 51-66. (В соавторстве с Н.А.Ивановой).

5. Борьба российского пролетариата за демократические слои города // Революция 1905-1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 55-67. (В соавторстве с Н.А.Ивановой).

1978

1. Торговые служащие в революции 1905-1907 гг. // Исторические записки. 1978. Т. 101. С. 160-216. (В соавторстве с Н.А.Ивановой).

2. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 236-255.

3. Рец. на кн.: Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977 // История СССР. 1978. № 6. С. 201-205. (В соавторстве с Н.Г.Думовой).

1979

1. Рец. на: Сборники документов по истории СССР для семинарских и практических занятий // История СССР. 1979. № 3. С. 184-187. (В соавторстве с Ю.И.Кирьяновым).

1980

1. Разоблачение кадетов в большевистских листовках 1906-1907 годов // История СССР. 1980. № 1. С. 74-88. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

2. Совместный труд историков СССР и ГДР // История СССР. 1980. № 2. С. 212-215. (В соавторстве).

3. Генеральная репетиция Великого Октября. Документы, материалы, иллюстрации. М., 1980. 160 с. (Совместно с С.В.Тютюкиным).

4. Арсенал идейного оружия борцов // Молодой коммунист. 1980. № 1. С. 11-17. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

5. В.И.Ленин и историческая наука // Вопросы истории КПСС. 1980. № 11. С. 154-156. (В соавторстве).

1981

1. Рабочее движение весной и летом 1905 г. // Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг. М., 1981. С. 111-149.

2. Рец. на кн.: Н.Д.Ерофеев. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979 // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 139-140. (В соавторстве с А.И.Уткиным).

3. Проблема формирования пролетариата капиталистической России в советской историографии за последние двадцать лет // Рабочий класс России в период империализма. М., 1981. С. 3-26. (В соавторстве с Н.А.Ивановой и Ю.З.Полевым).

4. Место и роль средних слоев города в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Вопросы истории КПСС. 1981. № 7. С. 60-72. (В соавторстве с В.П.Булдаковым и Н.А.Ивановой).

5. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. 303 с. (В соавторстве с В.П.Булдаковым, Н.А.Ивановой, А.Е.Ивановым).

6. Рец. на кн.: Егоров Е.А. Рабочие Нижегородской губернии (1900-февраль 1917). Горький, 1980 // История СССР, 1981. № 6. С. 159-160. (В соавторстве с А.И.Уткиным).

1982

1. Ленинские оценки октябристов (1905-1917 гг.) // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX—начале XX в. М., 1982. С. 5-36.

2. Тенденции развития движения российского студенчества в период революции 1905-1907 годов // История СССР. 1982. № 2. С. 19-34. (В соавторстве с А.Е.Ивановым).

3. Итоги и задачи изучения российских буржуазных партий в современной советской исторической литературе // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 74-81.

4. Борьба пролетариата Центрально-Промышленного района за городские демократические слои в революции 1905-1907 годов // Пролетариат Центрального Промышленного района в революции 1905-1907 гг. Ярославль. 1982. С. 96-102. (В соавторстве с Н.А.Ивановой).

5. Рец. на кн.: Балашова А.Н. Российский либерализм начала XX века (Банкротство идей Московского еженедельника). М., 1981 // История СССР. 1982. № 2. С. 168-169. (В соавторстве с Н.Г.Думовой).

6. Ленинская наука побеждать // Политическое самообразование. 1982. № 11. С. 74-82. (В соавторстве с О.В.Волобуевым).

1983

1. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. 323 с.

2. Первая марксистская организация в России. М., 1983. 64 с. (В соавторстве с А.И.Уткиным).

3. Проблемы первой российской революции в современной буржуазной историографии // Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983. С. 13-86. (В соавторстве с П.Н.Зыряновым).

4. Рец. на кн.: Н.Я.Олесич. В.И.Ленин и революционное студенчество России. М., 1982 // Вопросы истории КПСС. 1983. № 8. С. 147-149. (В соавторстве с И.П.Лейберовым).

5. Первые пропагандисты марксизма // Молодой коммунист. 1983. № 9. С. 18-25. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

1984

1. Ред.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. 667 с.

2. От сторонника свободы к пособнику абсолютизма // Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 84-104.

3. На путях к национал-либерализму и консерватизму // Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 133-142.

4. Контрреволюционная тактика партии октябристов в 1905-1907 гг. // Исторические записки. М., 1984. Т. III. С. 151-200.

5. Из истории борьбы за массы. Основные методы воздействия большевиков на средние городские слои в трех российских революциях // Вопросы истории КПСС. 1984. № 8. С. 64-78. (В соавторстве с В.П.Булдаковым и Н.А.Ивановой).

6. Морозовская стачка 1885 г.: проблема организованности и стихийности // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрально-Промышленного района России в конце XIX—начале XX в. М., 1984. С. 20-24. (В соавторстве с А.И.Уткиным).

7. Герои революции 1905-1907 годов в России. Книга для учащихся. М., 1984. 79 с. (В соавторстве с А.С.Рудем).

8. Особые журналы Совета министров царской России. 1907. Ч. I-IV. М., 1984. 880 с. Введение и отв. составитель. (Совместно с Б.Д.Гальпериной).

1985

1. Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 74-81. (В соавторстве с О.В.Волобуевым и С.В.Кулешовым).

2. Героический 1905-й: история и современность // Молодой коммунист. 1985. № 1. С. 29-35. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

3. Первая народная революция эпохи империализма // Политическое самообразование. 1985. № 3. С. 59-67. (В соавторстве с О.В.Волобуевым).

4. Рец. на кн.: Чиковани А.Ю. Ленинская концепция первой буржуазно-демократической революции в России (1905-1907 гг.). М., 1981; Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905-1907 годов в России. Советская историография. М., 1982 // История СССР. 1985. № 1. С. 179-182.

5. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской лите-

ратуре // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 52-67. (В соавторстве с О.В.Волобуевым, М.И.Леоновым, А.И.Уткиным).

6. Изучение истории России периода империализма в новейшей советской исторической литературе // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии 1980-1984 гг. С. 76-89. (В соавторстве с К.Ф.Шацилло).

7. Первая российская. Справочник о революции 1905-1907 гг. М., 1985. 302 с. (В соавторстве).

8. Партия большевиков в годы первой российской революции. Критика новейшей буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1985. № 12. С. 87-100. (В соавторстве с Н.И.Канищевой и Т.П.Придворовой).

9. Рец. на кн.: Эммонс Т. Формирование политических партий и первые национальные выборы в России. London, 1983 // История СССР. 1985. № 6. С. 189-194. (В соавторстве с Н.Г.Думовой и Д.А.Колесниченко).

1986

1. Программа и организация партии октябристов в 1905-1907 гг. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 73-102.

2. Отв. ред. кн.: Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1986. 98 с.

3. Политика сельской России. 1905-1914 // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии.

М., 1986. С. 117-125. (В соавторстве с П.Н.Зыряновым и А.П.Корелиным).

4. Рец. на кн.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883-1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984 // Вопросы истории. 1986. № 11. С. 129-131. (В соавторстве с А.И.Уткиным).

5. Рец. на кн.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986 // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 141-144. (В соавторстве с А.С.Рудем).

6. Революция на подъеме // Первый штурм царизма. М., 1986. С. 60-89. (В соавторстве с П.Н.Зыряновым).

7. Пролог социальных революций XX столетия. (Коллективный труд о первой русской революции) // Рабочий класс и современный мир. 1986. № 4. С. 180-182. (В соавторстве с К.Н.Тарновским).

8. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1981 // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 120-122. (В соавторстве с И.П.Лейберовым и Н.Н.Масловым).

1987

1. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. 158 с.

2. Герои Великого Октября. 1917. Книга для учащихся. М., 1987. 174 с. (В соавторстве с А.С.Рудем).

3. Герои Великого Октября 1917. София, 1987. 190 с. (На болгар, яз. В соавторстве с А.С.Рудем).

4. Численность и состав кадетской партии // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 96-142.

5. Численность и состав партии октябристов // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 143-183.

1988

1. Первый съезд РСДРП. М., 1988. 64 с. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

2. Рец. на кн.: Г.А.Герасименко. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Изд-во Саратовского ун-та. 1985 // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 141-144.

3. Первый съезд РСДРП: преодоление инерции антиисторизма // Коммунист. 1988. № 6. С. 44-51. (В соавторстве с А.Ф.Костиным).

4. Партия большевиков в годы реакции и нового революционного подъема // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 82-98. (В соавторстве с Н.И.Канищевой и Т.П.Придворовой).

5. Эволюция политической структуры России в конце XIX—начале XX века (1895-1913) // История СССР. 1988. № 5. С. 36-53. (В соавторстве с Б.И.Грековым и К.Ф.Шацилло).

6. Первый съезд РСДРП: преодоление инерции антиисторизма // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. С. 152-164. (В соавторстве с А.Ф.Костиным).

7. Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. Ч. I-VI. М., 1988. 1291 с. Введение и отв. составитель. (В соавторстве с Б.Д.Гальпериной).

8. Рец. на кн.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988 // Вопросы истории КПСС. 1988. № 10. С. 134-136.

9. Книга о системе политических сил в Эстонии начала XX века // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 159-161. (В соавторстве с А.П.Корелиным).

10. Шестая Пражская // Правда. 1988. 8 апреля. (В соавторстве с Ю.Н.Амиантовым и З.Н.Тихоновой).

11. Ред.: Вопросы истории. 1988. № 1-12.

1989

1. Ты станешь самой точной наукой // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 68-74.

2. Отв. ред. кн.: Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1989. 123 с.

3. Отв. ред. кн.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989. 321 с.

4. История политических партий России 1907-1914 годов в советской историографии // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 147-160. (В соавторстве с О.В.Волобуевым, М.И.Леоновым, А.И.Уткиным).

5. КПСС и непролетарские партии: новое исследование // Вопросы истории КПСС. 1989. № 6. С. 137-140. (В соавторстве с С.В.Кулешовым).

6. Историко-партийная наука: условия развития // Коммунист. 1989. № 16. С. 37-46. (В соавторстве с О.В.Волобуевым и С.В.Кулешовым).
7. К разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 12. С. 21-50. (В соавторстве с Н.В.Блиновым, Р.В.Филипповым и И.А.Алуфом).
8. Новое о политической истории России накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 160-162.
9. Политические партии России в 1905-1907 годах (Обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6. С. 180-195. (В соавторстве с Н.И.Канищевой, М.И.Леоновым, Д.Б.Павловым, С.А.Степановым).
10. Шестая, Пражская // Урок дает история. М., 1989. С. 57-74. (В соавторстве с Ю.Н.Амиантовым и З.Н.Тихоновой).
11. Ред.: Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. 246 с.
12. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 5-20. (В соавторстве с О.В.Волобуевым и В.И.Миллером).
13. Средства и методы идеологического воздействия кадетов на средние городские слои в 1907-1914 гг. // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 52-59.
14. Изучение истории борьбы классов и партий в период империализма // Общественно-политические проблемы истории СССР в 80-е гг. Итоги и задачи.

- М., 1989. С. 120-143. (В соавторстве с И.М.Пушкаревой).
 15. Отв. ред.: Из хроники партийной жизни 1905-1907 гг. М., 1989. 196 с.
 16. Оценка кадетами манифеста 17 октября 1905 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989. С. 108-114.
 17. Ред.: Вопросы истории. 1989. № 1-12.
- 1990
1. РСДРП в первой российской революции. М., 1990. 64 с. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).
 2. Иллюзии и действительность: кадеты — кто они? // Вестник высшей школы. 1990. № 2. С. 55-63.
 3. Либеральная альтернатива решения рабочего вопроса в России в начале XX в. // Проблемы историографии и источниковедения истории пролетариата Центрально-Промышленного района России. М., 1990. С. 206-212.
 4. Творческий путь К.Н.Тарновского // Исторические записки. 1990. Т. 118. С. 201-232. (В соавторстве с В.А.Емцом).
 5. Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 33-48; № 5. С. 88-106; № 6. С. 137-150; № 9. С. 164-174; № 12. С. 154-171. (Совместно с Д.Б.Павловым).
 6. Революция и нравственность // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 3-20. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

7. Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века // Политические партии, группы и течения в России. Махачкала. 1990. С. 3-6.

8. Политические партии в России в 1905-1907 гг.: численность, состав, размещение. (Количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71-87. (В соавторстве с И.Н.Киселевым и А.П.Корелиным).

9. Рец. на кн.: И.М.Пушкарева. Рабочее движение в России в период реакции. М., 1989 // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 175-176.

10. Ред.: Вопросы истории. 1990. № 1-12.

1991

1. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. 232 с.

2. Первая российская революция 1905-1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 50-66. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

3. РСДРП на демократическом этапе революции (1905-1917 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 31-41. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

4. Материалы революционного трибунала по делу провокатора Малиновского // История СССР. 1991. № 1. С. 169-182; № 2. С. 151-159; № 3. С. 158-169; № 4. С. 122-136; № 5. С. 120-133; № 6. С. 137-151. (Совместно с Б.И.Коптеловым и И.С.Розенталем).

5. Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905-1907 годах. Документы и материалы // История

СССР. 1991. № 2. С. 160-171; № 3. С. 170-181; № 4. С. 137-158; № 5. С. 134-150; № 6. С. 152-167. (Совместно с Д.Б.Павловым).

6. Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века // Преподавание истории в школе. 1991. № 4. С. 55-58.

7. Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909-1910. М., 1991. Предисловие. С. 5-20.

8. Либеральная альтернатива в начале XX века // Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 260-297.

9. Ленин и массовые революционно-демократические организации в России // Ленин и XX век. М., 1991. С. 98-104.

10. Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 176-191. (Совместно с Д.Б.Павловым).

11. Ред.: Вопросы истории. 1991. № 1-12.

1992

1. Дело провокатора Малиновского. М., 1992. 286 с. Предисловие и составитель. (Совместно с Б.И.Коптеловым и И.С.Розенталем).

2. Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905-1907 годах. Документы и материалы // История СССР. 1992. № 1. С. 144-160. (Совместно с Д.Б.Павловым).

3. Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905-1907 годах. Документы и материалы // Отечественная история. 1992. № 2. С. 147-175; № 3. С. 132-154; № 4. С. 127-135. (Совместно с Д.Б.Павловым).

4. Из протоколов Парижского совещания членов ЦК партии кадетов (1921) // Исторический архив. 1992. № 1. С. 89-113. (Совместно с Н.И.Канищевой и Т.Ф.Павловой).

5. РСДРП в годы первой российской революции // Реформы или революция? Россия 1861-1917. С.-Петербург, 1992. С. 121-130. (В соавторстве с С.В.Тюкиным).

6. Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 161-190. (Совместно с Д.Б.Павловым).

7. Рец. на кн.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. С.-Петербург, 1991 // Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 194-196.

8. Многопартийность в России: история и современность // Обновление России: Трудный поиск решения. Вып. 1. М., 1992. С. 141-159.

9. Политическая карта России в 1905-1907 гг. Количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 114-142. (В соавторстве с И.Н.Киселевым и А.П.Корелиным).

10. Рец.: Вопросы истории. 1992. № 1-12.

1993

1. Отв. ред.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. 365 с.

2. Конституционные демократы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 87-107.

3. Октябристы // Политическая история в партиях и лицах. М., 1993. С. 108-128. (В соавторстве с Д.Б.Павловым).

4. Отв. ред.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. 559 с.

5. Кадеты, или Искусство компромисса // Полис. 1993. № 1. С. 147-153.

6. Октябристы, «партия пропавшей грамоты» // Полис. 1993. № 2. С. 144-149. (В соавторстве с Д.Б.Павловым).

7. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов // Полис. 1993. № 4. С. 159-164.

8. Многопартийность, висевшая в воздухе // Полис. 1993. № 6. С. 166-171.

9. П.Н.Милюков. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 145-182; № 2. С. 127-168. (Совместно с Н.И.Канищевой и К.Плященко).

10. Рец. на кн.: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX—начале XX века. М., 1991 // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 182-183.

11. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 27-39.

12. Рец. на кн.: Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости (Исторический портрет П.Н.Милюкова). М., 1993 // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 184-185.

13. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45-59; № 3. С. 100-115.

14. Ред.: Вопросы истории. 1993. № 1-2.

1994

1. Ред.-координатор: Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905—середина 1930-х гг. В 6-ти томах. Т. I. М., 1944. 527 с.

2. Теоретические представления либералов о войне и революции // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 127-139.

3. Отв. ред. кн.: Политические партии современной России. М., 1994. 379 с.

4. История, деформированная властью, или Хожение по кругу // Кентавр. 1994. № 2. С. 3-18.

5. Единственный выход — военная диктатура. Из воспоминаний Л.Н.Новосильцева — председателя Союза офицеров армии и флота (июль-август 1917 г.) // Исторический архив. 1994. № 1. С. 78-101. (Совместно с Н.И.Канищевой и К.Г.Ляшенко).

6. Рец. на кн.: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992 // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 175-177.

7. Рец. на кн.: Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994 // Свободная мысль. 1994. № 6. С. 121-122.

8. Политические партии отечественных предпринимателей: история и современность // Обновление

России: Трудный поиск решений. Вып. 2. М., 1994. С. 182-188.

9. Рец. на кн.: Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993 // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 175-177.

10. Либералы и массы (1907-1914 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 46-63.

11. Отв. ред.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. 304 с.

12. Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 39-59.

13. Ред.: История политических партий России. М., 1994. 447 с.

14. «Союз 17 октября» // История политических партий России. М., 1994. С. 87-110. (В соавторстве с Д.Б.Павловым).

15. Оппозиция Его Величества: кадеты // История политических партий России. М., 1994. С. 111-142. (В соавторстве с Н.Г.Думовой).

16. Роль интеллигенции в формировании политической культуры // Россия в новое время: Выбор пути исторического развития. М., 1994. С. 100-102.

17. Либеральная модель общественного переустройства России: поиски путей модернизации // Либеральная модель общественного переустройства России на рубеже XIX-XX в. М., 1994. С. 28-50.

18. К оценке результативности столыпинских реформ // Государственная деятельность П.А.Столыпина. М., 1994. С. 4-10.

19. Экономическая программа русского либерализма // Кентавр. 1994. № 4. С. 73-86.

20. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1994. № 6. С. 31-40.

21. Проблема зоологического и культурного национализма в либеральной концепции национального вопроса // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Ч. I. М., 1994. С. 135-140.

22. Ред.: Вопросы истории. 1994. № 1-12.

1995

1. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX—начало XX в.). Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1995. 286 с. (В соавторстве с С.С.Секиринским).

2. Альтернативы политического процесса в России в начале XX века. (К постановке проблемы) // Обновление России: Трудный поиск решений. Вып. 3. М., 1995. С. 28-34.

3. Отв. ред. кн.: Дебаты о земле в Государственной думе 1906-1917 годы. М., 1995. 395 с.

4. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1995. № 1. С. 99-110.

5. Ред.: По следам прошлого. Книга для чтения по истории в начальной школе. Ч. I. М., 1995. 144 с.

6. Глупо делить эту маленькую Землю // Дружба народов. 1995. № 8. С. 146-161.

7. Отв. ред. кн.: Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX вв. М., 1995. 459 с.

8. Ред.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. 400 с.

9. Оппозиция его величества // Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995;. С. 36-66.

10. Политическая программа русского либерализма // Кентавр,, 1995. № 6. С. 24-42.

11. Ред.: Езопросы истории. 1995. № 1-12.

1996

1. Марксисты и русская революция. М., 1996. 240 с. (В соавторстве с С.В.Тютюкиным).

2. Отв. ред.; д. кн.: История России. 1861-1917. Экспериментальное учебное пособие для средних школ. М., 1996. 352 с.

3. Ред.: По следам прошлого. Ч. 2. Дороги истории. Книга «i» начального обучения истории. М., 1996. 159 с.

4. Либерализм и самосознание российской интеллигенции // Обновление России: Трудный поиск решений. Вып. 4. М., 1996. С. 112-118.

5. Ред.-координатор.: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г.-июнь 1921 г. Т. 4. М., 1996. 554 с.

6. Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996. 304 с. Предисловие и составитель. (Совместно с Д.Б.Павловым,).

7. Политические партии России. Документальное наследие // Вестник Российского гуманитарного научного фонда., 1996. № 2. С. 122-126.

8. Отв. ред. кн.: В.А.Демин. Государственная дума России (1906-1917 гг.): механизм функционирования. М., 1996. 216 с. Предисловие. С. 3-5.
9. Отв. ред. кн.: Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. 872 с.
10. Отв. ред. кн.: История современной России 1682-1861. Экспериментальное учебное пособие для средних школ. М., 1996. 463 с.
11. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. № 7. С. 130-136.
12. Становление многопартийности в России // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996. С. 25-36.
13. Отв. ред. кн.: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1996. 408 с.
14. Рец. на кн.: Н.Г.Королева. Земство на переломе (1905-1907 гг.). М., 1995 // Отечественная история. 1996. № 5. С. 181-183.
15. Отв. ред. кн.: Меньшевики. Документы и материалы. 1903-1917 гг. М., 1996. 515 с.
16. Отв. ред. кн.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. 686 с.
17. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 280 с.
18. Ред.: Политическая история. Россия — СССР — Российская Федерация. В 2-х тт. М., 1996. Т. 1. 656 с; Т. 2. 720 с.

19. Либеральная альтернатива в начале XX века // Политическая история. Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 467-533.
 20. Ред.: Вопросы истории. 1996. № 1-12.
- 1997
1. Отв. ред. кн.: История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. Москва, 21-22 мая 1996 г. М., 1997. 408 с.
 2. Феномен многопартийности в России // История национальных партий в России. Материалы международной конференции. Москва. 21-22 мая 1996 г. М., 1997. С. 11-22.
 3. Отв. ред. кн.: Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 2. 1912-1914 гг. М., 1997. 520 с.
 4. Отв. ред. кн.: Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 5. Июнь-декабрь 1921 г. М., 1997. 552 с.
 5. Отв. ред. кн.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. 744 с.
 6. «Русский вопрос» и союзники по Антанте. Из журналов общих собраний Всероссийского Национального центра 1919 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 76-102. (совместно с Н.И.Канищевой и К.Г.Ляшенко).
 7. Политические партии России в зеркале энциклопедии: проблемы и решения «Круглый стол» // Отечественная история. 1997. № 3. С. 149-150.

8. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. Сб. статей. М., 1997. С. 9-20.

9. Модернизация и тупики конфронтации между властью и обществом // Обновленная Россия: Трудный поиск решений. Вып. 5. М., 1997. С. 123-139.

10. Общество и власть в России: исторические грани взаимодействия // Обновленная Россия: Трудный поиск решений. Вып. 5. М., 1997. С. 95-122 (в соавторстве с В.В.Журавлевым, А.П.Ненароковым и А.К.Сорокиным).

11. Ред.: Вопросы истории. 1997. № 1-12.

Оглавление

Предисловие	5
Глава первая.	
ТРАВМИРОВАННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ	8
Глава вторая.	
СРЕДИ ЛЮБЯЩИХ И ЛЮБИМЫХ	21
Глава третья.	
В ДЕРЕВНЕ	39
Глава четвертая.	
ВОЗВРАЩЕНИЕ В КУЗНЕЦК	72
Глава пятая.	
УНИВЕРСИТЕТ	84
Глава шестая.	
ВНОВЬ В ДЕРЕВНЕ	106
Глава седьмая.	
ГЕЛЕНДЖИК	П7
Глава восьмая.	
АСПИРАНТУРА	127
Глава девятая.	
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР	149
Глава десятая.	
ИМЛ	197
Глава одиннадцатая.	
РНИСиНП и РОССПЭИ	224
Вместо эпилога. Несколько несвоевременных размышлений	245
Приложения	253

В. В. Шелохаев

ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

Художественное оформление А.Сорокин

Компьютерная верстка Н.Мерзляков

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать
25.12.97. Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,25. Уч.-изд.л. 11,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 2886

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, **корп.1.**

Тел. 181-00-13 (дирекция);

181-34-57 (отдел реализации). **Факс** 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6